

Альжаппарова Б.К.

**ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА (XVIII-XХ ВЕКА.)**

Учебное пособие

Альжаппарова Б.К.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА (XVIII-XX ВЕКА.)

Учебное пособие

ЭВЕРО
Алматы, 2020

УДК 94(574)(075.8)
ББК 63.3(5Қаз)я73
А 36

Рекомендовано к печати Ученым советом Евразийского
национального университета имени Л.Н.Гумилева
(Протокол №14, 26.05.2019)

Рецензенты:

Ковальская С.И.: д.и.н., профессор, кафедра истории
Казахстана, ВНУ имени Л.Н.Гумилева
Бекмагамбетов У.Ж.: к.и.н., доцент, Казахский
Агротехнический университет имени С. Сейфуллина

Альжаппарова Б.К.

А 36 **Историография и источниковедение истории Казахстана**
(XVIII-XX века). Учебное пособие. – Алматы: Эверо, 2020. -156 ст.

ISBN 978-601-342-239-8

Учебное пособие рассматривает ключевые проблемы историографии и источниковедения истории Казахстана (18-20 века). Учебное пособие изложено в виде глав и параграфов, в которых изучены основные темы историографии истории Казахстана в новое и новейшее время, фрагментарно исследованы исторические источники 18-начала 20 в., прослежена историография аграрной истории Казахстана, рассмотрены современные концепции отечественной историографии.

УДК 94(574)(075.8)
ББК 63.3(5Қаз)я73

ISBN 978-601-342-239-8

© Альжаппарова Б.К., 2020
© Эверо, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Историография истории Казахстана в эпоху Нового времени	14
1.1 Историография истории Казахстана во второй половине XVIII века	14
1.2 Историография истории Казахстана в XIX веке	21
1.3 Аграрная история Казахстана в трудах исследователей конца XIX - начала XX века	32
1.4 Западная историография истории Казахстана (XVIII-XIX вв.)	38
2. История Казахстана 18-начала 20 веков: источники и документы	59
2.1 Документальные материалы по истории XVIII-начала XX вв	59
2.2 Степная историология (XIX в.).	69
2.3 Труды представителей казахской интеллигенции XIX века как исторический источник	77
3. Историография аграрной истории Казахстана в новейшее время.	87
3.1 Аграрная история Казахстана в трудах советских исследователей.	87
3.2 Современная историография аграрной истории Казахстана	99
3.3 История крестьянских восстаний в Казахстане в отечественной и западной историографии.	121
Список литературы.	133
Тестовые вопросы	136
Словарь терминов.	150

ВВЕДЕНИЕ

Западноевропейские историки Ш.В. Ланглуа и Ш. Сеньобос отстаивают положения, которыми должны руководствоваться и современные историки. Суть этих тезисов заключается в том, что прошлое человечества не зависит от сознания историка. Историк не создает и не может создать прошлое, он его отражает, воссоздает, реконструирует на основе источников, которыми располагает. И его задача состоит в том, чтобы воспроизвести, воссоздать это прошлое как можно точнее. В ходе развития исторической науки соответствие между реальным историческим процессом и его отражением в сознании историка становится все более полным [37, С. 9].

Современные историки утверждают, что в процессе становления исторической науки понимание предмета и задач исследования существенно усложнилось. Современная практика исторического исследования признает возможность различных подходов к изучению прошлого. Произошла эволюция истории: от эмпирической науки, главной целью которой было исследование политических событий, историческая наука трансформировалась в дисциплину, изучающую общество в его динамике. Историки утверждают: «В поле зрения историка включен широкий круг явлений – от хозяйственной и политической жизни страны до проблем частного существования, от изменений климата до выявления представлений людей о мире. Предметом изучения оказываются события, модели поведения людей, системы их ценностных установок и мотиваций» [46, С. 4].

Современная история – это история событий, процессов и структур. Расширение исследовательского поля историков связано с деидеологизацией истории, произошедшей в постсоветское время, и объясняется влиянием тенденций, имеющих место в мировом историческом пространстве. Диверсификация исследовательского поля историков связана также с тем, что, вне зависимости от парадигм конкретных исследовательских направлений, объектом исторической науки является рядовой человек.

Данное учебное пособие основано на курсе «Историография и источниковедение истории Казахстана». Однако учебное пособие не претендует на полное изложение всей программы и охватывает только несколько разделов примерной программы, так как в рамках

одного пособия невозможно охватить все вопросы. Учебное пособие написано в виде глав и параграфов, в которых предпринимается попытка исследовать ключевые темы историографии истории Казахстана в новое и новейшее время, фрагментарно исследуются исторические источники нового времени. Хронологические рамки учебного пособия охватывают только новое и новейшее время, что объясняется изученностью древней и средневековой историографии Казахстана и определяется новизной и сложностью данного хронологического периода – 18-20 вв.

Теоретической базой учебного пособия по историографии и источниковедению Казахстана стали труды отечественных и зарубежных историков: Д.И. Дулатовой, Н.Э. Масанова, С.К. Игибаева, Ш. Фицпатрик, Л. Виолы, И. Огайон и других.

Пособие состоит из трех глав, каждая из которых посвящена отдельному периоду развития историографии Казахстана – от нового времени до настоящего времени. Особое внимание уделяется современным концепциям отечественной истории, историографии аграрной истории Казахстана.

Цель изучения дисциплины «Историография и источниковедение истории Казахстана» – формирование исторического мышления, изучение истории становления историографии Казахстана, исследование источников по истории Казахстана.

Задачи изучения учебной дисциплины:

Задачами курса «Историография и источниковедение истории Казахстана» является изучение понятийно-терминологического аппарата источниковедения и историографии, изучение вопросов периодизации отечественной историографии, приобретение навыков источниковедческого исследования.

Современные теоретические концепции в историографии Казахстана. На современном этапе развития отечественной исторической науки огромную значимость обретают вопросы методологии научных исследований. Общеизвестно, что методология – это принципы, логические формы, структура и техника исследований, способствующие познанию сути предмета и интерпретации фактических данных. В более широком смысле – это «теоретическое выражение практики конкретного точного исследования и средство поиска на частные исторические вопросы»

[28, с.123]. До недавнего времени историки в своих исследованиях руководствовались формационным подходом, который предполагал применение таких обобщающих понятий как «способ производства», «класс», понятиями, которые выражали высокую степень абстрагирования от конкретной реальности. Между тем, «историческая наука — это наука прежде всего о конкретном и индивидуальном, наукой же об общем и повторяющемся она является лишь постольку, поскольку не игнорирует конкретного и индивидуального, но максимально вбирает его в свои обобщения» [16, С.38]. В этой связи мы считаем оправданным изучение и использование огромного массива фактографического материала.

Формационное видение истории, по мнению исследователей, предопределяет направление мысли исследователя и приводит к игнорированию самой сущности исторического процесса — истории людей. История человечества в рамках этой парадигмы укладывалась в историю пяти общественно-экономических формаций. История народа трактовалась через призму классов и классовой борьбы. Революции представлялись локомотивами истории, более правомерным признавался революционный, а не эволюционный путь развития. Однако на современном этапе более востребованным признается цивилизационный подход. Большая востребованность цивилизационного подхода, учитывающего социально-психологические реалии и традиционную ментальность людей, проистекает также из специфики современных реалий, связанных с крушением коммунистической идеологии и мировой системы социализма.

Основателем цивилизационного подхода к истории традиционно считают британского ученого, автора 12-томного труда «Постижение истории» Арнольда Тойнби (1889–1975). Тойнби был религиозным историком. По мнению Тойнби, историей правит Божественная идея, постичь которую можно с помощью интуиции [51].

В работе Арнольда Тойнби предметом исторического исследования является жизнь человеческих обществ. Тойнби подразделяет историю человечества на ряд локальных цивилизаций, имеющих одинаковую внутреннюю схему развития. Факторами, стимулирующими развитие цивилизации, являются, по Тойнби, внешние причины (географические, климатические, экологические), ослабление же и разложение цивилизации происходят в силу

внутренних причин. Также основным фактором появления и становления цивилизации является духовно-религиозный фактор. При этом каждая из пяти основных выделяемых историком цивилизаций (западная, восточно-христианская, исламская, индуистская, дальневосточная) перенимает черты предшествующих цивилизаций.

Предметом исследования Арнольда Тойнби была и цивилизация кочевников. По мнению Арнольда Тойнби, Цивилизация кочевников появилась в результате ответа на вызов природной среды, и все свои усилия кочевники направили на преодоление вызова Степи. По мнению А. Тойнби, кочевники не смогли бы одержать победу над Степью и выжить в столь суровом естественном окружении, если не развили бы в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость [51, с.183].

В исторической науке Казахстана существует и идея тесной взаимообусловленности природы и человека, географических и хозяйственных процессов, концепция географического детерминизма. Западный историк Э. Хантингтон утверждал, что именно климат, непрерывно пульсируя, приносил людям то процветание, то упадок, решающую роль в мировых событиях отводил климатическому фактору: изменения климата приводили даже к гибели ряда цивилизаций Древнего Востока и обусловили движение кочевников из Центральной Азии [15, с. 126]. Так, в частности, в научной литературе получила апробацию точка зрения, которая предполагает существование связи между климатическими изменениями (постепенным усыханием климата к началу I тыс. до н.э.) и переходом к кочевому скотоводству [57]. Ученые полагают, что появление и развитие кочевого скотоводческого хозяйства было обусловлено адаптацией людей к суровым природным реалиям, борьбой за существование, попытками найти более рациональную и адекватную географическим условиям форму хозяйствования. Даже по версии ученых, которые полностью не поддерживают теорию о климатических изменениях, «усыхание климата и было тем последним толчком, который побудил людей окончательно забросить земледелие и полностью перейти к кочеванию». [56, с.187].

Теория новой социальной истории, существующая в зарубежной исторической науке, находит своих последователей и в

отечественной историографии. В этой связи кажется уместным провести краткий исторический экскурс в эту теорию. Становление новой социальной истории как направления в историографии произошло в послевоенные десятилетия и было тесно связано с процессом обновления методологии исторической науки. Суть этого направления английские историки выразили следующим образом: «Кульминацией социальной истории должна стать история всеобъемлющая, охватывающая личность, умонастроения и общество» [39, с. 94]. Сигелбаум триадой американской социальной истории называл - гендер, этнос и класс [39, с. 95]

Что отличает новую социальную историю от классической социальной истории? Предметом исследования в рамках новой социальной истории наряду с классами и сословиями стали социальные микроструктуры: этнические и религиозные группы, общины, маргинальные слои общества. Историки этого направления противопоставили прямолинейному классовому подходу более сложную картину социальных структур, страт, что позволяло глубже исследовать характер социальных противоречий, политику государства, роль идеологии. [44, с. 235].

В этот период социальные историки начинают изучать культуру в ее антропологической интерпретации, которая фактически отражает реальное содержание обыденного сознания людей прошлых эпох. Это понятие, по мнению современных историков, охватывает ментальные представления, символические системы, психологические установки, модели поведения и т.д. [44, с. 236].

Огромное влияние на формирование «новой социальной истории» в Англии оказали работы британских историков Эдварда Палмера Томпсона, К. Хилла, Э. Хобсбаума, Дж. Рюде, Р. Хилтона, их конкретные исследования и теоретико-методологические статьи. Признанным основателем «новой социальной истории» в Англии считается Э. Томпсон, и само ее рождение обычно связывается с изданием в 1963 г. его книги «Становление английского рабочего класса». [44, с. 237]

Огромный вклад в становление этого направления внес П. Томпсон, написавший монографию «История английской архитектуры». Историк правомерно утверждал, что до 20 века в фокусе исторической науки находилась политика как документальное воссоздание борьбы за власть, и, к сожалению, жизни простых людей, экономическим процессам и религии

уделялось мало внимания, за исключением кризисных периодов вроде Реформации, Гражданской войны в Англии или Французской революции. Историческое время измерялось только царствованиями и династиями. Даже историки, исследующие региональную, локальную историю, больше интересовались вопросами по управлению округом, чем повседневной жизнью поселка. По мнению П. Томпсона, отчасти это было обусловлено тем, что сами историки, принадлежавшие к правящим и управленческим сословиям, считали, что это и есть самое важное [52, с. 17].

В сфере же исследования социальной истории, по П. Томпсону, находится повседневная жизнь простых людей, например, история детства и семьи, а также численность населения, уровень рождаемости, структура семьи, взаимоотношения на производстве, условия жизни рабочих и другие факторы [52, с. 19]. По Томпсону, История приобретает новое измерение, как только в качестве «сырья» начинают использоваться не только политические документы, но и жизненный опыт самых разных людей. В этом контексте большую значимость представляют воспоминания современников, переживших этот период.

В качестве примера исследований, написанных в рамках этой концепции, необходимо привести монографии Ш. Фицпатрик о социальной истории СССР 1930-х гг. Необходимо констатировать, что Ш. Фицпатрик является классиком ревизионистского направления западной историографии. В своих исследованиях Ш. Фицпатрик рассказывала о повседневной жизни советских людей, «о путях и способах, с помощью которых советские граждане пытались вести обычную жизнь в необычных условиях, созданных сталинизмом» [54, с. 7].

В рамках новой социальной истории сложился ряд направлений, таких как новая локальная история, история женщин, гендерные исследования, новая рабочая история, крестьянские исследования, исторические биографии. Эти дисциплины были обязаны своим происхождением массовым общественным движениям, происходившим в 1980-е гг.: феминистскому движению, социальным выступлениям и т.д. [44].

Современной школой в отечественной историографии является повседневная история - «новая отрасль исторического знания, изучающая сферу человеческой обыденности во множественных

историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах». В центре внимания истории повседневности комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных групп, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события [43]. Под повседневностью сегодня современные историки понимают не только то, что описывают этнографы (условия жизни и труда, жилище, питание, одежда, медицина, техника и технология), но и весь спектр соответствующих взаимоотношений — поступки, идеалы, ценности и правила, регулирующие поведение человека. Как пишут современные историки, «взгляд через призму повседневности позволяет увидеть историю в другой перспективе» [43]. Объект исследования в рамках теории повседневности - рядовой «маленький» человек.

Теория повседневности получила достаточное освещение в западной и отечественной исторической науке. Необходимо констатировать, что зарождение теории повседневности относят ко второй половине 20 века, когда происходит становление междисциплинарности в западной исторической науке. Проблема повседневности была поставлена на повестку дня в трудах последователей школы «Анналов». Одним из западных исследователей, труды которого положили начало становлению этого направления, являлся французский историк Фернан Бродель, применивший в книге «Структуры повседневности: возможное и невозможное» новое понятие «социальная экономика». Историк в этой работе изучает многие атрибуты повседневной жизни — географические и экологические условия жизни, трудовую деятельность, мореходство, коммуникации, город, жилища, моду и т.д. [11]. Следует отметить, что историки школы Анналов основали так называемый междисциплинарный подход, связанный с привлечением в историческую науку методов других наук, не только гуманитарных, но и естественнонаучных.

В центре внимания Фернана Броделя была не политическая история, не государство, не выдающиеся деятели эпохи, а экологическое пространство, «геоистория», изучение «материальной цивилизации». А.Я. Гуревич писал: «Бродель исходит из того, что природные и географические условия вкупе с материально-экономическими данностями всецело детерминируют деятельность людей. Отсюда тезис о связанности и несвободе

индивидов и человеческих групп, принужденных выбирать узкие тропинки среди недвижимых массивов predetermined истории. Отсюда принципиальное пренебрежение событием. Оно происходит в «коротком времени». Ф. Бродель изучал историю структур, «огромных временных протяженностей».

В современной исторической науке Казахстана появляются исследования, написанные на базе принципов и методов квантитативной истории, или клиометрии. Это новое междисциплинарное направление в исторической науке, основанное на применении математических методов. Как новое научное направление клиометрия окончательно оформилась во второй половине 20 века. Как логичное следствие этого, появилось и устойчивое его определение. В частности, С. Уильямсон приводит следующее определение: «клиометрика - это применение экономической теории и количественных методов для описания и объяснения исторических процессов и явлений в сфере экономического развития».

Необходимо разъяснить, что понятия «клиометрика», «квантитативная история» и «количественная история» тождественны: отечественные историки предпочитали использовать термин «количественная история», зарубежные - «квантитативная история». Среди представителей квантитативной истории в США наибольший интерес вызывают научные изыскания Р. Фогеля, Д. Норта и С. Энгермана. Американские клиометристы занимались историческим моделированием, предпочитая использовать «альтернативные» модели исторических процессов, конструировали искусственные явления и ситуации, затем эти модели сопоставляли с реальными историческими явлениями и давали оценку того, как происходило историческое развитие.

В казахстанской историографии есть свои последователи и у такого направления как историческая биография. Актуальность этого направления обусловлена персонализацией предмета исторической науки. Специфика исторической персоналистики в противоположность гражданской истории состоит в том, что в центре внимания историка находится конкретная личность. Историки сосредотачивались на жизни и деятельности конкретного человека, на среде его обитания, чтобы на этом единичном примере показать облик эпохи. В XX веке, особенно во второй половине XX века, когда произошло кардинальное обновление методологии

истории, «исторические биографии» полководцев и политиков были вытеснены персональной историей, биографиями обычных ничем не примечательных людей. Однако именно биографии казалось бы ничем не примечательных рядовых людей способны, при наличии документальной базы, пролить свет на неизученные аспекты истории.[26]

У биографической литературы есть свои противники и скептики, утверждающие, что каждый рассказ о жизни является субъективным, односторонним и неполным. Они считают, что биографии людей, написанные даже на документах и источниках, являются историческим вымыслом, только отдаленно напоминающим реальную историю жизни конкретного человека. Но даже эти утверждения скептиков не в состоянии поколебать позиции биографического направления.[26].

Под биографией в полном смысле слова понимается исследование и описание жизни выдающейся личности. Современные историки в своей работе приводят следующее определение понятия «Историческая биография»: «В истории человечества встречаются такие личности, которые, некогда появившись, проходят затем через века, через тысячелетия, через всю доступную нашему умственному взору смену эпох и поколений. Такие люди поистине "вечные спутники" человечества... Речь может идти о политических и государственных деятелях, о представителях науки, культуры, искусства. В этом смысле нет никаких ограничений, никаких условий. Вернее, условие лишь одно: ощутимый вклад, внесенный в развитие человеческого общества, его материального и духовного бытия» [26, С. 47].

Личность рассматривается под разным углом зрения историками, философами, психологами, филологами и другими. Но именно историкам, в отличие от других гуманитариев, следует верифицировать результаты исследований, подтверждать исследования персоналий архивными материалами, воспоминаниями современников, документальной и художественной литературой. В сущности, что есть История? История - это события, произошедшие во времени и пространстве. Однако эти события не произошли бы, если бы в них не участвовали люди, личности. При этом нужно учитывать то влияние, которое оказывает личность на исторический процесс.

особенности ее жизни, мировоззрения, убеждения и принципы, которые формируют ее неповторимую уникальность.

Новое течение в отечественной историографии - теория локальной истории. Вопрос о предмете и объекте локальной истории до сих пор является невыясненным. Одни ученые придерживаются тезиса, что локальная история - это история, ограниченная только географическими территориальными рамками и именно границы районов и областей должны определять периметр для исследования историков. Другие историки утверждают, что локальная история должна изучать «небольшую», малую территорию, но на протяжённом хронологическом этапе. Современные российские историки определяют локальную историю как «историю места, под которым понимается не территория, а «микросообщество», сообщество людей, осуществляющих определённую историческую деятельность. Следует отметить, что как исторический объект локальная история тесно связана с региональной историей. Однако в отличие от региональной истории у локальной истории не политическая, а социокультурная и экономическая специфика.

Таким образом, на современном этапе развития исторической науки, произошла диверсификация отечественной историографии, что связано с процессами деидеологизации истории в постсоветское время.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ НОВОГО ВРЕМЕНИ.

1.1 Историография истории Казахстана во второй половине 18 века.

В XVII-XVIII вв. в западноевропейской историографической традиции на смену провиденциализму пришел рационализм, что было обусловлено секуляризацией истории, ее освобождением от теологии - мировоззренческой основы средневековой историографии. Провиденциализм, господствовавший в средневековой историографии, основывался на христианском мифе о сотворении мира, исторические процессы считались провиденциально обусловленными, определенными внешней по отношению к историческому процессу силой, богом. Существовала вера в Божественное предопределение истории. В исторических сочинениях средневековья присутствовали библейские персонажи и события, сверхъестественные силы свободно вмешивались в историю людей, происходили невероятные факты и чудеса, которыми средневековые историки доказывали божественное вмешательство в историю. Божественное провидение признавалось главной движущей силой истории. [26].

Совершенно на других началах основывалась гуманистическая историография. История выступала в их сочинениях как результат не божественного промысла, а деятельности людей, которая может быть рационально объяснена и осмыслена. Историки - гуманисты не были атеистами, однако они придали истории светский характер, устанавливали причинно-следственные связи в историческом процессе, старались рационалистически объяснять события.

Вытеснив в историографии провиденциализм, гуманисты весьма критически относились к сообщениям источников. Они создали основы исторической критики источников, без которой было бы невозможно развитие истории как науки, разоблачили многие средневековые легенды и фальшивки. В поисках достоверных исторических фактов и аргументов гуманисты разыскивали и публиковали новые исторические источники, памятники материальной и духовной культуры [26].

Гуманистическая историография заложила основы новой периодизации истории - не по четырем монархиям, как было

принято в средние века, а по трем периодам - древней, средневековой и новой истории.

Примерно такие же тенденции происходили и в русской историографии XVIII века. Провиденциализм был вытеснен рационализмом, объяснением исторических событий волей и действиями людей - полководцев, правителей, политиков. Под влиянием европейских революций XVI-XVII вв. история рассматривалась как прагматический процесс, обусловленный разумом и целями человека.

В это сложное и противоречивое время происходили изменения и во внешнеполитической стратегии России, произошла активизация России на Востоке. Становление казахстанского направления в восточной политике Петра I совпало по времени с оформлением имперской доктрины в России. В официальной доктрине Казахстан рассматривался как врата на Восток и буферная зона, отделяющая Россию от Средней Азии.

В 18 в. история Казахстана получила отражение в трудах русских историков, чиновников, путешественников. Официальные структуры Российской империи были заинтересованы в освоении природных богатств края, в колонизации, что было возможно только после изучения территории Казахстана. Была создана Оренбургская экспедиция, которой руководил Иван Кириллович Кириллов (1695-1737). Экспедиция должна была выполнить следующие задачи: строительство Оренбургской крепости, сбор сведений о природе, населении, истории, этнографии, хозяйстве Западного Казахстана, проведение картографических съемок территории, разведывание полезных ископаемых, строительство заводов и фабрик [25].

В 1737 г. начальником Оренбургской экспедиции, которую переименовали в Оренбургскую комиссию, был назначен В.Н.Татищев - политический деятель, администратор, дипломат, ученый, находившийся вне Академии наук (1686-1750). В 1719 г. Татищев получил поручение Петра I написать географическое описание России и стал собирать и изучать исторические труды.

В.Н. Татищев был приверженцем рационализма, исторические процессы объяснял не волею божьей, а развитием «всемирного умопросвещения», совершенствованием человеческого разума, что, по его мнению, выражало суть поступательного развития истории. По своим политическим взглядам он был сторонником самодержавия и

крепостничества. Осуждал народные выступления, бунты, революции [25].

В.Н. Татищев написал «Историю Российскую с самых древнейших времен», в которой проследил историю и азиатских народов: скифов, аланов, узов, хазаров, сарматов. Ссылаясь на труды Константина Багрянородного, утверждал, что казахи и Казахия были известны еще в 9 - 10 вв и территория Казахии была размещена в Причерноморской степи. Относил казахов в так называемую «скифскую группу» [25].

В трудах В.Н. Татищева есть также сведения о монгольском нашествии на земли кыпчаков, болгар и русских княжеств. Историк описывал западную завоевательную кампанию монгол, произошедшую в 1236-1243 гг, исследовал битву на реке Калка, в которой столкнулись совместные кыпчак-русские войска и армия монгол. Освещал деятельность монгольского хана Бату [25].

В центре внимания историка была и история Золотой Орды, например, период Великой смуты, когда происходила борьба за власть между потомками разных фамилий джучидов, сопровождаемая дворцовыми интригами и переворотами. Историк также исследовал политическую историю Орды в период деятельности Тохтамыша, захват Тохтамышем Москвы, войны между Тохтамышем и Тамерланом. [25].

Исследуя историю казахов, В. Н. Татищев изучил родоплеменной состав, этническую территорию, традиции и обычаи народа. Выработал и свой научный метод исследования. Находясь на службе в Казахстане, Татищев составил в двух вариантах первую в мире анкету географо-этнографических исследований, состоящую из 98 вопросов. В анкете ученый ставил перед собой задачу исследовать название, самоназвание и происхождение почти всех народов Российской империи. [1].

В «Российском историческом, географическом и политическом лексиконе»-энциклопедическом словаре Казахстану посвящено несколько статей. В данных статьях автор описал границы территории Казахстана, разделение на три жуза и взаимоотношения жузов с Россией и Джунгарией. В статье «Кибитка» описывается юрта кочевников [1].

Историк приводит следующие сведения о казахах: «Народ многочисленный из всех сил, обитают от Яика до Аральского моря... Сей народ разделяется на три части, по их нему именуют

сотни: Большая, Средняя и Малая, и каждая имеет своего хана. Граничат с ними от Каспийского моря трухмены, а также Хива. Возле Сыр реки аралы и каракалпаки, а далее зунгоры у реки Сураса. Со всеми войну непрестанную имеют» [25].

Один из участников Академической экспедиции 1768-1774 гг. И.Г. Георги написал и издал работу «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...». Вторая часть труда посвящена описанию тюркских народов, в том числе и казахского. Автор, в основном, писал о Младшем и Среднем жузах, так как о Старшем жузе в 18 веке авторы имели слабое представление.

И.Г. Георги (1729-1802) необоснованно утверждал, что данные казахского фольклора совершенно непригодны для исследования истории казахского народа. И.Г. Георги придерживался ложного тезиса, что казахи являются потомками киргизов, которые, якобы, под давлением неблагоприятных исторических событий, пришли от Енисея на Обь и устремлялись все далее на запад и юго-запад [1].

История Казахстана нашла отражение и в трудах профессора Г.Ф. Миллера (1705-1783). Г.Ф. Миллер являлся крупным исследователем Сибири, историю которой он тесно связывал с историей Казахстана и Средней Азии. Так, вопреки официальной точке зрения, он указывал, что енисейские киргизы и казахи - совершенно разные народы. Г.Ф. Миллер также написал статью «О начале происхождения казахов», которая содержит исторические данные по истории Казахстана [1].

Историк, ссылаясь на Ремезовскую летопись и труды Абулгазы, исследовал историю Сибирского ханства, приводил данные по генеалогии правителей Сибирского ханства, рассказывал об их взаимоотношениях с Казахским ханством. Излагал историю правления хана Кучума, во время которого в Сибири впервые был введен ислам. Г.Ф. Миллер утверждал, что Кучум был чингизидом и представлял династию шейбанидов, которая традиционно противостояла казахским ханам, особенно в борьбе за присырдарьинские города. Ученый отмечал, что в трудных ситуациях хан Кучум не искал убежище среди казахских ханов. Историк изучал также вопрос о калмыках и утверждал, что во время правления Кучума - в 80-90-е гг. 16 века, калмыки не проживали на территории южной Сибири и западной части Алтайских гор. [25, С. 140].

А.И. Тевкелев - дипломат, переводчик, сотрудник Коллегии иностранных дел, по поручению Анны Иоанновны, посетил территорию Младшего жуза. Российский посланник находился на территории Казахстана два года - в 1731-1733 гг. Результатом пребывания А.И. Тевкелева в Казахстане стало принятие султанами и старшинами Младшего жуза российского подданства. Эти события отражены в пяти донесениях, специальном журнале и топографическом описании маршрута движения его отряда. В «Журнале бытности в Киргиз-кайсацкой орде переводчика Мамета Тевкелева. 1731-1733 гг.» изучена историческая география, хозяйство, жузовая система и политическая организация Казахского ханства. В «Журнале» А.И. Тевкелева отражается также политическая ситуация в Степи в 1731-1732 гг., противостояние между Абулхайром и антиханской оппозицией в лице султана Барака по вопросу российского подданства [24].

А.И. Тевкелев написал и другие труды, описывающие историю и этнографию казахов. Так, в «Поколенной росписи династий казахских ханов и султанов» изучена родоплеменная структура жузов. А.И. Тевкелев детально изложил родоплеменной состав жузов и территорию кочевания казахских родов. Например, в состав «жетиру» включил семь родов: «табын, тама, кердери, джагалбайлы, тияу, рамадан» [24, С. 65].

В «Известии о киргиз-кайсацком народе» ученый раскрыл территорию кочевания казахских родов, исследовал историю и экономику города Оренбурга, построенного на берегу р. Ор и занимавшего пограничное положение между Степью и территорией России. По утверждению А.И. Тевкелева, город на берегу р. Ор был построен по просьбе хана Абулхайра, изложившего этот вопрос в письме к Анне Иоанновне. В необходимости строительства этого города хана Абулхайра убедил А.И. Тевкелев. Вот что пишет А.И. Тевкелев: «... на что он, хан, со всею ордою склоняясь и признавая оное представление мое полезным, просил Е.и.в. письменно о постройке на устье реки Ор города. И по оному ханскому прошению г. Оренбург по возвращении моем из киргиз-кайсацкой Орды построить в 1733 г. проектировал статский советник Кириллов». [24, С. 320]. В дальнейшем, начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов обосновал проект по строительству города Оренбург. Таким образом, в работах А.И. Тевкелева есть материалы по истории и этнографии Казахстана.

П.И. Рычков (1712-1777) - экономист, историк, географ. В 1734 г. был привлечен в Оренбургскую экспедицию, в составе которой работал над составлением новых карт Оренбургского края. В качестве пояснения к картам написал «Топографию Оренбургской губернии». Данная работа состоит из двух частей: первая часть посвящена общему обзору губернии, вторая - отдельным административным единицам губернии. Четвертая глава посвящена населению, есть данные о численности отдельных народов Оренбургской губернии, их происхождения.

В работе «Краткое описание о киргиз-кайсаках» П.И. Рычкова нашла отражение политическая организация, экономическая и социальная структура казахского общества. Историк исследовал также территорию казахских жузов: «Весь народ киргизский разделяется на три орды: на Большую, Среднюю и Меньшую. Они делятся на роды и племена» [40].

П.И. Рычков писал: «Киргиз-кайсацкие кочевые народы, в давние уже времена разделяясь на три орды, улусами своими в разных местах расположены, из которых от российских границ дальнейшие кочует к стороне Малой Бухарии, около городов Туркестана и Ташкента, и называется изстари Большою Ордою. Другая, называемая Среднею Ордою, начинает располагаться по сю сторону Туркестана и протягивается больше к сибирской стороне к новозаведенным крепостям по Сибирской, Уйской и Верхояицкой линиях. Третья, именуемая Меньшею Ордою, со внешней, т.е. степной стороны кочует недалеко от Средней Орды». [40, С. 195].

К сожалению, П.И. Рычков не избежал ошибочного тезиса об идентичности казахского и киргизского народов, которого придерживались в это время некоторые российские историки. Историк относил алатауских киргизов, называемых дикокаменными киргизами или кара-киргизами, к четвертому жузу, к «Четвертой Орде». «Есть и четвертая Орда под именем киргизов же, в которой находится весьма дикой и сильный народ, кочующий в горах, называемых Алатау, почему и называется он алатаевскими киргизами». [40, С. 195]. Не были обойдены вниманием и вопросы вероисповедания: «Закону все они магометанского». [40, С. 197].

В этой работе П.И. Рычков изложил отрывок из рескрипта барона Игельстрома от 3 июня 1786 г., в 4 пункте которого сказано: «Разделение степи для киргизцов сперва на три части и построение там городов, тако же, где прилично, для главных их родов -

мечетей, школ и гостиных дворов весьма нужны и полезны, и чем скорее вы к сему приступите, тем более нам приятно будет». Рассмотрел 13-й пункт этого рескрипта барона Игельстрома, в котором сказано: «заводимые в степи города надлежит стараться прежде всего обречь ровом и укрепить валом, дабы и работы в них успешнее производимы и оборона на случай воровских покушений удобнее найдена быть могла, но при всем соблюдать крайнюю осторожность, чтоб столь диких народов не потревожить и не отвратить». [40, С. 276].

П.И. Рычков утверждал, что эти пункты рескрипта барона Игельстрома не были реализованы на практике, т.е. в Среднем и Младшем жузах так и не были построены города и школы.

Неоценимый вклад в изучение историко-этнографических проблем Казахстана внес военный инженер И.Г. Андреев (1744-1824). Самой крупной работой И.Г. Андреева является его этнографический труд о казахском народе «Описание средней Орды киргиз-касаков». Она состоит из 6 глав и представляет собой попытку исторического и этнографического описания казахов Среднего Жуза. Кроме того, для этнографов важна и другая рукопись И.Г. Андреева «Краткое описание о киргиз-кайсаках». В этой работе кратко изложены исторические события 1782-1796 гг., а также уделяется внимание границам, нравам, промыслам. Наибольшее внимание в работе автора уделено населению казахского народа на территории региона. Приводится сравнение между распределением казахских родов в период завоевания Сибири в 16-17 вв. Под киргиз-кайсаками И.Г. Андреев подразумевал и казахское, и киргизское население [1].

В работе присутствуют названия родов с указанием мест кочевания, приводятся имена ханов, султанов, старшин. Сведения этого характера очень важны, так как предоставляют исследователям материалы о родоплеменной структуре казахов во второй половине 18 века и позволяют сравнить современное Андрееву распределение казахских волостей с более поздним.

Таким образом, труды русских исследователей второй половины 18 века раскрывают историю и этнографию Казахстана. Необходимо отметить, что эти труды не свободны от фрагментарности и основаны на ограниченном круге источников, что в принципе характерно и для западной историографии 18 века. В этих исторических сочинениях историки проводят тезис о

необходимости усиления колониальной политики в Казахстане. Однако, несмотря на фрагментарность, эти произведения сыграли большую роль в воссоздании политической, экономической и социальной истории Казахстана второй половины 18 века.

1.2 Историография истории Казахстана в 19 в.

Включение Казахстана в сферу экономики и политической жизни России вызвало необходимость всестороннего изучения его особенностей: осмысление его исторического прошлого, выявление его природных ресурсов, уровня производительных сил. В 19 веке происходит активизация историко-этнографических исследований территории Казахстана.

Крупной монографией является монография русского военного Гавердовского Я.П., ставшая результатом поездки в Бухару в начале 19 века. Это была дипломатическая экспедиция, в составе которой были доктор Савва Большой, переводчик Бекчурин, переводчик Оренбургской пограничной комиссии Биктяшев, ахун Фазиль Исмаилов и другие. Однако эта экспедиция провалилась. Караван был захвачен, доктор Савва Большой попал в плен, находился в плену около одного года. Гавердовскому удалось избежать неволи и спасти отдельные дипломатические документы. 30 сентября 1803 г. Гавердовский Я.П. с основной частью своих людей вернулся в Оренбург [21].

После завершения экспедиции, Гавердовский Я.П. 2,5 года работал над рукописью монографии «Обозрение киргиз-кайсацкой степи». Монография состоит из отдельных тематических разделов, отражающих географию, историю и этнографию Казахстана. Однако эта работа не была опубликована в период его жизни и была издана небольшими частями в журнале «Сибирский вестник» в 1820-е годы [21].

Первый раздел «Географическое и физическое обозрение степи киргиз-кайсаков» состоит из нескольких глав. В главе первой «Общее определение степи» Гавердовский изучает географические и климатические особенности Казахстана. Историк пишет, что соседние жители называют территорию Казахстана Степью, казахи называют - Сары дала, т.е. желтая или Дикая степь. «Жители соседние страну эту называют степью... Сие наименование ввелось, как кажется, в употребление или от образа жизни киргизов,

избирающих для кочевья своего преимущественно равнины, или от самых степных пространств. Сами киргизы называют ее Сарыдала, т.е. Желтая, или лучше сказать, Дикая степь». Историк характеризует и суровый континентальный климат Казахстана, сопровождаемый стужей, буранами и снежными вихрями [41].

Своеобразна и характеристика кочевого образа жизни казахов: «Умножение табунов составляет главную заботу каждого киргиза. Сие заставляет его переходить с одного места на другое и, говоря правильнее, кочевать». [41, С. 427]. Я.П. Гавердовский отметил и главную опасность, угрожающую благополучию кочевников зимой. Это джуты. Характеризовал и меры борьбы с джутами. Например, такую, как отгон табунов на более благополучные территории. Вот что пишет по этому поводу историк: «Если только в начале осени вместо снега не покроет земли гололед, тогда гибель великих табунов бывает неизбежна. Тогда некоторые аулы, презирая все препятствия, стараются с неспешностью убежать из таковых мест в другие отдаленнейшие места» [41, С. 428].

Интересно описание ремесел: кузнечного, медного, паяльного, серебряного, и золотого рукоделия. Историк детально характеризовал вышивание золотом, шелками, изготовление кожи, мехов и т.д. Историк справедливо отмечал, что большую часть обязанностей по хозяйству выполняют женщины: «... скотоводством, рукоделием, приготовлением пищи, мытьем белья и т.д., занимаются женщины, а мужчины... проводят время в праздности, ибо главное их занятие состоит только в присмотре за табунами, в «изыскании привольных мест для перекочевок и отделывании кибиточных решеток и деревянной посуды». [41, С. 464].

Предметом исследования историка были также и вопросы социальной структуры традиционного казахского общества начала 19 века. Гавердовский придерживался тезиса, что критерием разделения общества на богатых и бедных, является количество скота, которое «разделяет круг их общества на богатых, посредственных и бедных» [41, С. 462].

Необходимо констатировать, что в начале 19 века казахское общество условно подразделялось на несколько социальных страт или сословий: «белая кость» (ақ сүйек) и «черная кость» (қара сүйек). Первое сословие было закрытой, привилегированной группой. К этому сословию относились два аристократических

слоя: торе (чингизиды), из среды которых избирались ханы и ходжи-сейиды - духовенство, традиционно называемые «қожа». Сословие «қара-сүйек» включало родоплеменную структуру казахского народа и состояло из категорий биев, батыров и других. Вхождение в группу биев и старшин зависело от личностных качеств человека.

Существовало и экономическое разделение, которое однако в это время было нечетким и приобрело более четкую градацию только во второй половине 19 века, когда в результате административно-политических и экономических реформ произошли изменения и в социальной структуре.

Гавердовский Я.П. был военным, и разумеется, в центре его внимания было и воинское мастерство кочевников. Он акцентировал внимание на специфике и особенностях военного дела, характеризовал виды оружия, стратегию и тактику ведения войны в условиях Степи. Историк подчеркивал, «киргизы с юных лет приучаются управлять оружием», что воинское искусство в степи является более всего «удальством, свойственным всем кочевым народам», «Быть без оружия у киргизов вменяется в бесчестие». [41, С. 436].

Историк изучал также ритуалы, обряды, обычаи и традиции, существовавшие в Степи. Так, в центре его внимания была внешняя атрибутика и символика, отличавшая представителей султанского сословия от народа. Например, историк детально описывал церемонию приветствования султанов: «Простолюдия при встречах со знатным, не доезжая до него за несколько шагов, слезает с лошади и по приближении брал у него руку и сжимал оную с почтением». [41, С. 462]. «..При встрече хана или султана кладут обыкновенно руку на грудь, и останавливаясь с некоторыми наклонами, дожидаются, покуда они проедут, произнося Алдияр, Алдияр. Равные приветствуют друг друга просто, и без всякого отличия. Они сжимают друг другу только обе руки». [41, С. 462]. Таким образом, в «Рукописном обозрении киргиз-кайсацкой степи» сосредоточены данные по истории и этнографии казахского народа.

Немалую роль в изучении данной проблематики сыграли труды А. И. Левшина (1799-1879). А.И. Левшина по праву называли «Геродотом казахских степей». В 1832 г. он издал замечательный труд, в котором была описана география, история и этнография казахской Степи. В первой части труда историк воссоздал

географию и климат Казахстана, ссылаясь на Геродота, Платона Карпини, Рубрука, Дженкинсона, проводил исторический экскурс в этимологию топонимов «Сырдарья», «Сейхун», «Аракс», «Яксарт», которые, по сути, являются топонимами великой реки Средней Азии. Историк справедливо отмечал, что река Сырдарья была границей, которая разделяла оседлые народы от кочевых, и на землях, расположенных к северу и северо-востоку от Сырдарьи, всегда жили народы, «мало известные просвещенному миру». [38, С. 150].

А. И. Левшин также описал месторождения полезных ископаемых: золотые и серебряные прииски, свинцовые и медные рудники, соляные озера. В частности, описал Илецкое месторождение горной соли: «Горная соль находится около Илецкой защиты, которую мы также относим к произведениям степей киргиз-казачьих. Пласт ее, простирающийся от севера к югу на 600 сажен, и от востока к западу на 500, есть истинное сокровище». Исторические памятники, памятники архитектуры и зодчества, сохранившиеся в Казахской степи и являющиеся свидетельствами истории народа, также были в центре внимания А.И. Левшина.

В этой же работе А.И. Левшин изложил историю казахско-джунгарских войн, воссоздал годы «великого бедствия», сложную внешнеполитическую ситуацию, в которой оказался Казахстан в начале 18 века, когда совершали нападения волжские калмыки, башкиры, сибирские казаки, джунгары. Джунгарская опасность была наиболее угрожающей стабильности государства. Историк писал, что джунгарский правитель Галдан-Церен в годы «великого бедствия» захватил Туркестан, Ташкент, Сайрам, установил власть в племенах «Большой и Средней орд». [38, С. 167]. Историк также характеризовал борьбу казахского народа против джунгарского вторжения.

Предметом исследования историка была также история правления казахских ханов, в частности, история правления хана Тауке, «Ликурга орд казачьих». Историк пишет: «При имени сем сердце всякого киргиз-казака наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это дракон орд казачьих. Он соединил слабые роды вместе для сопротивления сильным, а сильные усмирил, и дал всем вообще законы, по которым судил их, и которые доныне живут в памяти благоразумнейших киргизов.

При всех сих заслугах и при всем влиянии своем на орды киргизские, Тауке не имел полной власти над народом и действовал более благоразумием, опытностью, связями и искусством, нежели силою». Историк, опираясь на рассказы старожилов, характеризовал время правления хана Тауке как время, «когда народ жил в покое», «существовали правосудие и порядок» [38, С. 167].

В этой работе историк характеризовал и образ жизни кочевников, хозяйственно-экономическую структуру кочевников, включающую кочевое скотоводство, земледелие, промыслы. Примечательной особенностью этого труда является то, что А.И. Левшин попытался проследить влияние географического фактора на хозяйственно-культурный тип, сложившийся в Степи.

Глава «Образ управления и законы» уникальна тем, что была дана характеристика правовой структуры казахского общества, законам Жеты-Жаргы, принятых в период правления хана Тауке и являющихся продолжением и логическим завершением законов ханов Касыма и Есима. А.И. Левшин разместил в работе 34 фрагмента законов «Жеты – Жаргы», устных степных законов, регулирующих имущественные и земельные конфликты, классифицирующих преступления и наказания за эти преступления.

Историк также освещал деятельность Оренбургской экспедиции, деятельность И.К. Кириллова, который руководствуясь Инструкцией из 15 пунктов, основал город Оренбург. А.И. Левшин полностью изложил статьи этой Инструкции, заложившие по сути, основы колониальной политики России в Казахстане. Уникальность этой работы заключается также в том, что были опубликованы документы, освещающие колониальную политику России в Казахстане, например, Устав о сибирских киргизах.

Значительный интерес к изучению истории казахского народа проявил Я.В. Ханыков (1818-1862), русский географ и картограф. Он в течение почти 15 лет занимался исключительно изучением географии казахской степи и стран, лежащих в бассейне Семиречья и среднеазиатского междуречья. В своей первой работе он использовал статистические и этнографические данные о казахском народе, вторая работа «Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г.», написана в историко-этнографическом плане и является результатом самостоятельных изысканий автора. В ней приведена подробная таблица родоплеменной структуры Внутренней Букеевской Орды, указано местоположение зимних и

летних пастбищ каждого родоподразделения, численность населения, скота, глиняных и деревянных построек, состояние торговли и т.д. [1].

Крупнейшим этнографом азиатских народов был Г.Н. Потанин. Его труды по истории и этнографии казахского народа до сих пор не потеряли своей научной значимости. По истории и этнографии казахского народа он написал более 50 статей, заметок и книг. Интерес вызывают его труды «Казах-киргизские и алтайские предания и сказки», «В юрте последнего киргизского царевича».

Жизнь и деятельность Г.Н. Потанина была связана с Казахстаном. Он был выпускником Сибирского кадетского корпуса, участвовал в основании крепости Верный, был одним из основателей движения сибирского областничества, выступавшего за автономию Сибири. Г.Н. Потанина неоднократно арестовывали за участие в движении сибирских областников, приговаривали и к каторжным работам. В октябре 1861 г. Г.Н. Потанин был заключен в Петропавловскую крепость, откуда в том же году был выслан на родину, под надзор полиции.

Одну из первых научных экспедиций Г.Н. Потанин совершил летом 1862 г. на Урал. В 1863 г. в качестве переводчика и натуралиста экспедиции астронома К.В. Струве отправляется к устью реки Кокбекты, и затем, на следующий год, в сопровождении проводника Таны Тлемисова - к подножию гор Тарбагатай. В ходе этой экспедиции Г.Н. Потанин собрал сведения о быте казахов, которые были дополнены и документальными материалами. В работе «Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 г. Карла Струве и Григория Потанина», опубликованной в 1867 г., Г.Н. Потанин рассказал о своей поездке в край. Описывал быт казахов: кочевки на джайляу, пословицы и поговорки, загадки, песни, сказки [42].

В работе «Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863-1864 гг.)» Г.Н. Потанин освещает экономику и быт казахов, живущих на берегу озера Зайсан. Г.Н. Потанин освещал и процессы развития земледелия в этом регионе, констатировал то, что «земледелием занимается самый бедный класс киргизского народа и не на правах собственников, а на правах егинчей». [42, С. 84.] Историк пишет: «Землевладельцем считается поколение. Поколение общими силами производит тоган и корчует поля, т.е. производит те общественные работы, которые превосходят собственные силы егинчей.

Хлебопашество на Зайсане, вероятно, гораздо древнее первых наших исторических известий о нем» [42, С. 85.]. Историк исследовал и процессы науперизации крестьянства, трансформацию кочевого хозяйства в полукочевое, что выражалось в строительстве зимовок и домов, в развитии промыслов, в частности, рыболовства.

В работе «Поездка по Восточному Тарбагатаю» Г.Н. Потанин исследовал и такие проблемы, с которыми неизбежно сталкивались кочевники, как волки и барымта. Историк писал: «Волки производят такое опустошение в стадах киргизов, что сделались их общими врагами, и киргиз не может без остервенения смотреть на них» [42, С. 139.] «Есть у киргизского хозяйства и другие волки. Это барымта» [42, С. 139.].

Необходимо подчеркнуть, что барымта была предметом исследования русских и зарубежных историков. Этимологически слова «барымта» означает «то, что мне должны». Как писал Ч.Ч. Валиханов, барымтой называется захват чужого скота или чужих вещей, вообще, чужой собственности, за неуплаченный долг - калым или кун. Историк писал: «Случалось в старину, что сильный племенным родством киргиз не платил кун за убийство или аип за оскорбление, нанесенное им какому-нибудь менее сильному киргизу или же, совершив убийство или кровную обиду, не хотел идти на суд. Тогда по решению родового сейма оскорбленные шли на баранту. После примирения убарантованный скот возвращался сполна, но без всякого аипа» [12, С. 332.].

Таким образом, барымта являлась методом решения споров, санкционированным адатом: устным степным правом и предполагала угон скота, принадлежавшего кому-либо из кочевников, другим кочевником, посчитавшим себя обиженным или оскорбленным. Обычно барымта осуществлялась родственниками для того, чтобы заставить противоположную сторону справедливо решить конфликт. Скот удерживался пострадавшей стороной до тех пор, пока не достигалось соглашение. После он возвращался полностью или удерживался в качестве общей компенсационной суммы ущерба, причиненного в результате того или иного злодеяния.

В соответствии с нормами адата барымта, безусловно, являлась легитимным обычаем. Однако российское законодательство определяло барымту как серьезное преступление, разбой и грабеж.

Российские чиновники приравнивали барымту к грабежу, воровству, конокрадству.

В отличие от историков, утверждавших, что барымта в глазах кочевников является методом решения имущественных конфликтов, возникавших между родами, Г.Н. Потанин считал, что «большинство киргизского народа относится к барымте враждебно» [42, С. 139.]. Г.Н. Потанин пишет, что кочевники, имеющие имущество, «хлопочут о его безопасности». «Тем более об этом хлопочут люди, скопившие большое богатство разными путями. И влиятельные люди, преследующие это зло, пользуются народным уважением». Историк придерживался тезиса, что «представление о киргизах как о поголовных барымтачах является в высшей степени несправедливым». [42, С. 139.]

В этой связи Г.Н. Потанин изложил историю конфликта между влиятельным родоправителем Тарбагатай Биджи и барымтачем Тюлюгуном. Мы решили привести этот отрывок: «Биджи имел не далее как в 10 верстах врага. Это был Тюлюгун. Оба они соперничали во влиянии среди тарбагатайского населения. Тюлюгун хотел покорить его страхом своих набегов. В киргизском обществе от разных невзгод и эксплуатации сильных образовался пролетариат; из этих бобылей Тюлюгун сгруппировал значительную толпу наездников, которые не имеют ничего, кроме хорошей лошади, хорошего ружья и изысканного платья. Из этих людей, презирающих комфорт и мирную жизнь, Тюлюгун составил себе силу, с которой легко соперничал с Биджи, князем тарбагатайской торговли. Тюлюгун грозился развеять богатства Биджи, а последний прилагал все усилия закончить вражду дипломатическим путем. ...». [42, С. 140.]

В центре внимания историка была и региональная история Казахстана. В одной из работ Г.Н. Потанин повествует об истории, экономической деятельности и структуре города Семипалатинск. Раскрывает историю создания и строительства Семипалатинска. Констатирует то, что русский посол в Китае Ф.И. Байков нашел в Семипалатинске остатки каменных строений, в которых жили буддийские монахи, что свидетельствует о том, что в 17 в. в Семипалатинске находилось поселение буддийских лам.

Г.Н. Потанин исследовал структуру Семипалатинска, состоявшую из двух частей - русской и татарской, в которой, в частности, располагались мечети и минареты, придававшие городу

восточный колорит. В этой связи кажется уместным привести отрывок из этой работы: «Семипалатинск - это своего рода Одесса на нашей среднеазиатской границе, но надо сказать, что это сравнение впадает в карикатуру. Он напоминает город Одессу и своею ужасною песчаной пылью, которая подала повод местным жителям прозвать его «песочницей». [42, С. 518]. Г.Н. Потанин не обошел вниманием и город Усть-Каменогорск, описал экономическую деятельность и архитектуру города, строения которого напоминали «большие сибирские деревни» [42, С. 530].

Г.Н. Потанин исследовал также традиции, обычаи и обряды кочевников, в частности, обычай гостеприимства, на котором акцентировали внимание и другие историки и этнографы. В одной из статей этнограф писал, что значение гостя в Степи измеряется расстоянием от места встречи до юрты хозяина. Если хозяин выходит только на несколько шагов из юрты, то это свидетельствует о незначительности гостя.

В центре внимания историка была и повседневная жизнь кочевников. Так, в одной из работ, ученый рассказывал о путешествии на берег Иртыш и о европейских новинках в быту кочевников. Например, знаменитый бий Тана Тлемисов перекочевывал с зимних пастбищ на летние и обратно в «хорошем тарантасе, запряженном тройкой лошадей». [42, С. 19]. Г.Н. Потанин пишет: «В юрте у Таны мы нашли много европейских вещей. Вообще, Тана совершал свои перекочевки с таким комфортом, какой только может придумать для себя европейский путешественник по Средней Азии» [42, С. 19].

Определенный вклад в изучение истории и этнографии Казахстана внес В.В. Вельяминов-Зернов (1830-1904 гг.). историк-востоковед, нумизмат, археолог. В 1851-1856 гг. служил в Оренбурге и проявил заинтересованность историей тюркских народов. В 1862-1866 гг. написал оригинальную работу «Исследования о касимовских царях и царевичах» в 4 томах. Значительная часть этой работы посвящена ранней истории казахского народа. Знание восточных языков позволило ему работать с восточными источниками.

В.В. Григорьев (1816 - 1881). Окончил филологический факультет Санкт-Петербургского университета, отделение восточных языков. В 1842 г. Григорьев написал диссертацию «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому

духовенству». С 1854 по 1859 г. был председателем Оренбургской Пограничной комиссии. Основные труды Василия Васильевича Григорьева посвящены истории Востока, в частности, истории Казахстана и Средней Азии. Это такие работы как "О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре: записки мирзы Шемса Бухари", "Кабулистан и Кафиристан" (1867), "О скифском народе саках" (1871). В 1876 г. В.В. Григорьев издал сборник своих статей под названием "Россия и Азия", посвященный 3 международному съезду востоковедов в Петербурге. Дополнил и написал комментарии на книгу К. Риттера «Восточный Туркестан» (1867).

В.В. Григорьев ввел в научный оборот термин «государство Караханидов». Так была названа первая тюркская мусульманская страна Центральной Азии. Историк также обосновал тезис, что карлуки были одним из основных племен государства Караханидов, что впоследствии было подтверждено и другими исследователями.

Исследователь Н.А. Аристов на материалах восточных рукописей, переведенных на западноевропейские и русский языки, а также на базе русских архивных материалов, фольклорных, этнографических данных написал труды по истории тюркских народов, в которых исследовал и вопросы истории Казахстана. Изучал и родоплеменную структуру казахских жузов и придерживался вывода, что в составе казахских жузов есть племена кипчак, дулат, аргын, найман и др. Исследовал влияние кочевого образа жизни на сохранение родовой терминологии у казахов в конце 19 века [1]. Н.А. Аристов полагал, что роды играли важную роль не только в бытовой жизни тюркских кочевников, но и в политической истории. Н.А. Аристов писал: «При таком значении родов, когда вся жизнь и судьбы кочевника определялись принадлежностью к роду, родовые имена должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить в различные союзы, целиком и частями, но должны были твердо сохранять свои исконные имена. И в самом деле, как увидим, родовые имена, записанные многие века тому назад китайскими историками, — конечно вследствие политического значения носивших их родов, — сохраняются частью и поныне. Это обстоятельство даёт возможность определить, в значительной мере, этнический состав тех из ныне существующих тюркских племён и народностей, которые сохранили кочевой образ жизни и родовой быт, а с ними и родовые имена».

Большой вклад в изучение истории Казахстана и Средней Азии внес знаменитый востоковед, географ, историк В. В. Бартольд. В 1898 г. Бартольд издал «Очерк истории Семиречья», в котором есть исторические материалы по Жетысу с древнейших времен до падения государства калмыков в 1758 г. В этой работе были прослежены политическая история усуней, тюркских государств эпохи средневековья, правление монголов, история монгольского улуса Чагатай, история Семиречья в структуре Казахского ханства. В рамках истории казахско-джунгарских войн В.В. Бартольд провел краткий обзор политической истории Джунгарского ханства, созданного в 1634 г. хунтайджи Батуром. Исследована экономическая и политическая структура Джунгарского ханства. По В.В. Бартольду, в 1640 г. в Джунгарском государстве был создан курултай, на котором было обнародовано знаменитое «Степное уложение» - кодекс степных законов [7].

Историк также раскрыл историю междоусобных войн и распрей в Джунгарии, причиной которых была борьба за власть. Однако эти междоусобные распри не помешали калмыкам совершать нападения на территорию Казахстана. В.В. Бартольд также изучил историю казахско-джунгарских войн в 17-18 веках. В.В. Бартольд писал: «Подобно своим предшественникам, Галдан воевал с казахами и киргизами. В 1681 и 1683 гг. он ходил на Сайрам; в 1683, 1684 и 1685 гг. против киргизов и ферганцев» [7]. Ученый также изложил историю противостояния между Китайской империей и Джунгарией и влияние этого противостояния на политическую обстановку в Центральной Азии в первой четверти 18 в.

В 1898 г. была издана первая часть фундаментального труда В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». В.В. Бартольд также написал монографии «История Туркестана», «История турецко-монгольских народов», «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии». Востоковед В.В. Бартольд изучал и проблемы этнической истории тюрко-монгольских племен. В его трудах есть данные о племенах, вошедших в состав казахского народа. Историк также исследовал этнические термины «узбеки», «узбекский народ», «узбек-казахи», разделение казахов на три жуза связывал с географическим фактором.

В этнографии Казахстана большую роль сыграл А. Диваев (1856-1933). Выпускник Неплюевского Оренбургского кадетского

корпуса, переводчик в Военно-народном управлении в Ташкенте, чиновник при Сырдарьинском военном губернаторе, А. Диваев был пионером изучения фольклора казахского народа. А. Диваев собрал рукописи героического эпосов "Алпамыс", "Кобланды", "Камбар" и др., а также песни, пословицы, и самые различные по сюжету дидактические сказки. А. Диваев справедливо полагал, что фольклорные материалы являются ценными источниками в изучении истории Казахстана и группировал фольклорные материалы на былинные эпосы, сказочные эпосы, легенды, сказки, предания, пословицы, поговорки, загадки.

Итак, в это время был опубликован немалый спектр трудов по истории и этнографии Казахстана. Несмотря на фрагментарность, эти труды внесли огромный вклад в историографию истории Казахстана.

1.3 Аграрная история Казахстана в трудах исследователей конца XIX-начала XX века .

На современном этапе развития суверенного Казахстана, в условиях активизации рыночной экономики, в обществе усиливается интерес к аграрной проблематике. Как отмечал французский историк, представитель школы «Анналов» Фернан Бродель, подразделявший Историю на три уровня, аграрная история - это сфера «Человек, земля, космос» - самый нижний, глубинный слой исторической реальности, где господствуют постоянство и стабильные структуры. По Фернану Броделю, время в этой исторической реальности проходит медленно, изменения взаимоотношений общества и природы измеряются столетиями, иногда тысячелетиями. «Это почти неподвижная история людей в их тесной взаимосвязи с землей, по которой они ходят и которая их кормит, история беспрерывно повторяющегося диалога человека с природой» [11, с.19]. Поэтому попытка вторгнуться в этот налаженный диалог между человеком и природой, предпринятая первоначально в колониальный период, а затем и в советское время - в 1920-1930-е гг., привела к тяжёлым последствиям.

Аграрная история казахов, в частности, вопросы истории кочевого и полукочевого хозяйства, привлекали внимание исследователей разных поколений. Разнообразны как по научному уровню, так и по целевым установкам, труды дореволюционного

периода (конец XIX - начало XX века), в частности, работы А. Алекторова, С. Лаврова, Э. Вульфсона С. Джантюрина, Н. Диваева, А. Скалова, О. Добромыслова и других.

Внимания заслуживает исследование С. Джантюрина, который изучал особенности ведения пастбищного хозяйства, в частности, табунного коневодства и затрагивал спектр природно-климатических и хозяйственных проблем, с которыми неизбежно сталкивался кочевник. С. Джантюрин доказывал насущную необходимость всех типов пастбищ для нормального функционирования хозяйства казахов и показывал отрицательное влияние казачьей колонизации, в пользу которой, как он выразился, «отрезаются лучшие киргизские земли» [18].

С. Джантюрин в своем исследовании выступал также и с практическими рекомендациями, направленными на улучшение положения кочевников: предоставление государством пособий для аренды «тебеневок» на казачьих землях, установление постоянного размера платы, взимаемой казаками с кочевников за право прогона скота на казачьи земли для «тебеневок» и т.д. Последняя рекомендация, по мнению С. Джантюрина, должна пресечь чрезмерные злоупотребления казаков, часто использующих безвыходное положение кочевников в своих меркантильных целях [18]. К сожалению, эти рекомендации С. Джантюрина не были реализованы на практике.

Ценные сведения о хозяйстве и кочевом быте казахов содержатся в исследованиях О. Добромыслова, Н. Диваева, С. Лаврова, А. Алекторова. А. Алекторов акцентировал внимание на точности и отрегулированности маршрутов кочевания, складывавшихся на протяжении веков. «Эти переходы, - пишет он, - до того регулярны и точны, что можно было заранее предсказать, где можно будет найти какой-нибудь из кочевых аулов в любой день в году».

Кочевничество как образ жизни было предметом исследования и Э. Вульфсон. Исследование Э. Вульфсон по сути есть попытка отобразить разнообразную панораму жизни казахов: помимо сведений о хозяйстве есть разделы о воспитании детей, нравах, школьном образовании, системе управления. Автор, рассматривая проблему пауперизации казахов, в целом приходит к правильным выводам о причинах обнищания, которые, по его мнению, коренились в переселенческой политике царизма, налоговой

системе, неэквивалентной торговле Степи с земледельческими центрами. «Нет уж ему, того простора, как раньше, — отмечает он, — ... уменьшаются пастбища его, уменьшается, стало быть, и скот» [13, с.64].

О. Добросмыслов в своем исследовании рассматривал основные составляющие традиционной системы жизнеобеспечения казахов: коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота, верблюдоводство, раскрывал значение и место скотоводства в хозяйстве казахов. О. Добросмыслов являлся противником привнесения земледельческой культуры в казахские степи и придерживался мнения, что в условиях упадка скотоводства в европейской части России, казахские степи должны оставаться «по-старому скотоводческой страной», они должны быть сохранены как «места, исключительно предназначенные для скотоводческой культуры». Кочевое и полукочевое хозяйство, по мнению О. Добросмыслова, должно развиваться в Казахстане как количественно, так и качественно. Для достижения последней цели необходимо ввести в школах, в качестве обязательной дисциплины, скотоводство и сельское хозяйство, организовывать при учебных заведениях сельскохозяйственные фермы. Необходимо отметить, что исследование О. Добросмыслова внесло большой вклад в изучении такой проблемы, как кочевое и полукочевое скотоводство [20, с.288].

Проблемы кочевого скотоводства интересовали и Мусу Чорманова. М. Чорманов изучал структуру и организацию кочевого скотоводства, типы кочевания, особенности выпаса скота в различные сезоны года [55].

Проблема крестьянской и казачьей колонизации исследуется в трудах Н.Коншина [29]. Исследования Н. Коншина охватывали только Семипалатинскую область, на территории которой в тот период размещались обширные территории, в том числе и Каркаралинский уезд. Автор, изучая историю переселения в Семипалатинский край, констатировал, что колонизаторская политика, «отнимая все лучшие земли и оставляя казахам худшие, не могла не ставить преград ко всякому развитию казахского хозяйства» [29, с.22]. Исследователь анализировал влияние казачьей колонизации на обнищание кочевников, рассматривал условия и виды найма казахов на различные работы в казачьи станицы и поселения, отмечал, что казачьи хозяйства в долине Иртыша, как он

выражался, «были приурочены к извлечению тех или иных выгод от труда казахов» [29, с.178].

П. Румянцев в своей работе «Киргизский народ в прошлом и настоящем» изучал воздействие колониальной политики на хозяйство кочевников [47].

Н.В. Аничков в своем исследовании констатировал изменения, происходившие в хозяйстве кочевников: упадок хозяйства и появление «игинчей», т.е. тех, кто был вынужден «ликвидировать скотоводческое хозяйство и обратиться исключительно к земледелию». Причиной упадка скотоводства в конце XIX века он считал периодически повторяющиеся джуты и при этом упускал из виду тот факт, что джуты имели сильные последствия именно из-за земельных притеснений казахского населения. Одновременно автор признавал, что колонизация Степи проводилась в ущерб туземному населению. Рассматривая налоговую систему царизма, Н.В. Аничков утверждал, что причиной нарушения равновесия в бюджете кочевников являлись не налоги как таковые, а «злоупотребления и незаконные поборы со стороны заправил и волостных управителей», что, разумеется, не лишено оснований [3]. Работа Н.В. Аничкова носит статистико-экономический, а не этнографический характер, что в принципе отражает тенденцию, наметившуюся в историографии начала XX века.

В этот период были предприняты и первые попытки классификации и рационального описания существующих форм хозяйствования. Статистик Кауфман, опираясь на материалы повторных экспедиций 1908 года, дал свое определение полукочевому хозяйству. Полукочевое хозяйство, по А. Кауфману, характеризуется появлением земледелия и сенокосения, наличием стационарных зимних жилищ и сокращением, как времени, так и размаха кочевания. А. Кауфман, исследуя эволюцию форм хозяйствования казахов, приходит к выводу о прогрессивности сокращения пастбищ, так как это, по его мнению, приводит к увеличению «потребности в сенокосах» [32].

Аналогичной точки зрения придерживался Т. Седельников, утверждавший, что основным препятствием на пути к рациональным формам хозяйствования является слабая населенность территории. Исследователь признавал реальность процесса изъятия казахских земель и отсутствие юридического основания для колонизации Степи. Он критически воспринимал

результаты экспедиции Ф.Щербина и утверждал, что существующая система землеотводного дела несколько не вникает в земельные нужды и хозяйственные интересы местного населения, что приводит к хозяйственному кризису. В то же время он утверждал, что земельная теснота, «теснота жизни» способствует становлению и развитию более рациональных форм хозяйствования [48].

Т.Седельников разделял существовавшие в казахской степи хозяйственные типы на несколько вариантов: «скотоводческий кочевой», «скотоводческо-земледельческий», «земледельчески-чистый», «чисто промысловый», «земледельческо-промысловый». Исследователь положительно воспринимал идею колонизации казахской степи. «Колонизация степи сама по себе не представляет ничего особенно ужасного и пугающего, если только она будет обставлена должными гарантиями» [48, с.72]. Следует подчеркнуть, что подобная историографическая тенденция была подкреплена результатами и выводами экспедиций по естественноисторическому и хозяйственно-статистическому исследованию степных областей Казахстана, предпринятых в конце XIX и начале XX века.

Аграрная политика царизма и ее последствия стали предметом анализа в трудах казахского ученого и политического деятеля Алихана Букейханова. А.Н. Букейханов прослеживал историю и этапы переселенческого движения, критиковал колониальную политику царизма. А. Н. Букейханов акцентировал внимание на негативном влиянии земельных изъятий на традиционное хозяйство казахов, правомерно утверждал, что изъятие земель проводилось без учета насущных интересов местного населения. Особенно не учитывался такой фактор, как наличие водоемов [8, с.253].

А.Н. Букейханов также констатировал изменения, происходящие в экономической жизни казахов: земельные конфликты, возникающие вследствие неотрегулированности границ зимовок, земельные конфликты между крестьянами и казахским населением, увеличение количества безземельных, «жатаков», «карапы» и т.д. Наряду с этим он акцентировал внимание и на увеличении масштабов сенокосения, промыслов, земледелия. [10, с. 76.]

А. Н. Букейханов также утверждал, что переселенческая политика царизма не способствует улучшению экономического положения и крестьянства. «Распылив превосходные пастбища

киргизской степи и обратив ее в пустыню, крестьянин окажется у разбитого корыта, а киргизы, лишившись к тому времени своих пастбищ, окончательно обнищают, если только, пролетаризованные новыми условиями жизни, они не переселятся на горные заводы и в города» [10, с. 30]. Таким образом, А.Н. Букейханов критически воспринимал земельную политику и был сторонником постепенной естественноисторической трансформации кочевого и полукочевого хозяйства.

Аналогичных взглядов придерживался и Ахмет Байтурсынов, констатировавший процессы обнищания, ставшие следствием аграрной политики царизма. Автор придерживался тезиса, что уменьшение пастбищ способствует истощению хозяйства казахов. Он сравнивал ситуацию, в которой оказался казахский народ с положением человека, заблудившегося в лесу и не знающего, куда ему идти [6, б.47]. В статье «Шаруашылық өзгеріс» А. Байтурсынов отмечал, что для безболезненного перехода к оседлому образу жизни, необходимо наличие многих условий, в частности, плодородные земли, благоприятный климат, наличие источников воды, умение людей обрабатывать почву. Хозяйственные изменения, утверждал А. Байтурсынов, никогда не происходили скачкообразно, они развивались очень медленно, эволюционным путём, на протяжении столетий и тысячелетий [6].

Миржакип Дулатов так же, как и Ахмет Байтурсынов, проводил тезис о соотносительности форм хозяйствования и природно-климатических условий. Казахский народ кочует, писал он, не по своей прихоти, а подчиняясь географическим условиям. Казахские земли, полагал он, не пригодны для земледелия, так как через 12-15 лет земельные участки истощаются и возникает необходимость перехода к новым землям. Для восстановления истощенных земель потребуется 20-25 лет. При этом Миржакип Дулатов ссылаясь на взгляды ученых Клеменца и Винера, утверждавших, что казахские земли пригодны только для ведения скотоводства [33, б.84].

Ж. Сейдалин признавал обнищание казахского народа, вызванное изъятием земель под переселенческий фонд. Факторами, ухудшившими положение народа, он считал существующую систему управления и судебного устройства, и отсутствие народного представительства в законодательных учреждениях. Поэтому Ж. Сейдалин высказывался за организацию съезда, на котором могли бы быть обсуждены наиболее важные вопросы и принята

соответствующая программа, с которой можно было бы обратиться в вышестоящие инстанции [33, 6.52].

Марсеков Райымжан писал о нецелесообразности применения термина «земельные излишки» в контексте традиционного хозяйства казахов. Политика земельных изъятий, по его мнению, способствовала только разорению казахского населения [33, 6.54]. Бекимов А. руководствовался аналогичной точкой зрения и писал о том, что вследствие сокращения земель уменьшаются масштабы животноводства и без скота казахам просто не выжить [33, 6.94]. Сторонником сохранения и развития кочевого скотоводства являлся и А. Жанталин [33].

Следует подчеркнуть, что названные представители казахской интеллигенции выступали не против оседания вообще, а против резкой смены экономических типов на территории Казахстана и привнесения земледелия в регионы, где нет соответствующих природно-климатических условий. Необходимо отметить, что среди представителей казахской интеллигенции были и те, кто рассматривал переход к оседанию с положительных позиций.

Итак, дореволюционный период историографии этой проблемы представлен как исследователями, выступавшими за постепенные изменения в хозяйстве кочевников, так и теми, кто был убежден в благотворном влиянии политики царизма и придавал большее значение не внутренним, а внешним факторам.

1.4 Западная историография истории Казахстана (XVIII-XIX вв.)

Немалый вклад в историографию истории Казахстана внесли западные исследователи, которые изучали территорию Казахстана еще в XVIII веке. Джон Кэстль - английский художник, был приглашен в Оренбургскую экспедицию в 1736 г. и продолжительный период находился в ставке хана Абулхаира. В «Дневнике» Джона Кэстля освещается политическая и социальная история Казахстана в период правления хана Абулхаира. В труде Джона Кэстля также есть материалы, раскрывающие политическую ситуацию в Младшем жузе, деятельность султанов, биев, батыров, поддерживавших хана Абулхаира, взаимоотношения казахов с уральским казачеством, башкирами, калмыками и Оренбургской администрацией [35].

Джон Кэстль в этой работе также описывал хозяйственную деятельность и образ жизни кочевников Западного Казахстана и воссоздал социальную структуру казахского традиционного общества. Художник также исследовал географию региона. Кэстль писал: «Киргиз-кайсацкая земля на востоке граничит с контайши-Калмыкией, на юге - с Бухарией, на севере - с Сибирью и Башкирией, на западе - с Каспийским и Аральским морями и Хивой. Несмотря на то, что климат довольно теплый и зима обычно бывает мягкая, земля совершенно неплодородна ввиду того, что она расположена далеко от океана: в ней мало рек, и холодные или теплые осадки выпадают в небольшом количестве только раз в 3 или 4 месяца» [35, С. 85].

Джон Кэстль вел также длительные беседы с ханом Абулхаиром и впоследствии воссоздал один из разговоров: «Хан спросил меня как человека, который много путешествовал и видел: что я думаю о его стране и бывают ли страны лучше этой? Я чуть не сразу же ответил, что в его стране я получил полное ощущение ада, ведь в ней я не встретил ни леса, ни воды, ни травы, и ни хлеба» [35, С. 37].

Историю Казахстана и Центральной Азии изучали также и во Франции. Еще до появления первых переводов и исторических трудов французских ученых центральноазиатская тема широко применялась в европейской культуре. В 17 в. в Париже в систему университетского образования было введено преподавание восточных языков, что в немалой степени способствовало оживлению путешествий французских исследователей и миссионеров на Средний Восток. В 17-18 вв. французские путешественники достигли берегов Китая, Ирана, Сирии, Кавказа. Благодаря этим поездкам и продолжительному нахождению в отдельных регионах Азии, во Франции к середине 18 в. появились собрания восточных рукописей, содержащих сведения по истории и культуре тюркских народов этих регионов. Одним из результатов стало издание в 1697 г. в Париже так называемой Восточной библиотеки - первого энциклопедического словаря по истории народов Востока, подготовленного Бартеlemi де Моленвилем (1625-1695). Впоследствии этот труд несколько раз переиздавался в Европе и получил признание в европейском научном мире [22].

В период 17-18 вв. видную роль в изучении различных стран и народов Центральной Азии, а также в сборе ценных восточных

рукописей по истории, этнографии и географии этого региона сыграла деятельность французских иезуитов в Китае. Французские иезуиты проживали в Китае почти всю свою жизнь. По верному определению советского ученого В.В. Бартольда, «именно французским иезуитам принадлежат главные труды по изучению литературы, географии и истории Китая, связанные с деятельностью миссий». Важное значение имела исследовательская деятельность французских иезуитов и для исследования истории, географии и культуры центральноазиатских стран, соседних с Китаем[22].

Французские члены ордена иезуитов, или «Общества Иисуса Христа», впервые появились в Китае в конце правления династии Мин (1368-1644) и с этого времени почти два столетия жили и работали в этой стране вплоть до момента полного вытеснения из нее католической миссии в начале XIX в.

Первым европейским миссионером, который был допущен минским правительством в Пекин к императору Ванли, стал глава миссии Маттеориччи (1552-1610), позднее заслуживший исключительное уважение при императорском дворе. После него в Пекин и другие китайские города из Франции приезжали в разные годы в составе миссий следующие иезуиты: в 1659 г. - д Орвиль, в 1681 г. - Шарль Мегрэ (1652-1730), в 1685 г. - Иоахим Бовэ (1660-1732), в 1686 г. - Жан Франсуа Жербийон (1654-1707 гг.), Жан Франсуа Фукэ (1665-1730), Жозеф де Премар (1666-1736)[22].

Историки подчеркивают, что французские миссионеры, как правило, прибывали в Китай под видом математиков, химиков, астрономов, врачей, художников. Благодаря прекрасному знанию нравов и обычаев китайцев, большой любознательности и подвижническому образу жизни, иезуиты в ряде случаев достигали высокого положения при цинском дворе и время от времени получали возможность жить и работать во многих отдаленных уголках Поднебесной империи)[22].

Историки также констатируют, что французские миссионеры создавали новые географические карты и европейский календарь, обучали инструкторов в сфере военного дела, выступали в роли переводчиков и дипломатов. У многих из них был доступ к имперским архивам восточных рукописей и они использовали эту благоприятную возможность для исследования Китая и граничащих с ним на севере центральноазиатских стран. По общему признанию

современных востоковедов, работам иезуитов принадлежит одно из приоритетных мест в истории изучения Китая и пограничных с ним северных степных регионов. По этому поводу В.В. Бартольд в свое время писал, что благодаря иезуитам появились в Европе первые сочинения о китайском языке, первые переводы китайских литературных произведений, первые труды по истории и географии Китая, написанные на основании китайских источников. Он отметил также особый вклад иезуитов в изучение исторических материалов о народах Средней Азии, извлеченные из китайских рукописей[22].

Из трудов французских миссионеров, посвященных истории Центральной Азии, больше всего известны описание путешествия в Россию, Сирию, Грузию Филиппа Авриля (1654-1698), опубликованное в 1692 г., к тексту которого приложена карта Сибири и Китая; сочинения по истории Чингисхана Антуана Гобилья (1639 г.), сборник исторических картографических материалов Цинской империи, составленный и изданный секретарем миссии Жаном Батистом Дюгальдом в 1735 г., полный атлас географических карт империи Цинов (1737 г.), который создал географ и путешественник Жан Батист Боргильон д Анвиль. Во всех этих изданиях присутствуют материалы, имеющие прямое или косвенное отношение к истории и исторической географии северо-восточного Жетысу и Присырдарьинского региона[22].

Кроме трудов вышеназванных лиц неизвестные по именам иезуиты составили в конце 17-начале 18 в. в Китае оригинальную географическую карту джунгарских владений в Центральной Азии, «Калмыцкую карту Рената» по имени знаменитого шведского военнопленного Иогана Густава Рената (1682-1744 гг.), который в период с 1716 по 1733 г. находился в джунгарском плену. В 1879 г. копию этой карты нашел в королевской библиотеке в Линчепинге шведский ученый Стринберг. Тогда удалось установить, что первоначальным создателем этой карты был вовсе не Ренат, а иезуиты, от которых карта попала неизвестным путем к джунгарскому хану Галдан Церену (1727-1745). Галдан Церен передал ее для практического использования своему пленнику-шведу. И.Г. Ренат со временем обработал иезуитский вариант и перевел сделанные его предшественниками надписи с монгольского письма на латинскую графику[22]. Исследовательская деятельность французских иезуитов в Китае была результативной. Они издавали

восточные рукописи, писали письма, записки, доклады, переводы, научные труды.

На основе собранных иезуитами в Китае китайских и восточных рукописей, хранившихся в Париже, французский ученый Жозеф де Гинь (1721-1800) подготовил и издал в 1756-1758 гг. первый в западной историографии фундаментальный труд в пяти томах, посвященный истории и культуре народов Центральной Азии. Основными объектами исследования стали древняя гуннская держава, государства Средней Азии и Восточного Туркестана. Описание собственно истории и этнографии Казахстана, содержащееся в небольшом разделе «Ханы Ташкента, или татары Казачьей орды и каракалпаки», является весьма лаконичным по содержанию. Более основательно представлена политическая история средневекового Могулистана.

Жозеф де Гинь писал, что поставил своей задачей представить историю гуннов, «почти неизвестной нации, которая устанавливала в различные времена монархии в Азии, в Европе, и в Африке», «гуннов, которые впоследствии взяли имя тюрков» [14, С. 16]. Таким образом, французский историк отождествлял гуннов с тюрками, что по мнению современных историков, является ложным тезисом. Жозеф де Гинь также утверждал, что история гуннов - это часть всеобщей истории, которая «заслуживает особого внимания в связи с тем, что тюрки способствовали развалу Римской империи, опустошили Францию, Италию, Германию и другие страны Северной Европы, обратили в руины империю халифов; часто вступали в конфликты с франками» [14, С. 17].

Чингисхан, по мнению французского историка, «представитель нации монголов, относившихся к тюркам». Этот тезис также является неточным, так как монголы не являются тюрками. Необходимо также констатировать, что автор Истории однозначно негативно оценивал монгольские завоевания, результаты походов Чингис-хана и его преемников. Рассматривал монголов исключительно как жестоких захватчиков, причинивших огромные разрушения в завоеванных ими странах. В последующее время этот взгляд на культурно-исторические последствия монгольского завоевания был воспринят европейской исторической наукой [14].

Как все историки того времени, Жозеф де Гинь исследовал, в первую очередь, политическую историю, историю войн, генеалогию правивших в Центральной Азии в 13-17 вв. «татарских династий».

По сути французский историк изложил историю гуннов, монголов, историю завоеваний Чингис-хана и его потомков, политическую историю Монгольской империи и государств, созданных на осколках этой империи. Практически не уделял внимания вопросам социально-культурного развития народов этих стран. Тем не менее этнографические аспекты жизни населения Центральноазиатского региона нашли отражение в его пятитомном исследовании, в том числе, и при описании кочевников-казахов.

Так как источниковой базой этой работы были китайские и восточные рукописи, историк попытался дать характеристику китайской историографии. Жозеф де Гинь писал, что «китаец пишет для формирования сознания, для того, чтобы показать взаимные обязанности суверена и населения, для внушения любви к родине. Китаец стремится избежать тех красивых описаний и интересных эпизодов, которые мы находим у греческих и римских авторов. Он дает фактическое описание, и тщательно отмечает время. Китаец полностью правдив лишь при описании своего народа и частично - при описании других народов» [14, С. 24.]. В этом утверждении есть определенная доля истины. Историки считают, что в Китае историографии придавалось государственное значение. Особенностью китайской историографии была точность датировок.

Историки подчеркивают, что, в отличие от китайской историографии, античные историографы обращали особое внимание на внешние стороны изложения, которые должны были воздействовать на чувства: введение речей, которых реальные личности не произносили, искусственная драматизация действия, создание не столько реального исторического портрета, сколько литературного образа. Историческое произведение рассматривалось не как научное исследование, а как литературное произведение.

Небольшой раздел третьего тома Истории посвящен уральским казакам. В этом разделе де Гинь впервые в западной историографии обратил особое внимание на роль тюркского компонента в этническом происхождении, образе жизни и социокультурном облике жителей Урала и Уральского городка. Жозеф де Гинь выделил их в особую маргинальную субкультурную группу, занимающую пограничное положение между славянскими и тюркскими народами внутренней части Евразии. [22, С. 135.]

Жозеф де Гинь также исследовал историю и этнографию жителей Казахстана. В разделе «Тартары Казачьей Орды, и

каракалпаки» историк писал: «Они занимают очень хорошие земли вдоль реки Джеммы и у подножья гор, которые отделяют их территорию от калмыцкой, но они не умеют их использовать. Они выращивают на земле лишь то, что им необходимо для существования, а это совсем немного, особенно учитывая тот факт, что скотоводство и охота являются их основными источниками пищи, а хлеб они практически не употребляют. Они почти постоянно верхом на лошадях; если они не совершают набегов, то охотятся, оставляя женщинам и рабам заботу о стадах и домашнем хозяйстве». [14, С. 75.]

Их лошади не отличаются экстерьером, но они очень сильные и самые быстрые из всех, что имеются у тартаров к востоку от Каспийского моря. Эти народы кочуют с места на место, укрываясь в палатках или хижинах, не слишком отдаляясь от границы с калмыками и реки Джембы.

Эти тартары исповедуют магометанство, хотя у них нет ни Корана, ни мулл, ни мечетей. У них есть хан, который обычно проводит зиму в городе Ташкенте, а лето - на берегах реки Сырт и у границ с калмыками, но при этом у них есть собственные мирзы, которые пользуются реальной властью и оставляют хану весьма небольшие полномочия.

Они находятся в состоянии постоянной войны со всеми своими соседями. Узбекские тартары, которые, как и они являются магометанами, единственные, с кем они обычно находятся в добрососедских отношениях, потому что к этому их вынуждают к этому обстоятельства» [14, С. 75.]

Необходимо отметить, что сведения, которые приводит де Гинь, неточные и недостоверные, что неудивительно, так как Жозеф де Гинь основывался на ограниченном круге источников. Так, де Гинь утверждает, что у казахов не было ни Корана, ни мулл, ни мечетей, что не соответствует действительности. Уже в XVI в. ислам в Казахстане, в частности, в южных регионах, становится господствующей религией в казахском обществе. Казахи в этот период читали Коран, совершали молитвы, соблюдали пост, обучали своих детей в мусульманских школах

Во второй половине XVIII- середине XIX в. французские ученые достигли успехов в изучении многих азиатских стран, и Париж превратился в главный центр европейского востоковедения. В 1795 г. в Париже была основана национальная школа живых

восточных языков, в которой обучались дипломаты, переводчики и профессиональные исследователи. В 1821 г. в Париже возникло Географическое общество, в 1822 г. - Азиатское общество. Основной целью этих обществ являлась координация исследований ученых разных европейских стран в изучении азиатских государств и народов. Из французских историков необходимо отметить А. К. д'Оссона (1740-1807 гг.), Жан-Пьер Абель Ремуза (1788-1832), Генриха Юлиа Клапрота (1783-1835). [22]

Генрих Юлий Клапрот высшее образование получил в Халде по специальности «классическая филология», а после получения диплома в 1804 г. его пригласили на должность адъюнкта восточного языка и словесности в Петербургской Академии наук. В этой должности он почти семь лет работал в России. Затем в 1811 г. переехал в Берлин, а через несколько лет - в Париж, где и умер в 1835 г. [22]

В 1805-1806 гг. Клапрот совершил путешествие по южным районам Западной и Восточной Сибири в составе посольства Ю.А. Головкина, направлявшегося в Китай. В ходе этой поездки он собрал лингвистические, этнографические и географические материалы, которые позднее использовал в своих трудах. Перу Клапрота принадлежит ряд научных статей, посвященных вопросам истории, этнографии, лексикологии и источниковедения Центральной Азии. [22]

В 1825 г. в Азиатском журнале он опубликовал специальную статью о казахском языке с приложением казахско-французского словаря, состоящего из 400 слов. Научное значение этой работы состоит в том, что она является одним из первых исследований в области сравнительного языкознания. Кроме того, здесь приведены отдельные лаконичные замечания этнографического характера о казахах. [22, С. 138.]

В первой половине XIX века специальные исследования в составе дипломатических миссий и научных экспедиций проводили немецкие ученые, представленные, в основном, выходцами из Прибалтики. Среди этой группы немецких исследователей и путешественников наиболее важный вклад в изучение истории и этнографии Казахстана внесли Г.Ф. Генс (1786-1845), Г.П. Хельмерсен (1803-1885), Т.Ф. Базинер (1817-1862) и некоторые другие. Географ и геолог Грегор Хельмерсен в 1833 г. совершил научную экспедицию на юго-восточный Урал и в Казахскую степь,

в 1834 г. - на Алтай. В 1838-1839 гг. он вновь посетил Казахстан и исследовал геологию Устюрта и других мест.

Г. Хельмерсен написал работу, в которой исследовал географию и социально-экономическое положение Западного Казахстана. Описывал резко континентальный климат с его холодными зимами и засушливым летом. Описывал джуты, с которыми неизбежно сталкивались кочевники в зимний период и их последствия. Так, по данным Г. Хельмерсена в 1827 г. страшный буран «погнал весь скот так называемой Букеевской киргизской орды на север, в Саратовскую губернию». При этом погибло 10 500 верблюдов, 280 500 лошадей, 30 480 голов крупного рогатого скота и 1 012 000 овец [57, С. 96].

По мнению исследователей, джуты могли повторяться с определенной цикличностью – раз в 10–12 лет (мушел) [4, с.34]. Как писали исследователи, основными предпосылками джута могли стать снежные бураны и гололед; однако более опасные и непредсказуемые последствия имел гололед, вызываемый оттепелью, дождями, а затем и сильным морозом. В результате верхний слой снега образовывал твердую корку и лошади, пытаясь разбить ее, сильно ослабевали и истощались. Исследователи писали: «Большие пространства степи превращаются в огромный ледяной каток, по которому, скользя, бродят изнуренные стада, тщетно пытаясь пробить копытами слой образовавшегося льда и обессиленные падают, чтобы уже не подняться» [4, с. 34]. Джут, кроме падежа скота, приводил и к замедлению прироста стада, так как у животных от истощения начинались массовые выкидыши. Поэтому казахи говорили, что джут состоит из 7 братьев, из которых самые старшие, т.е. самые страшные – бескормица, болезни скота и волки [4, с. 34].

Как же боролись с джутами в степи? О борьбе с джутами писал Г.Н. Потанин, утверждавший, что в случае гололеда, казахи выгоняют на лед лошадей, которые бегают по льду до тех пор, «пока он не искрошится» [42, С. 445]. Кочевники, борющиеся с гололедом, «...привязывают к концам большого тяжелого бревна аркан и, впрягши в него лошадь, гоняют ее по обледенелому месту» [42, С. 445]. Г.Н. Потанин указывал и на такой метод борьбы с джутами, как «раскалывание льда лопатами», что было возможно только в том случае, если рядом находилась зимовка. О. Добросмыслов указывал на следующий метод борьбы с гололедом:

«...киргизы целыми аулами, не исключая и женщин, отправляются на тебенёвочные места и без усталости работают, разбивая мотыгами, топорами и лопатами ледяную кору» [20, с. 22]. Во время гололеда кочевники прибегали и к такому средству, как отгон скота на соседние, более благополучные пастбища.

Джуты приводили и к процессам пауперизации кочевников. В первой половине 19 века джуты с их последствиями были страшны тем, что приводили к появлению байгушей – деклассированной прослойки, не вписывавшейся в социальную структуру казахского традиционного общества. Грегор Хельмерсен в этой работе описывал положение байгушей, живших недалеко от Оренбурга.

Г. Хельмерсен исследовал также этнический и социальный состав, экономическую структуру г. Оренбурга – военного и торгового города, где находились военный гарнизон и казачье войско. Г. Хельмерсен писал, что Оренбург – место встречи и этнокультурного взаимодействия Запада и Востока. «Со стороны церкви звучит пронизывающий звон колоколов, от минарета мечети – мусульманский призыв муллы». [57, С. 97]

Во второй половине XIX в. европейские ученые проводили самостоятельные исследования на территории Казахстана и Центральной Азии. В этот период одну из наиболее важных поездок в Семиречье и русский Туркестан совершила научная экспедиция профессора угрофинских языков и географии азиатских стран Парижской школы восточных языков Ш.Е. Ужфальви де Мезе-Ковезда (1842-1904) и его супруги Ужфальви Бурдон, осуществленная по заданию Министерства народного просвещения Франции в 1876-1877 гг.

В 1876 г. ученый вместе с супругой отправился через Оренбург в научную экспедицию по казахским землям и Средней Азии. За два года путешественник посетил Семиречье и оседло-земледельческие районы в бассейне Сырдарьи, в том числе северо-восточное Приаралье. Во время экспедиции Ужфальви и его жена Ужфальви Бурдон записывали свои наблюдения за жизнью и бытом местного населения, проводили фотографическую съемку посещенных мест и изучили в библиотеках Оренбурга и Ташкента российские издания, посвященные истории и культуре казахов [34, С. 14].

Результаты экспедиционных работ, проведенных супругами Ужфальви, были представлены в шеститомном издании под названием «Научная французская экспедиция в Россию, Сибирь и

Туркестан». В одном из томов было дано подробное историко-этнографическое описание районов Жетысу, Южного Казахстана и пограничных с ними областей Средней Азии.

Источниковой базой работы западного историка стали труды ПIANO Карпини и Гильома Рубрука - монахов ордена францисканцев, совершивших в 13 в. через Дешт-и Кыпчак, через земли кыпчаков, именовавшихся на Западе команамы, поездку в Монголию. Огромную часть пути ПIANO Карпини и Гильом Рубрук, следуя уставу ордена францисканцев, совершили пешком. Источниковую базу труда Ш.Е. Ужфальви де Мезе Ковезд пополнили также труды востоковедов Жирара де Риалля, В. Вамбери, В. Ханькова.

Труд Ш.Е. Ужфальви де Мезе Ковезда состоит из двух частей, в первой части описывается Сырдарьинская губерния, во второй части - Семиреченская губерния и Западная Сибирь. В этом произведении этнограф характеризует жизнь и быт кочевого и оседлого населения Сырдарьинского региона и Жетысу, освещает жизнь присырдарьинских городов и их основные культурные достопримечательности, описывает мечеть Ходжа Ахмета Яссави в Туркестане.

Предметом исследования Ковезда были и вопросы этнической истории и антропологии народов Семиречья и Средней Азии. Необходимо отметить, что Ковезд ошибочно относил к казахам и киргизов или каракиргизов, которые, в этот период, обитали в Семиречье, в Фергане, в горных долинах Тянь-Шаня: «Каракиргизы, или буруты, которых русские называют «дикочаменными киргизами», и киргиз-кайсаки, или кайсаки, являются для нас одним и тем же народом. Их физический тип, их нравы, обычаи и даже суеверия - одни и те же. Одни являются равнинными кочевниками, другие - горными». [34, с. 175]. Киргизы, по мнению французского историка, являются аборигенами горных долин Тянь-Шаня и его западных отрогов. К предкам этого народа относил саков. Таким образом, французский историк не сумел избежать методологических ошибок западноевропейской и русской историографических школ, придерживавшихся ложного тезиса об идентичности казахов и киргизов.

Одним из ученых, опровергнувших этот ложный тезис, был Ч.Ч. Валиханов, изучавший происхождение казахского и киргизского народов. В статье «Записки о киргизах» он четко

разграничивал киргизский и казахский народы. Вывод Ч.Ч. Валиханова, что казахи являются самостоятельным народом и что необходимо различать киргизский и казахский народы, контрастировал с выводами колониальных ученых и чиновников, утверждавших тезис об их идентичности.

Этнограф изучал также кочевой быт казахов, одежду, интерьер юрты, описывал казахский аул. Предметом исследования Ковезда была и национальная кухня казахов. Этнограф изучал также и образ жизни казахов, их хозяйственную деятельность и подчеркивал, что основная тяжесть всех этих работ возлагалась на плечи женщин: «Вся хозяйственная работа выполняется женщинами. Мужчины с утра уходят в степь пасти скот - лошадей, верблюдов, овец» [34, С. 179]. Ужфальви Бурдон, супруга Ужфальви де Мезе-Ковезда, отмечала следующее: «У киргизских кочевников женщины делают все, даже ухаживают за лошадьми; мужчины же совершенно свободны от бытовых забот. Настоящий баланс сил, при котором все в хозяйстве идет хорошо; возможны ли какие-бы то ни было ссоры, когда у одного есть все права, а у другого все обязанности?» [34, С. 242]. На этом акцентировали внимание и другие исследователи, в частности, Э.Вульфсон: «Все домашние работы в семье лежат у киргизов на женщине. Она завалена делом: устанавливает кибитку при кочевках, шьет одежду всем домохозяевам, доит скот... Словом, куда ни повернешь, вся работа лежит на ней».

Таким образом, в монографии «Сырдарья-Зеравшан. Страна семи рек и Западная Сибирь» была предпринята попытка историко-этнографического изучения казахского народа. Несмотря на фрагментарность, это исследование внесло определенный вклад в изучение земель Казахстана и представляет собой ценный источник по географии, истории и этнографии Сырдарьинского края и Семиречья.

Генри Мозер - шведский путешественник, в 1860-1880-е гг. несколько раз посещал Среднюю Азию и Казахстан, стремился воссоздать географическую среду, народный характер, которые, по мнению эволюционистов, влияют на развитие общества. В его книге «Путешествие в Среднюю Азию», вышедшей на французском языке в 1885 г., охвачен широкий круг вопросов: русско-казахские отношения в последней четверти 19 в., развитие земледелия в долинах реки Сырдарья.

Во второй половине 19 века территория Казахстана становится сферой влияния не только России, но и европейских держав. Усиливается англо-русское соперничество в Средней Азии, обусловленное колониальными войнами. Борьба Англии и России за территорию Средней Азии, и не только Средней Азии, но и других регионов, продолжалась на протяжении длительного времени и завершилась только в 1907 г. – подписанием Англо-русской конвенции, заложившей основание Антанты, военно-политического блока, противостоявшего в годы первой мировой войны Тройственному союзу.

Экспансионистские цели Англии на Востоке способствовали созданию научных сообществ, в которых проводилась работа по исследованию Средней Азии. В этот период, территорию Казахстана с разрешения царского правительства посетил и английский художник Т.У. Аткинсон. Аткинсон не был профессиональным историком, и он признавал, что его работа – это «простое изложение фактов, записываемых в дневниках, которые он вел в течение всего путешествия, находясь в сложных ситуациях, испытывая многочисленные перипетии своего подчас опасного путешествия».

Томас Уитлам Аткинсон (1799–1861) – английский путешественник, художник, родился в 1799 в Йоркшире. Самостоятельно обучился живописи и опубликовал в 1829 году сборник образцов готического орнамента. Затем изучил архитектуру и построил церковь в Манчестере. По проектам Т.У. Аткинсона были построены церкви и общественные здания не только в Манчестере, но и в Лондоне. После живописи и архитектуры Аткинсон увлекся географией и историей Востока и в 1848–1855 гг. предпринял поездку по азиатской части России. В 1847 году Аткинсон отправился в путешествие, которое продлилось семь долгих лет. Аткинсон и его спутники посетили Тарбагатай, Джунгарский Алатау, Приильийский (Кульджинский) край, Алаколь и Балхаш, Бухтарму, Иртыш; посетили Риддерские и Зыряновские заводы, города и станции – Усть-Каменогорск, Барнаул, Зайсан, Кокпекты, Аягуз, Копал; пешком путешествовали по горным долинам, совершили восхождения на вершины Джунгарского Алатау и Алтая [5]. Вернувшись на родину, Т. Аткинсон написал и оформил книги, посвященные Уралу, Алтаю, Казахстану, Западной

Сибири и Дальнему Востоку («Восток и Западная Сибирь» и «Путешествие по Нижнему и Верхнему Амуру». [5].

Аткинсон разместил в своих книгах цветные и черно-белые картины. Среди них – зарисовки картин природы (озера Алаколь и Балхаш, источник Копал-Арасан), сцены бытовой жизни. Аткинсон также написал портреты последних султанов, потомков хана Абылая (султана Суюка, его семьи и окружения); нарисовал памятники природы Семиречья: Тамчибулак, водопад Джунгарского Алатау. [5, С. 193].

Английский путешественник отмечал резкий континентальный климат Казахстана, холодные зимы, морозы, достигающие 45 градусов, и летний зной, достигающий 40–45 градусов по Цельсию. Суровый климат Казахстана отмечал и Фредерик Барнаби, британский офицер, пересекший пустыни Казахстана. Фредерик Барнаби, проигнорировав предупреждения об опасности, из Оренбурга прибыл в военную крепость Казалинск. Зимой 1876 года Барнаби покинул Казалинск и с проводником, тремя верблюдами и кибиткой, пересек пустыню. Британский офицер отмечал не только резко континентальный суровый климат Казахстана, но и строительство крепостей и форпостов.

Предметом изучения Т.У. Аткинсона были также и вопросы социальной структуры традиционного казахского общества начала 19 века. Художник излагал в своей работе и проблему джутов. В главе «Странствование по горам Алатау и Актау» исследователь писал: «Когда снега выпадает много и вместе с тем бывают сильные бураны, скота гибнет очень много. Например, зимою 1854 г. племена, кочующие у Балхаша, лишились не менее 80 тыс. овец. Лошади, верблюды и рогатый скот лучше умеют укрываться от губительного действия непогоды, но и они погибли тогда в значительном числе» [5, С. 294].

Предметом исследования английского исследователя были также обычаи и традиции, существовавшие в Степи. В частности, историк исследовал внешнюю атрибутику, отличавшую султанов от представителей черной кости. В работе Томаса Уитлама Аткинсона рассматривается и такой уникальный институт, характерный только для традиционного общества казахов, как барымта. Западный историк не придерживался тезиса, что барымта является методом решения имущественных конфликтов, возникавших между родами, и высказывал противоположную точку зрения. Т.У. Аткинсон

писал: «Барымтою называются сопровождаемые грабежом и разбоем наезды, при случае которых киргизская молодежь старается выказать свою ловкость и удалство. Впрочем самый большой вред и убытки киргизы своими барымтами причиняют самим себе. Торопясь угнать поскорее и подальше отбитый скот, во время своих нападений киргизы ни сколько не обращают внимания на то, что много скота и лошадей, при этом, вовсе гибнет, много в темноте разбегается в разные стороны» [5, С. 292]. Оригинальные труды Томаса Аткинсона являются большим вкладом в историографию Казахстана и памятниками литературы, искусства и культуры Казахстана.

Р. Карутц - немецкий этнограф, проводивший в 1903 и 1909 гг. этнографические исследования среди казахов и туркмен Мангышлака. На основе личных наблюдений, опроса и бесед с жителями Мангышлака, он написал фундаментальное исследование «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке».

«Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке» - энциклопедический труд о жизни и быте казахов Западного Казахстана. Необходимо констатировать, что на территории Западного Казахстана присутствует резко континентальный засушливый климат, в условиях которого можно практиковать только кочевничество. В этой работе историк раскрывал типы хозяйства, рассказывал о специфике и особенностях экономической деятельности жителей этого региона. Историк констатировал, что основным типом хозяйственной деятельности в регионе является кочевое скотоводство, и земледелие практикуют в ограниченном масштабе только бедняки. Р. Карутц отмечал, что хозяйствономада регулируется безводностью степи. Историк констатировал, что серьезной опасностью, подстерегавшей кочевников зимой, являлся джунт: «... стада составляют для киргизов их капитал и доход, радости, счастье и несчастье. Да, и несчастье, так как одностороннее исключительное занятие скотоводством ставит, в некотором роде, все на одну карту, и вместе с этим и все существование киргиза в непредвиденную зависимость от случая. Мор, недостаток корма, холода губят стада» [27].

Историк также изучал промыслы, практиковавшиеся кочевниками, в частности, изготовление предметов быта и утвари, рассматривал вопросы, связанные с преданиями и легендами,

бытующими в регионе, и пытался проникнуть в суть астрологических представлений и связанных с ними легенд казахов [27].

Французский историк Леон Каун (1842-1900) написал работу «Введение в историю Азии. Тюрки и монголы с древнейших времен до 1405 г.». В монографии значительные позиции занимает история тюркских и монгольских народов, формы их государственного устройства [23].

В этот период была опубликована работа французского историка Жоржа Риала. В этой работе историк проследил историю среднеазиатских народов с древнейших времен, расселение сакских племен. В третьем разделе на основе работ древнегреческих историков определена локализация тохаров, усуней, гуннов, освещена история народов Средней Азии с 8 века до середины 19 века, изучены разделение казахов на три жуза, родоплеменная структура, этническая территория и социальная организация казахов [23].

В 1893 г. в Петербурге была выпущена книга Дж. Кроуфорда «Промышленность России, Сибири и Великая Сибирская железная дорога», в которой есть сведения о «состоянии промышленности в Степном крае», о промышленных предприятиях, находившихся на территории Казахстана [23].

Итак, западные историки внесли определенный вклад в разработку вопросов истории Казахстана. Однако, необходимо констатировать, что эти труды характеризует узкая источниковая база, описательность, компилятивизм, непрофессионализм.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем заключается суть провиденциализма - мировоззренческой основы средневековой историографии?
2. Охарактеризуйте рационализм как философское направление и мировоззрение историков в эпоху Нового времени.
3. Каковы особенности историографии истории Казахстана второй половины 18 века?
4. Каковы особенности западноевропейской историографии истории Казахстана второй половины 19 века?

Темы рефератов:

1. Новая социальная история как направление в современной историографии Казахстана.

2. Историческая персоналистика в современной историографии Казахстана.

3. Современные теоретические концепции в историографии истории Казахстана.

4. История и этнография Казахстана в трудах Я.П. Гавердовского

5. Аграрная история Казахстана в трудах исследователей конца 19-начала 20 века.

Рекомендуемая литература:

1. Абилов А.К. Русская историография истории Казахстана XVII – начала XX вв. Караганда, 1988.-140 с.

2. Айкап. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. – 368 б.

3. Альжашарова Б.К. Аграрная история Центрального Казахстана в первой трети 20 века. Астана, 2018.- 220 с.

4. Аргынбаев Х.А. Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. – Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1969. – 171 б.

5.Аткинсон, Томас Уитлам. Восточная и Западная Сибирь. 2009.- 611 с.

6. Бабаджанов М.С. Сочинения. (Сборник статей 2861-1871 гг.). Алматы, «Санат», 1996.

7. Байтурсынов А. Шаруашылық өзгерісі // Қазақ газеті. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. –Б. 244-264.

8.В.В. Бартольд. Очерки по истории Семиречья. Фрунзе, 1943.- 104 с.

9.Букейханов А. Киргизы на совещании Степного генерал-губернатора. – Избранное. – Алматы, 1995. – С. 250-256.

10.Букейханов А. Н. Казахи: историко-этнографические труды. Астана, «Алтын кітап», 2007. - 303 с.

11.Бродель Фернан. Структуры повседневности: возможное и невозможное. –М.: Прогресс. – 1986. – 610с.

12.Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения.М., 1986. – 414 с.

13. Вульфсон Э.С. Киргизы. – М.: Типография И. А. Баландина, 1901. - 79с.

14. Ж. де Гинь. «Общая история гуннов, тюрков, монголов, и других западных тартар». //Французские исследователи в Казахстане. История Казахстана в западных источниках 12-20 вв. – Алматы: «Санат», 2006.- 272 с.- С. 16-135.

15.Грач А. Д. Центральная Азия — общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов//Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным).— Л., Наука, 1984.— С. 126—143.

16.Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии, 1990. – №11. – С.38-43.

17. Даулбаев С. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области. (с 1830 по 1880 г.). Оренбург, Типогр. Б. Бреслина, 1881. – 21 с.

18.Джантюрин С. Очерки киргизского коневодства. – Оренбург: Типография Мясника и Римана, 1883. – 67с.

19.Диваев А. Из области киргизского скотоводческого хозяйства // Туркестанские ведомости, 1904. – №102.

20.Добромыслов О. Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области. – Оренбург: Типолитография Бреслина, 1894. – 62с. ; Добромыслов О. Скотоводство в Тургайской области. – Оренбург: Типолитография Бреслина, 1895. – 292 с.

21.И.В. Ерофеева. Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи. // Первые историко- этнографические описания казахских земель. Первая половина 19 века. История Казахстана в русских источниках 16-20 веков. Т. 5. Алматы, «Дайк-Пресс», 2007. - С. 6-14.

22. И.В. Ерофеева. Французские исследователи в Казахстане. // История Казахстана в западных источниках 16-20 веков. 7 том. Алматы, «Дайк-Пресс», 2005.- 494 с.

23. Есмагамбетов К.Л. «Что писали о нас на Западе?». Алма-Ата, «Қазақ университеті», 1992.- 152 с.

24. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана . (1731-1759 гг.). // История Казахстана в русских источниках 16-20 веков. 3 том. Алматы, «Дайк-Пресс», 2005.- 494 с.

25. Игибаев С.К. Историография истории Казахстана. Учебник. Алматы, 2013.- 354 с.

26.История через личность. Историческая биография сегодня. М., Квадрига, 2010.- 720 с.

27. Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб, 1903 г. [электронный ресурс]

28. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., Наука, 1987.

29. Коншин Н. Я. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. – Семипалатинск. – Вып. 5. – 1901. – Отд. II. – С. 1-182.

30. Кудашев В. А. Очерки состояния животноводства вообще и коневодства в частности за 1897 год в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областях. – Оренбург, 1897. – 94с.

31. Кауфман А. А. Материалы по вопросам об организации работ по образованию переселенческих участков в Степных областях. (М.З. и Г.И. Департамент государственных земельных имуществ.) – Спб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1897. – 108с.

32. Кауфман А. А. Формы хозяйства в их историческом развитии. – М.: Изд. народных университетов, 1910. – 152 с.

33. Қазақ газеті. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. – 560 б.

34. Ш.Е. Ужфальви де Мезе Ковезд. «Сырдарья-Зеравшан. Страна семи рек и Западная Сибирь». // Французские исследователи в Казахстане. История Казахстана в западных источниках 12-20 вв. Т. 7. – Алматы: «Санат», 2006. – 272 с. – С. 153-207.

35. Кэстль Джон. Дневник путешествия в году 1736 из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-Кайсацкой орды. – Алматы: Жибек жолы, 2013. – 152 с.

36. Лавров М. Кочевники. Жизнь в киргизской степи. – Спб.: Типография Альтшулера, 1902. – 42с.

37. Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. Перевод с французского А. Серебряковой. Москва, 2004. – 305 с.

38. Левшин, А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, Санат, 1996.

39. Меншковский В. И. История и историография: Советский союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов. – Минск.: БГУ, 2007. – 356 с.

40. Первые историко-этнографические описания казахских земель. 18 век. Т. 4. Алматы, «Дайк-Пресс», 2007.

41. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина 19 века. Т. 5. Алматы, «Дайк-Пресс», 2007.

42. Г. Н. Потанин. Исследования и материалы // История Казахстана в русских источниках. Т. 7. Алматы, Дайк-Пресс, 2006. – 565 с.

43. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004 — № 5. [электронный ресурс].

44. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М: Издательство ЛКИ, 2009. – 320 с.

45. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже 20-21 веков: социальные теории и историографическая практика. М. 2011.

46. Репина Л. П. История исторического знания. Учебное пособие. М., 2004. 244 с.

47. Румянцев П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. – Спб.: Переселен. упр. Г. У. З. и З. – 1910. – 66с.

48. Седельников Т. Борьба за землю в Киргизской степи. (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства) – Спб.: Дело. – 1907. – 80 с.

49. Скалов Б. А. Естественно-исторический и хозяйственный очерк кочевых волостей юга Темирского уезда. – Оренбург, 1907. – 59 с.

50. Султанов Т. И. Взаимоотношения правителей Казахского государства с узбекскими ханами Мавераннахра в начале 16 в. // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. – Алматы: «Атамұра», 1997. – Т. 2. – С. 367-374.

51. Тойнби Дж. Арнольд. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 731 с.

52. Томпсон Пол. Устная история // Пер. с англ. М.: Изд. «Весь Мир», 2003. – 368 с.

53. Французские исследователи в Казахстане. История Казахстана в западных источниках 12-20 вв. Т. 7. – Алматы: «Санат», 2006. – 272 с.

54. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. Пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. М., РОССПЭН, 2001. – 422 с.

55. Чорманов М. О скотоводстве киргиз Западной Сибири. // Сельское хозяйство и лесоводство. – Оренбург, 1883. – ч. 142. – № 1. – отд. 2. – С. 39-50.

56. Хазанов М. Кочевники и внешний мир. — Алматы: Дайк-Пресс, 2000. — 603 с.

57. Г. П. Хельмерсен. // Немецкие исследователи в Казахстане. История Казахстана в западных источниках 12-20 вв. — Алматы: «Санат», 2006. — 272 с. — С. 77-121.

58. Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX веков. — Алма-Ата: Наука, 1980. — 254 с.

2. ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА 18-НАЧАЛА 20 ВЕКОВ: ИСТОЧНИКИ И ДОКУМЕНТЫ

2.1. Документальные материалы по истории 18-начала 20 вв.

По утверждению современных историков, исторические источники разнообразны по своему характеру: это письменные памятники, устные легенды и предания, произведения материальной культуры. Однако они не воссоздают прошлое как таковое, а их информация не является прямой. Для потомков это лишь фрагменты утраченной навсегда картины минувшего. Чтобы воссоздать исторические события, информацию нужно выявить, проанализировать и истолковать.

Западноевропейские историки 19 в. Ш.В. Ланглуа и Сеньобос, написавшие монографию «Введение в изучение истории», придерживались тезиса, что история пишется по документам. «Документы - это следы, оставленные действиями некогда живших людей... Всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, так если бы он никогда и не существовал. За неимением документов, история обширных периодов прошлого человечества останется навсегда неизвестной. Ничто не может заменить документов. Нет их, нет и истории»[16].

Р. Коллингвуд утверждал, что «История есть интерпретация фактических данных (evidence), причем фактические данные — это собирательное имя для вещей, которые по отдельности называются документами. Документ же — вещь, существующая здесь и теперь, вещь такого рода, что историк, анализируя ее, может получить ответы на поставленные им вопросы о прошлых событиях. Тут снова возникает множество трудных вопросов о том, что такое фактические данные и как они интерпретируются. Сейчас нам нет необходимости поднимать их. При всех возможных ответах на них историки согласятся, что историческая процедура, или метод, заключается, в сущности, в интерпретации фактических данных»[13].

Источники по истории казахов 18-19 вв. отличаются как по содержанию, так и по форме. Первую группу составляют записи очевидцев, посетивших Казахскую степь и пограничные районы, материалы, содержащие сведения о казахах. В этом плане достойны

внимания дневник и путевой журнал Ивана Унковского, находившегося у джунгарского правителя Цэван-Рабтана с ноября 1722 г. до сентября 1723 г. Иван Унковский – российский посол, которому поручили заключить с джунгарским хунтайджи Цэван-Рабданом письменный договор о подданстве. Посольство Ивана Унковского не достигло своих целей, так как Цэван-Рабтан стремился заключить только военный союз в борьбе с Цинским Китаем. Джунгарское государство в это время вело войну с Китаем. Тем не менее, И. Унковскому в ходе этой поездки удалось собрать материалы, проливающие свет и на историю Казахстана [7, С. 76].

В дневнике и путевом журнале Ивана Унковского есть материалы, отражающие казахско-джунгарские войны. Приводятся материалы о трагических событиях 1723 г., когда произошло внезапное вторжение джунгар на территорию Казахстана, раскрывается стратегия и тактика военных действий, применявшихся ойратами, характеризуются виды оружия в армии джунгар, освещаются масштабы завоеваний джунгар в Казахстане, их социально-экономические последствия. Унковский отмечал, что джунгары в период военных конфликтов могли собрать армию, состоящую из 100 тыс. конных воинов. Уникальность этого источника заключается также и в том, что приводятся ценные материалы по топонимике Казахстана [20, С. 76].

Иван Унковский характеризовал и политическую структуру Джунгарского государства, полномочия власти джунгарского правителя, который считался с мнением знатных родоправителей и военачальников. «Великих дел контайша без советов зайсанских не делает, а в иные дела и прочих начальных людей из знатных калмык, в советы призывает. В суде, который у них заргою называют, заседают до десяти человек зайсанов и больше. Суды решают не письменно, но на словах». [20, С. 194.] И. Унковский изложил и историю правления джунгарских хунтайджи, например, историю правления Батура – основателя государственности у западных монголов. И. Унковский писал: «Сей калмыцкой народ до Батуханова владения не под единой властью были».

Документальный материал по истории Казахстана содержится и в Памятниках Сибирской истории 18 века. В этом источнике есть материалы переговоров казахских послов с Сибирским губернатором М. Гагариным в Тобольске о заключении военного союза с Россией для борьбы с джунгарами. Эти переговоры

произошли в 1716 г. В Памятниках Сибирской истории есть также сведения о казахско-джунгарской битве 1717 г. на берегу реки Аягуз, данные о численности казахского войска на этом этапе. В документе есть также сведения о стремлении казахов найти военных союзников в борьбе с ойратами среди тюркских народов [7, С. 77].

«Разные бумаги» генерал-майора А. Тевкелева об Оренбургском крае и казахских жузах также занимают важные позиции в ряду этих документов [7, С. 77].

Вторую группу источников составляют сборники документов и материалов: «Казахско-русские отношения в 16-18 вв.», «Казахско-русские отношения в 18-19 вв.». Сборники содержат материалы, относящиеся к начальному этапу колонизации Казахстана, материалы, раскрывающие деятельность А. Тевкелева, посольство башкир в Средний жуз к Аблаю и т.д. [8,9]. Так, в сборниках документов «Казахско-русские отношения в 18-19 вв.» есть письма казахских султанов и ханов, адресованные российской администрации. Например, письмо султана Аблая оренбургскому губернатору генерал-майору И. Рейнсдорпу с просьбой о «выделении ему военной силы для усиления его власти», «Письмо хана Нуралы графу И. Панину с жалобой на ослабление его ханской власти», «Рапорт переводчика Ф. Гордеева коменданту Троицкой крепости П. Родену о поездке в ставку султана Аблая с целью выяснения взаимоотношений казахов Среднего жуза с Китаем» и т.д.

Третья группа официальных документов – это материалы, связанные с процессом присоединения Казахстана к России. Это законодательные документы, донесения официальных чиновников, посещавших Казахстан, документы, написанные должностными лицами и т.д. Так, в «Материалах по истории политического строя Казахстана» сосредоточены такие документы как «Устав о сибирских киргизах» 1822 г., «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» 1844 г., «Временные положения» 1867-1868 гг., «Положение» 1886 и 1891 гг. По этим документам можно изучить административно-политические реформы, происходившие в степи на протяжении 18-19 вв., реформы в сфере законодательства. [18]

Так, по «Уставу о сибирских киргизах 1822 г.» была отменена традиционная государственность в Среднем жузе, упразднено

ханское звание, была введена новая форма правления. Согласно параграфу III казахи, расселенные в Юго-Западной Сибири, были причислены к «сословию кочевых инородцев», «Страну сибирских киргизов» прежде всего составляли внешние округа.

По Уставу была введена новая административно-территориальная структура: округ- волость-аул, которая должна была изжить прежнюю родовую систему управления. По параграфу 5, один аул составляли от 50 до 70 кибиток, волость - от 10 до 12 аулов, округ- от 15 до 20 волостей. Параграф 15 установил новый порядок управления: аулы возглавлял аульный старшина, волостями руководили волостные султаны, округи возглавляли старшие султаны. Эти изменения должны были ослабить влияние чингизидов, с древности обладавших и административными привилегиями [7, С.299].

«Устав о сибирских киргизах 1822 г.» ввел разграничения в земельные владения, принадлежавшие округам, параграф 9 ограничивал переход кочевников из одного округа в другой, для чего требовалось разрешение «местного начальства». Казахским аулам разрешалось кочевать в пределах только одной территории округа, нельзя было заходить на земли соседнего округа.

Ряд параграфов «Устава о сибирских киргизах 1822 г.» внес изменения в судебную систему, судебные дела по параграфу 205 подразделялись на три категории: уголовные, исковые и по жалобам на областное управление. К уголовным делам были отнесены государственная измена, грабеж, барымта, неповиновение установленной власти. Все исковые дела разбирались с участием биев в аулах и волостях. Параграф 216 сохранял значение традиционного бийского суда по законам степного адата. По параграфу 220 предусматривалась возможность привлечь биев к ответственности в случае «неосновательного решения» дел, кочевники имели право обжаловать решение низших судебных инстанций, имели право написать жалобу и на султанов. Эти судебные дела разбирались на заседании областного управления. [7, С.302]. Специальный параграф оговаривал выплату жалования старшим султанам, заседателям окружных приказов, султанам, управляющим волостями, переводя чингизидов в категорию государственных служащих. Параграф 291 устанавливал последовательность в открытии внешних округов, «один после другого» по мере расходования средств.

Таким образом, «Устав о сибирских киргизах» 1822 г. разрушил всю структуру традиционной власти, охватил все стороны социально-политической и хозяйственной жизни.

«Положение об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. было законодательным документом с четко выраженными позициями. В нем говорилось, что общее управление осуществляется Оренбургской Пограничной комиссией, которая состояла из председателя, четырех заседателей из казахского населения, чиновника для особых поручений, врача и ветеринара. Члены Пограничной комиссии назначались Министерством иностранных дел, а заседатели - Оренбургским военным губернатором. Низшее звено управленческой структуры Оренбургского ведомства составляло так называемое частное управление, которое составляли султаны-правители, дистанционные начальники, и начальники аулов, назначаемые из казахов. При каждом султানে-правителе постоянно находился казачий отряд, кроме того - помощник, письмоводитель, писец и пять рассыльных. [7]

По «Положению» 1844 г. создавались новые посты для представителей местного населения. Увеличивалось количество дистанционных начальников - до 75, для «лучшего надзора» увеличили количество аульных начальников. Назначение дистанционных и аульных начальников рекомендовалось производить постепенно. Таким образом, российская администрация пыталась создать социальную опору своей власти в процессе проведения колониальной политики в Казахстане. «Положение» 1844 г. уменьшало функции суда биев, который теперь решал только маловажные дела. Антиправительственные выступления, убийства, разбой, барымта решались военным судом. Воровство, мошенничество, имущественные иски свыше 50 рублей разбирались гражданским уголовным судом при Пограничной комиссии. [7]

Таким образом, «Положение об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. отражает стремление колониальной администрации усилить бразды своего правления в Западном Казахстане.

В 1867 г. был утвержден проект «О временном положении управления Сырдарьинской и Семиреченской областями», в 1868 г. - проект другого Временного положения об управлении Уральской,

Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями. По этим документам, территория Казахстана была разделена на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. Генерал-губернаторы сосредотачивали в своих руках всю полноту военной и гражданской власти. Каждое генерал-губернаторство делилось на области. Было создано шесть областей: Уральская и Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская, Семиреченская и Сырдарьинская. Губернаторы областных администраций наделялись военной и административной властью. Области, в свою очередь, делились на уезды. Уездные начальники назначались генерал-губернаторами по представлению военных губернаторов областей. Уездный начальник обладал административной и полицейской властью, контролировал исполнение законов, постановлений и распоряжений начальства, деятельность уездного аппарата управления. Каждый уезд делился на волости, а последние - на административные аулы, которые состояли из 100-200 кибиток. [7, С. 448]

Переход кибиток из аула в аул в той или другой волости, равно, как и их зачисление, разрешался с согласия кибитковладельцев аулов, но с ведома соответствующих аульных старшин и волостных управителей.

Порядок образования волостей и аульной администрации служил также целям колонизации казахстанского региона. Волостным управителем и аульным старшиной мог быть только человек, лояльный проводимой колониальной политике. Выборы волостных управителей, аульных старшин на волостных съездах и аульных сходах проводились через каждые три года. Выборы сопровождалась борьбой родовых групп [7, С. 449].

По Временным положениям 1867-1868 гг. произошли изменения в сфере уголовного права. В параграфе 130 Положения 1867 г. и в параграфе 93 Положения 1868 г. устанавливался перечень преступлений, за совершение которых казахи привлекались к ответственности на основании военно-уголовного законодательства. В этот перечень входили следующие преступления: измена существующему государственному строю, возбуждение своих соплеменников против правительства, сопротивление властям, нападение на почты, казенный и военный транспорт, повреждение телеграфных линий и т.д. [7, С. 449].

По Положениям 1867-1868 гг. были созданы три инстанции суда биев: первая инстанция - это единоличный суд биев, вторая - волостной съезд биев и третья - чрезвычайный съезд биев. Был установлен принцип выборности биев-судей, бии избирались сроком на три года, одновременно с выборами волостных управителей и утверждались в этом звании военным губернатором области [7, С. 456].

Таким образом, Временные Положения способствовали созданию новой административной системы управления Казахстаном, новой судебной системы, новой структуры судебных органов.

Положение об управлении степными областями 1891 г. являлось документом, завершившим процесс утверждения военно-административной власти в Казахстане. По этому документу, была упорядочена система управления областями, было учреждено Главное управление областей. Были расширены административные функции уездных начальников, осуществлявших надзор за «всеми установлениями общественного управления инородцев и прочих сельских обывателей в пределах уезда.» и т.д. [7, С. 456]

По Положению 1891 г. была введена новая правовая структура - народные суды. Кроме того, в каждом уезде и в городах учреждалась должность мирового судьи. По земельному вопросу Положение 1891 г. носило колонизаторский характер.

К четвертой группе источников относятся результаты академических экспедиций 1768-1774 гг., в которых есть материалы по географии и экономике Казахстана. В структуре Второй Академической экспедиции находились три отряда, возглавлявшиеся П.С. Палласом, И.И. Лепехиным, И.П. Фальком. В структуре экспедиции находились также П.И. Рычков, И.Г. Георги, Х. Барданес и другие. Сотрудники экспедиции исследовали западные, северные и северо-восточные регионы Казахской Степи. Не обошли вниманием и вопросы этнографии казахского народа, образ жизни, обряды и обычаи.

Результативным было путешествие Х. Барданеса, который был отправлен в Степь И. Фальком. Х. Барданес в 1771 г. совершил две поездки в Казахстан. Первая пролегла по маршруту Троицк-Уйская линия - западные отроги Уральского хребта - Троицк, и вторая - из Троицка через Петропавловск - по левому берегу Иртыша в

Семипалатинск - на Калбинский хребет - район Каратау и обратно той же дорогой.

Материалы этих поездок, включавшие данные о географии регионов, наблюдения за жизнью степняков, исследователь изложил в путевом дневнике о поездке в Степь и в работе «Киргизская, или казакская, хорография», в основу которой был положен предметно-тематический принцип. Работа состоит из 13 глав, в которых последовательно и методично изложены данные по исторической географии и топонимике Казахстана, по хозяйству, обычаям и традициям казахов. Так, в главе пятой «О разделении казакского народа на главные их владения, или княжества» говорится о жузовой системе Казахстана, родоплеменной структуре и территории кочевания жузов. В главе второй «О находящихся в Киргизской степи разных озерах и реках, також песках, горах и лесах» исследователь освещает географию Степи. В главе третьей и четвертой Х. Барданес исследует флору и фауну Степи, в главе шестой «О домах их, или кибитках» ученый рассказывает о переносном жилище кочевников - юрте, о структуре и убранстве юрты и т.д. В главе седьмой «О посуде, делании оной и употреблении» ученый пишет об утвари и посуде кочевников. Таким образом, произведение Х. Барданеса является ценным источником по истории и этнографии Казахстана второй половины 18 века [21].

По истории восстания Кенесары Касымова есть сборник документов «Национально-освободительная борьба казахского народа казахского народа под руководством Кенесары Касымова». В этом сборнике собраны воедино материалы и документы, относящиеся к периоду 1837-1955 гг. Они позволяют восстановить ход восстания, силы, задействованные в нем, названия родов, участвовавших в этом восстании.

Огромную роль в создании больших фондов научного материала по Казахстану сыграли областные статистические комитеты. Акмолинский областной статистический комитет был открыт в 1878 г., Уральский - в 1895 г., Семиреченский - в 1879 г., Сырдарьинский - в 1887 г. Особое место в изданиях статистических комитетов занимают областные обзоры с подробными сведениями о производительных силах, народном хозяйстве, ирригационных системах, путях сообщения, населении и его занятиях, податях и налогах, просвещении и т.д. Затем в обзорах, наряду со

статистическим материалами, стали публиковаться и статьи отдельных авторов. В Туркестанском крае всего было издано до 100 выпусков обзоров.

На рубеже 19-20 вв. появились документы, содержащие сведения по хозяйству казахов. Прежде всего, это Материалы экспедиции под руководством статиста Ф.А. Щербина, работавшего в Степном крае в 1896-1900 гг. В «Материалах» были изложены результаты сплошного статистического обследования большей части Казахстана. В этом источнике есть сведения самого разнообразного характера: социально-экономические, историко-этнографические, демографические, хозяйственные и др. Освещаются природно-климатические условия, почвенный покров, маршруты кочевания, уровень обеспеченности скотом, уровень развития земледелия, сенокосения и различных промыслов. Несмотря на то, что «Материалы» пытались обосновать целесообразность политики земельных изъятий, в них содержатся представляющие для нас интерес ценные хозяйственные сведения [19].

Следующим видом источников по истории Казахстана 19 века являются статистические сборники - Обзоры областей, в частности, «Обзор Семипалатинской области» за 1907 г. [28]. В обзорах «Областей» содержится информация о типах хозяйств, расположенных в этой области: кочевых хозяйствах, хозяйствах крестьян-переселенцев и казаков, сосредоточены статистические сведения о налоговых сборах с населения, размахе торговли и торговых оборотов, демографические данные. Этот вид источников способствует изучению такого вопроса, как экономика Казахстана в начале XX века.

Немалый исторический материал содержала местная периодическая печать Казахстана. Это - газеты, альманахи, журналы. Значение прессы как источника особенно усиливается, когда историк изучает современность, современные события и факты, которые не получили освещения ни в одном историческом источнике. Пресса также дает возможность составить представление об идеологической борьбе, которая велась различными политическими партиями и общественными силами в эту эпоху.

В начале 20 века крупным периодическим изданием был журнал «Айқап» (1911-1915 гг.). Ведущими идеологами журнала,

наряду с М. Сералиным, стали Б. Каратаев, Ж. Сейдалин, С. Торайгыров. «Айкап» был глашатаем просвещения и культуры. Идеолог журнала «Айкап» М. Сералин был последователем И. Гаспринского и придерживался идеи джадидизма, нонетодного звукового обучения. Джадидизм - это исламский феномен, религиозно-обновленческое реформаторское течение, возникшее в конце 19 века. Джадиды выступали за реформирование ислама, за развитие национальной литературы, отстаивали равноправие женщин, были поборниками реформ в системе образования. Так, джадиды выступали за введение в религиозных школах светских дисциплин. М. Сералин и последователи «Айкапа» были сторонниками классического джадидизма и считали, что основная причина отсталости казахского общества коренится в неграмотности населения и колониальной политике царизма. Они выступали за просвещение общества, реформирование системы религиозного обучения, возведение школ, поселков, городов.

Историческим источником, освещавшим реалии того времени, была газета «Казах» (1913-1918 гг.). Главным редактором этой газеты был Ахмет Байтурсынов. Публиковали статьи на страницах этой газеты и А. Букейханов, М. Дулатов, М. Тынышпаев, Ш. Кудайбердиев, Т. Кунанбаев и другие. Основным вопросом, который поднимался на страницах этой газеты, был земельный вопрос. Алихан Букейханов и его последователи критиковали аграрную политику царизма, выступали за справедливое решение аграрного вопроса в Казахстане.

На страницах газеты «Казах» также размещались статьи, освещавшие отношение казахской интеллигенции к первой мировой войне, к указу о призыве казахов на тыловые работы, на страницах газеты освещались вопросы развития национальной литературы, искусства, культуры, народного образования. Об этом свидетельствуют, в частности, статьи А. Букейханова «Қазақ әскерге алыну мәселесі», «Протокол частного совещания казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей об ущербе, причиненном сельскому хозяйству мобилизацией мужчин на тыловые работы», «Жұмысшылар жайынан», «Государственная Дума», «Об образовании», «Начальная школа», «Нужды школы», «Современная война», «О войне» и т.д.

В «Протоколе частного совещания казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей об ущербе, причиненном сельскому хозяйству мобилизацией мужчин на тыловые работы» содержалось требование «отсрочить призыв рабочих для северных уездов до 1 января 1917 г, а для южных уездов - до 15 марта 1917 г.», «освободить от призыва учащихся мусульманских медресе в городах, «оставить в семье одного работника призываемого возраста», «рабочие казахи должны быть в ведении учреждений Городского и Земского союзов», «о правах и обязанностях учреждений, заведующих рабочими казаками, должна быть издана инструкция» и т.д.

Как считают историки, именно призыв о мобилизации на тыловые работы в районы действующей армии жителей Казахстана, Сибири, Средней Азии и Кавказа от 25 июня 1916 г. явился точкой отсчета, после которой произошел раскол в рядах интеллигенции. Немалая часть национальной интеллигенции не поддержала восставших, так как пыталась избежать жертв и придерживалась тезиса, что стихийный протест не даст желаемого результата. Они понимали, что народ, необученный военному делу, не оснащенный хорошим оружием, не победит регулярную армию.

Таким образом, документальные материалы по новой истории Казахстана отличаются разнообразием: это и статистические документы, документы по административно - территориальной политике, материалы академических экспедиций, в которых есть сведения по географии и экономике Казахстана, сборники документов по истории политического строя Казахстана.

2.2. Стенная историология (XIX в.).

Французский историк XX в. Л. Февр отмечал: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует». Февр отмечал, что историк, реконструирующий прошлое, может основываться на вещественных источниках, на предметах материальной культуры. «Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, - одним словом, всё то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит

ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы и способы человеческого бытия» [22]

В традиционном обществе казахов отсутствовала письменная фиксация истории, что было обусловлено особенностями кочевой жизни. Однако существовала традиция устной степной историологии. Степная устная историология является одним из источников, отражающих историю и народную культуру казахов, быт, этикет, правила поведения в казахском традиционном обществе. Творчество казахских поэтов также следует отнести к степной историологии. Яркими представителями казахской поэзии 19 века являются Дулат Бабатай-улы, Мурат Монке-улы, Аубакир Кердери Шоканулы, поэзию которых называли «поэзией эпохи скорби».

Дулат Бабатай-улы (1802-1871) родился на территории Восточно-Казахстанской области. В стихах Дулата Бабатай-улы были отражены социально-политические реалии и противоречия этого времени. В стихотворениях «О, Сары-Арка, Сары-Арка», «Акжайляу и Сандыктас», «Кенесбаю», «Бараку», Дулат Бабатай-улы критикует колониальную политику царизма. В стихотворении «Сауыр жерден айрылып» Дулат Бабатай - улы констатировал тяжелое положение народа, лишенного своих земель.

Творчество Мурата Монке улы (1843-1906) связано с событиями, происходившими в Западном Казахстане, с восстанием адаев. В стихотворении «Три эпохи» Мурат Монке улы воссоздал картину колониальной политики царизма в Казахстане.

При изучении истории Казахстана большое значение имеют данные казахских шежире. Материалы казахских шежире при их источниковедческом исследовании представляют ценные исторические сведения. Переход вербальных казахских шежире в их письменную форму происходит благодаря деятельности таких ученых, как М. Ж. Копеев, Ш. Кудайбердиев, Курбангали Халид и других. Стремление этих людей к их письменной фиксации как бы объясняет важное научное значение казахских шежире, которые долгое время существовали в изустной передаче. Ш. Кудайбердиев пишет «... пытаюсь узнать, откуда произошли казахи, я в течение долгого времени записывал все, что слышал и узнавал об этом. Кроме того, мною прочитаны родословные книги других народов. Выбирая из книг все самое необходимое и близкое к истине, дополняя к месту казахскими устными рассказами, я попытался

составить родословную наших предков. До настоящего времени, кроме устных преданий, родословной, написанной на казахском языке не было».

Казахские шежире представили современной исторической науке широкий круг источников в жанре казахских эпосов и толгау (раздумий), в которых есть подробные сведения по истории казахов. Казахские родословные воссоздавали колорит и мировоззрение эпохи, отражали политическую историю, социальную структуру, экономический тип, траекторию кочевания родов.

К. Халид (1846-1913) - мусульманский ученый, казахский историк-краевед, этнограф, живший во второй половине 19 в. Курбангали Халид родился в Аягузе, учился в одном из семипалатинских медресе. Прожив около тридцати лет в Аягузе, ученый-богослов переехал в Бакты, затем в г. Чугучак. С 1874 г. и до конца своей жизни Курбангали-кари служил имамом мечети в г. Чугучак. Кроме того, он был кази мусульманской части города и окрестных степей. В 1889 г. написал и издал в Казани сочинение «Новые исторические записки». В 1910 г. издал работу «Очерки истории пяти восточных народов», воссоздающую материальную культуру казахов и других народов второй половины 19- начала 20 в. В данной работе приводятся сведения о быте коневодов, утвари, одежде, скотоводческом хозяйстве[1].

В своих трудах К. Халид ссылаясь на мусульманские источники, на рукописи исторических трудов, написанных на арабском и персидском языках: на труды ат-Табари (9 в.), Жусупа Баласагуни (11 в.), ибн Халдуна (14 в.), Мирхонда (15 в.), Абулгази и других. Вместе с тем, Курбангали Халид использовал и труды востоковедов 19 в. - В. Радлова, А. Вамбери, Н. Катанова.

В работе К. Халида проведен опыт сравнительной этимологии этнических терминов, исторических обозначений. Историк исследует этнонимы, топонимы, эпонимы. Связывает этноним «узбек» с именем Узбек-хана, во времена которого ислам стал официальной господствующей идеологией. Исследует и этнографические материалы, относящиеся к истории казахов[1].

В своей работе автор охватил территорию Центральной Азии - Ферганского ханства, Восточного Туркестана, Казахской степи и осветил многие вопросы истории Казахстана. Так, в его работе рассмотрены вопросы, связанные с этнонимами «алаш», «казак», «өзбек», «ноғай», освещаются вопросы, связанные с

происхождением казахских жузов, подробно рассматривается история династий тюрко-монгольских племен. В книге также есть этнографические очерки, посвященные традиционной казахской культуре. По мнению этого автора, степная историческая традиция основана на реальных сюжетах истории, и в этом смысле устные источники по информативности не уступают письменным источникам [1]. К. Халид подробно описывает правление казахских ханов, например, правление хана Абылая. История Абылая в работе Халида представлена как история его происхождения.

Одна из проблем, которую осветил К. Халид в своих трудах, это вопросы колониальной политики европейских держав в азиатских регионах. К. Халид писал: «Хоть и завоевал Чингисхан многие земли Азии, одну часть Европы, разрушил многие города, но в дела религии не вмешивался. Амир Темир не только не вмешивался в религии инородцев, но и был равнодушен к их богатству. А европейцы под видом просвещения, мира, привлечения к культуре, рассылая всюду миссионеров посягают на религию, а где-то и насильно заставляют принять их веру. Различными хитростями отбирают имущество и скот. Видя все их преступления и не стесняясь их, историки говорят о справедливости. Если поступки Чингис-хана и Амира Тимура были из-за необразованности, то, как объяснить поступки просвещенных европейцев?» [15].

К. Халид, подчеркивая важную роль шежире, писал, что некоторые «игнорируют исторические знания, не знают пользы шежире, не ведают, насколько ценны для общества известия шежире. Они не понимают заветов пророка, который сказал: «узняйте свое родство». Я говорю об этом обращаясь к тем, которые не доверяют устным сведениям, кроме написанного. Не будь всего того, что донесли до нас шежире в форме преданий о древности (аңыз), дошедших до нашего времени, не осталось бы людей, умеющих сказать что-либо о себе, и не осталось бы следов мусульманства... Доверять сведениям шежире нужно, ибо это также надежно, как вердикт правителя, заверенный печатью» [15].

М.Ж. Копеев - крупный общественный деятель и ученый, историк-краевед, получил мусульманское образование, постигал науку в исламских центрах Средней Азии - Бухаре, Ташкенте, Коканде. Большую часть жизни посвятил поиску знаний, активной научной деятельности. Занимался сбором образцов исторического и бытового фольклора казахов. М.Ж. Копеев записал наиболее

ценные исторические материалы. М.Ж.Копеев был убежден в том, что историю народа память народа могла сохранить благодаря подвижничеству носителей устных исторических знаний - қария, шежиреші, жырышы (сказитель), (сказочник), әңгімеші (рассказчик).

История казахского народа по материалам «шежире казахов» М.-Ж. Копеева представляется как история выдающихся исторических личностей казахского народа или мифических лиц, являющихся предками казахов. В центре повествования находится историческая личность. Особое внимание М.Ж. Копеев уделил политической истории Казахстана в период правления хана Абылая и записал большое количество сюжетов по периоду 18 в. [1]

М.-Ж. Копеев связывает происхождение казахского народа и государства с именем легендарного предка казахов - Алаша хана. И это произошло, по мнению шежирешы, в далекие времена, когда были живы еще родоначальники - патриархи Когам, Майкы, Котан, Кондыгер и другие. По М.Ж. Копееву, Алаша хан во главе с тремя сотнями джигитов и тринадцати мудрых аксакалов в степях Улытау создал казахское государство. Предводителями сотен названы сыновья аксакалов - батыры Уйсын, Аргын и Алпын. По легенде, джигиты подняли Алаша хана на белом войлоке на самую вершину Улытау. Поэтому имя Алаш для казахов служит боевым кличем и общенациональной идеей. Говорят, что его последователи тогда договорились, чтобы на врагов идти с кличем «Алаш», а если никто не откликнется на этот-клик, будь даже он отцом родным, не жалеть». Отсюда и поговорка "когда племена алашские обрели общее название Алаш, когда Алаша стал ханом" [1].

М.Ж.Копеев критиковал современных историков, в частности, Шакарима, за игнорирование степной историологии. Он писал: «Из ныне повествующих знатоков шежире одни переводят из трудов китайских историков, другие - из трудов русских историков. Как подобные вещи могут служить для казахов подлинной историей? Из ныне пишущих нет никого, кто бы начал свое повествование от Майкы бия, которому принадлежит начало исторического слова (тугел соз), нет историков, использующих казахские исторические материалы. У наших аргынов ни в далеком прошлом, ни в недавней истории нет никого, кого бы называли Кидантайшы» [12].

Труды Шакарима представляют собой новое веяние в степной историографии. Шакарим дополнил степную историологию элементами западной исторической традиции, руководствовался

историко-хронологической системой западной науки. Шакарим был хорошо знаком с восточными источниками и исследованиями Н. Аристова, В. Радлова. Исторические взгляды Шакарима отличаются от воззрений Курбангали Халида и М.-Ж.Копеева тем, что он в отличие от них более критично относился к различным сведениям и известиям источников, особенно - к устным историческим сообщениям.

Принцип хронологической последовательности в изложении истории у Шакарима направлен с вектором событий из прошлого в будущее. Время истории подразделено у Шакарима как время доказахской истории и время казахской истории. Он пытается разобраться в проблеме «кто есть прямые предки казахов». Рассматривает казахский социум в структуре. Время доказахской истории - это хроно-мир тюрков, их историко-географическое пространство. Время казахской истории, которое часто выражается формулой «қазақ қазақ болғалы», т.е. со времен, «как казахи стали казахами», является временем выдающихся личностей периода Казахского ханства, ханов, батыров, биев, святых и пр.[14]. Историческое пространство у Шакарима - это степи Центральной Азии, где происходили исторические события.

В структурном отношении работа Шакарима подразделяется на ряд разделов хронологического характера. В первом разделе, именуемом «Начала родословной», он рассматривает период истории тюркского каганата, монгольского времени, использует труды Абульгази, Н. Аристова. Приводит сведения, отражающие этнополитическую историю. Во втором разделе, именуемом «Откуда произошли казахи», Шакарим излагает историю, связанную с разделением казахов на три жуза, казахско-калмыцкие отношения, времена хана Абылая и завершает событиями 1868 г. В следующем разделе, Шакарим рассматривает историю Старшего, Среднего и Младшего жузов, историю родов аргын, найман, кыпчак и др. В разделе «Династии ханов» Шакарим представил материалы по трем крупным династийным ветвям-чингизидов, тимуридов, османидов. В заключительном разделе приводится краткая история тюркских народов: узбеков, ногаев, туркмен и других [14].

Исторические сюжеты, которые были изложены Шакаримом, описывают события, освещающие деятельность исторических личностей: Огуз-хана, Аз-Жанибека, Чингис-хана и т.д. Подробно останавливается на личности эмира Тимура.

В «Родословной» Шакарима, причиной раскола государства на две части - узбеков и казахов стали разногласия между племенами. Воспользовавшись этим расколом, правнук могущественного правителя Ак-Орды Урус-хана Джанибек, сын известного хана Ак-Орды Барака, и его родственник Керей во второй половине 50-х годов 15 века увели за пределы ханства в Могулистан зависимые от них родоплеменные группы кочевого и полукочевого населения казахских степей.

Непосредственную причину откочевки Шакарим объясняет следующим образом: «...дальний предок аргынов прославленный Даирходжа был бием в годы правления Абулхаира. За справедливость его прозвали Акжол-бием. В то же время любимцем Абулхаира был предводитель кыпчаков - Кобыланды батыр. Между ними существовала неприязнь и, однажды встретив Акжолу в степи одного, Кобыланды убил его. Узнав об этом Жанибек хан, представляя интересы аргынов, потребовал от Абулхаира выдачи им Кобыланды. Абулхаир, опасаясь потерять поддержку кыпчаков, в этом отказал. Это привело к откочевке разгневанных казахов во главе с Жанибек ханом». С той поры и осталась поговорка среди казахов: «И зачем тебе, мой милый, было связываться с Кара-Кипчаком Кобланды!». Так, по преданию, воскликнул отец Даиркожи Кидан-тайши, проливая слезы над трупом сына [14]. Звали его Кидан, тайши - поэт, певец. Вот почему казахи говорят, что дальний предок аргынов - прославленный акын Кидан-тайши.

Когда вышеупомянутый Аз-Жанибек решил увести казахов на юг, то тогда, говорят, все самые знатные люди казахов и ногайцев долго-долго прощались со слезами на глазах. Об этом есть печальный кюй, известный среди домбристов, который они обычно начинают словами: «Когда хан Орманбет умер, когда раскололась десятиплеменная Ногайская Орда, вот как оплакивали разлуку ногайцы и казахи...». [14]

Политическая история Казахского ханства, борьба за присырдарьинские города, проводившаяся между казахскими ханами и Шейбанидами также была предметом исследования Шакарима. Историк отмечает, что Казахское ханство стало единым и централизованным в период правления Касыма. К сожалению, после смерти хана Касыма в Казахском ханстве начались междоусобицы и распри, усугубленные во время правления Есима и Турсуна. Историк пишет: «Столбовая дорога Касыма» («каска

жол!») – так запомнили в народе время правления хана Касыма. Именно он сумел впервые объединить казахов в единое ханство и упрочить его. Вслед за ним ханом стал сын его Сыгай (Шигай), затем сын его (Шигай) Таукел. В 1598 г. Сыгай-хан отобрал у наследников Шайбака Ташкент и обосновался в Туркестане. Но, несмотря на это управлять оседлым (городским) населением кочевому люду оказалось не под силу. К тому же не давали покоя бежавшие на казахские земли от притеснения моголов калмаки. Так, при хане Таукеле шайбаниды вновь овладели Ташкентом. Ханом их тогда был Турсун-Махмуд. На место вышеназванного Таукеля сел хан Есим. «Высокорослый Ер Есим», как прозвали в народе. Он продолжил политику Касыма, известную под названием «каска жол». Время его правления получило название «древней дороги хана Есима». В 1628 г. Есим-хан убил хана Турсуна-Махмуда и разграбил катаганов... После Есима ханом стал его сын – Жакангер, казахи называли его Салкам Жангир. Затем его сын – Аз-Тауке. «Древнюю дорогу Есима» (т.е. свод законов) продолжил именно он, хан Тауке» [14].

Шакарим, опираясь на предания казахов, изучал и казахско-джунгарские войны, события 1723 года. Мы сочли уместным привести этот отрывок: «Войска калмаков, возглавляемые полководцем Цеван Рабданом, наголову разбили казахов. Истерзанный, оборванный, голодный люд добрался до озера и пал, усеяв все побережье своими телами. И тогда, по преданию, один старейшина сказал: «Дети мои, как не забывает человек выпавшие на его долю мгновения счастья, так и мы должны запомнить великое горе, постигшее нас». И назвал это бедствие «Актабан шубырынды, алка кол сулама» что означает: «брели, пока не забелели подошвы, упав (без сил), лежали вокруг озера» [14].

В центре внимания историка было и правление хана Аблая. Шакарим подробно исследует происхождение и жизненный путь Аблая, его борьбу с калмыками, историю пленения Аблая Галдан-Цереном, характеризует полководческие таланты, воинские и личностные качества мудрого правителя. Историк пишет: «В начале он у Толе би пасет верблюдов, затем лошадей и в конце концов настолько пришелся по нраву Толе бию, что тот решил его усыновить. Но вопрос, откуда он родом, говорит, не знаю; на вопрос, как тебя звать, отвечает – как назовете, так и будет. Тогда Толе би за

обросший вид его и лохмотья на нем прозвал мальчика Сабалаком (лохматый)[14].

Прослышав о том, что хан Абилмамбет собирает казахов на битву с калмаками, Сабалак пришел к Толе би и попросил у него разрешения пойти на войну. Чем воевать, не лучше ли за лошадьми смотреть, сказал ему Толе би, на что тот сказал: «Лучше умереть, чем не быть под развевающимся знаменем, когда земля прогибается под тяжестью воинов». После слов таких Толе би ничего не оставалось, как отпустить его. Придя на поле брани, Сабалак видит: казахи и калмаки стоят на холмах друг против друга. А посередине перед войсками один лишь сын джунгарского хунтайжи, зять самого Галдан Церена батыр Чарыш казахских батыров на поединок вызывает. Абилмансур тогда приблизился к хану Абилмам-бету, спросил его разрешения выйти на поединок. Получив благословение хана, он разогнал коня и, издав клич: «Аблай! Аблай!», налетел и сразил Чарыша. Одним махом отрубив ему голову, он с криком «враг сражен!» увлек за собой казахских воинов. ... В память о поединке с Чарышем народ присвоил ему имя Аблай»[14]. Таким образом, в трудах Шакарима Кудайбердыұлы исследуется жизненный путь хана Аблая.

Итак, степная историология – это новый вид исторических источников, способствующих восстановлению политической, экономической и социальной истории XVIII- начала XX века.

2.3. Труды представителей казахской интеллигенции 19 века как исторический источник

Немаловажным источником по истории Казахстана, отражающим исторические и политические реалии, являются труды представителей казахской интеллигенции XIX века. Так, необходимо отметить труды Ч.Ч.Валиханова, М. Тяукина, М.С. Бабаджанова и других исследователей.

Ч.Ч. Валиханов – историк, географ, этнограф, изучал вопросы истории Казахстана, Средней Азии, Восточного Туркестана, историю киргизов, ногайцев, узбеков, уйгур. Возникновение жузов, родоплеменная структура, расселение казахов изучены Ч.Ч. Валихановым во многих его работах, в частности, таких как «Киргизское родословие», «Записки о киргизах», «О кочевках киргиз». Валиханов Ч.Ч. изучал также и политическую историю

Казахстана, например, время создания Казахского ханства, правление первых казахских ханов. В статье «Киргизское родословие» Ч. Валиханов отмечает, что время правления первых казахских ханов, относящееся ко второй половине XV века, воспевается в народных поэмах как золотой век. К этому времени относится и большая часть преданий, нравственных изречений философа Асана Кайгы, которые до сих пор есть в памяти народной[4].

Валиханов Ч.Ч. не обошел вниманием и казахско-джунгарские войны XVII века и их влияние на политическую ситуацию в Казахском ханстве. В статье «Киргизское родословие», Ч.Ч. Валиханов отмечает: «XVII столетие было временем ужасов и внутренних войн. Чужеземные враги стесняют их с родных мест, исторгают, разрывают родственный союз казахов и ногайцев. Ногайцы, стесненные калмыцким Хо Урлуком, уходят за Урал и Волгу, а казахи - на юг, и в 1636 г. мы видим хана киргизского Ишима и Турсуна: одного - в Туркестане, другого - в Ташкенте. Знаменитый в степях «плач» на раздвоение ногаев и казахов играется до сих пор степными музыкантами на кобызе и исторгает слезы у старых аксакалов. «Когда сто тысяч ногайцев взволновались, когда Урмамбет-бий умер и самые черные леса загорелись», поет степной Баян».[4, С. 265]

В своих работах ученый широко использовал казахский и ногайский эпос, легенды, исторические предания, разнообразный фольклорный материал. Он также придавал большое значение письменным восточным источникам.

Валиханов Ч.Ч. отметил значимость и важность устной степной историологии. В одной из работ историк отмечал: «Нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминание о котором не осталось бы в народной памяти. Один воспет импровизатором, имя другого обессмертил в памяти потомков какой -нибудь бессмертный знаменитый музыкант сыбызгыши или кобузчи. Каждый почетный киргиз родоначальник знает всю генеалогию своего рода и, чтобы быть благовоспитанным и порядочным человеком, усердно изучает народное право под руководством старого бия, пользующегося в народе положительной репутацией, юридическою известностью, и совершенствуется в красноречии

приобретая на память множество поговорок, пословиц, забавных анекдотов и употребляя их для украшения своих речей». [5, С. 261]

Исследователь в своих статьях писал также о религиозных верованиях, бытовавших в Степи, специфике народного ислама, обычаях и традициях, соблюдение которых избавляло от несчастий, а нарушение приводило к какому-нибудь бедствию - «ырым». «Ырымом» называли также обряды, исполняемые в виде предзнаменования. Историк писал также о народном фетишизме, суть которого составляла вера в талисманы[5].

В «Записках о судебной реформе» Валиханов Ч.Ч. выступил с практическими рекомендациями, направленными на улучшение состояния судебной системы Казахстана. Валиханов Ч.Ч. считал, что судебная реформа должна соответствовать материальным нуждам и национальному характеру общества. В частности, он выступил за сохранение суда биев. Валиханов Ч.Ч. отмечает: «Суд биев следует оставить до поры до времени в том самом виде, в каком он был до издания закона 1854 г. ... Главное достоинство суда биев, по нашему мнению, заключается в отсутствии формальностей и всякой официальной рутины. Значения бия основано на авторитете и звание это есть как бы патент на судебную практику. Тяжущимся киргизам предоставляется судебное право обращаться к любому из лиц, пользующихся судебским репутацией, как у нас больные обращаются к медицинским авторитетам, а подсудимые - к известным адвокатам»[6, С. 332].

Валиханов Ч.Ч. был против введения выборности биев, против того, чтобы биев приравняли к судебским чиновникам. Валиханов Ч.Ч. писал: «Бии никем формально не избираются и формально никем не утверждаются. Значение их основано на частном авторитете, который они приобретают также, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. Шекспир и Гете считаются всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств и не на формальных выборах народа». «Официальные выборы никогда не могут удовлетворить этим высшим условиям. А у нас же в степи выборы под влиянием закона родового быта в настоящее время ограничиваются одними родовыми интригами и служат только к удовлетворению тщеславия богатых киргиз и к обогащению русских чиновников, отлично умеющих ловить рыбу в мутной воде. Если... избрание биев подчинить формальным выборам, то отправление правосудия в

Степи неминуемо перейдет в руки табуновладельческой и торговой знати, положительно не сведущей в наших судебных обычаях и в наших юридических правах» [6, С. 332].

Историк также исследовал вопрос об институте присяжных, считал, что нельзя ручаться за беспристрастный выбор присяжных заседателей и нельзя не бояться влияния знатных родоправителей и родовых симпатий и антипатий, поэтому рекомендовал присяжных выбирать из числа биев, по жребию.

Таким образом, в этой статье историк выступил в защиту интересов простого народа и разоблачал антинародный характер предстоящей судебной реформы.

Однако рекомендации Ч.Ч. Валиханова не были реализованы на практике, в 1867 г. был введен принцип выборности биев-судей, избиравшихся сроком на три года и утверждавшихся военным губернатором области. Суд присяжных заседателей был введен только в 1909 г. Списки присяжных заседателей составлялись на общем основании и особо по каждому уезду.

На рубеже XIX - XX веков написал свои этнографические исследования султан-правитель Западной части оренбургских казахов М. Тяукин. Необходимо отметить, что, находясь в ссылке в Екатеринославле, М. Тяукин продолжал заниматься этнографическими изысканиями и направил 16 ноября 1871 г. министру внутренних дел свои «Соображения об улучшении быта киргизов» (казахов).

М. Тяукин поддерживал тесные связи с Русским географическим обществом, Казанским музеем древностей и этнографии и был корреспондентом Вольного экономического общества. М. Тяукин написал такие труды как «Записки о хозяйстве, скотоводстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской степи», опубликованные в № 41 журнала «Экономические записки» (Санкт-Петербург. 1861), а также «Родословный список о султанах и хождах Западной части орды» (Оренбург, 1847 г.).

В эти же годы выпускник Перовского городского училища и Ташкентской учительской семинарии Х. Кустанаев подготовил и издал труд «Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов» (1894 г.). В этой работе Х. Кустанаев изучил быт, обычаи и традиции жителей региона.

Необходимо также отметить исследования Б. Даулбаева, написавшего статью «Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда». В этой статье Б. Даулбаев исследовал жизнь и быт казахов Николаевского уезда (Западный Казахстан). Воссоздал тип хозяйствования, народный календарь, духовную культуру кочевников, изучил влияние российских административно-территориальных и политических реформ на повседневную жизнь людей. Так, в этой статье Б. Даулбаев писал, что после введения дистанционной системы в Западном Казахстане, кочевники стали строить зимовки, перешли к сенокосению, в быту казахов появились новинки. Население осознало, что в условиях суровых зим и непрекращающихся джутов с их страшными последствиями, необходимо строить землянки и зимовки. Стало развиваться так называемое полукочевое скотоводство, для которого было характерно наличие сенокосения, зимних жилищ и земледелия. Б. Даулбаев писал: «С этого времени киргизы, как и в других волостях, положительно поняв выгоду постоянных жилых строений, с поспешностью занялись устройством для себя домиков и, преимущественно, землянок». «.. В настоящее время образ жизни и характер киргизского народа почти совершенно изменились: вместо прежних жегдей из бухарской бязи, стали носить рубахи ситцевые, миткалевые и даже полотняные; вместо купы - разнородные, даже енотовые тулупы» [3, С. 115].

Б. Даулбаев также пишет, что после 1844 г., когда была введена дистанционная система, подразделявшая территорию Западного Казахстана на так называемые дистанции, поднялся уровень грамотности населения, более крепкие позиции обрел ислам, что выражалось, в частности, в том, что большинство населения, ранее отличавшееся религиозной индифферентностью, стало совершать пятикратный намаз.

Предметом исследования историка была также и система взаимопомощи и взаимовыручки, существовавшая в Степи в случае непредвиденных ситуаций: джутов, природных катаклизмов и т.д. Б. Даулбаев писал: «Кроме сего, в народе и донныне существует еще обычай помогать неожиданно потерпевшему какое-либо несчастье, например, лишившемуся скота вследствие бескормицы

(жут), разоренному пожаром и т.п. Пожертвования эти потерпевшему несчастью приносились не только ближайшими родственниками его, но даже очень дальними однородцами и при

том без всякого приглашения или просьбы со стороны пострадавшего, почему имущество его, особенно если он человек, уважаемый народом, даже увеличивалось сравнительно с прежним временем» [3, С. 114]. Эта система взаимопомощи кочевников называлась «асар», «аза», «журтшылык», «ат-майын беру» и была описана в трудах дореволюционных и советских исследователей.

Б. Даулбаев рассмотрел и негативные стороны административно-территориальных преобразований, проводившихся в Степи. Констатировал то, что эти преобразования привели к росту коррупции в низовых звеньях администрации. Например, на выборах волостных управителей, проводившихся с нарушениями, обычно побеждали представители байства, стремившиеся к власти. Волостными управителями становились люди, недостойные этой должности. Б. Даулбаев пишет: «Из бедных людей никто не может быть волостным управителем, хотя бы он обладал всеми пригодными качествами, и был уважаем народом. Наоборот, богатый, смелый и хитрый киргиз всегда может получить желаемую должность, и впоследствии с избытком вознаградить понесенные издержки, по пословице «байданы бай-алар» (богатые берут и богатую добычу)» [3, С. 117].

Большой вклад в изучение истории и этнографии Казахстана внес М.С. Бабаджанов – уроженец Букеевской Орды, выпускник Неплюевского кадетского корпуса, который находился в Оренбурге. М.С. Бабаджанов написал ряд статей, в которых исследовал жизнь и быт жителей Букеевской Орды, освещал политику хана Джангира, нацеленную на проведение реформ в сфере народного образования. В период правления хана Джангира в Букеевской Орде строили медресе, аульные начальные мектебы, направляли детей ордынцев в Неплюевский кадетский корпус. Необходимо отметить, что этот аспект политики хана Джангира длительное время умалчивался в советской и постсоветской историографии, акцентировали внимание только на земельной политике, которая и была одной из причин восстания Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова.

Необходимо отметить, что М.С. Бабаджанов положительно оценивал политику хана Джангира, направленную на внедрение элементов европейской цивилизации в казахское традиционное общество. М.С. Бабаджанов не обошел вниманием и то, что в Букеевской орде в 1820-1840-е гг. укрепились позиции исламской

религии, усилилось влияние мулл, «у знатных ордынцев появилось затворничество женщин» [2].

М.С. Бабаджанов писал и о развитии торговли в Букеевской Орде, о том, что в Орде организовываются ярмарки, на которых кочевники продавали сельскохозяйственные изделия и покупали промышленные товары. М.С. Бабаджанов писал, что организация ярмарок была обусловлена тем, что «торговцы, скитаясь с товаром по степи, обирали степняков самым бесчеловечным образом». М.С. Бабаджанов констатировал и неэквивалентность торговли между Степью и земледельческими регионами. Так, в Астрахани «избалованные жители забрасывают киргизов камнями» и «обирают их самым мошенническим и бесчеловечным образом» [2, С. 75].

В центре внимания М.С. Бабаджанова был также и земельный вопрос, связанный с неотрегулированностью аграрных отношений между казахами и уральскими казаками. В Букеевской Орде, в которой было 5 млн. десятин земли, проживали 5 тыс. человек, практиковавшие кочевое скотоводство. Однако земли не хватало. М.С. Бабаджанов констатировал, что с севера «орда граничит с Новоузенским уездом, с юга - приморскими промыслами князя Юсупова и графа Безбородки-Купшелева». Историк писал, что «земля для киргизов составляет первую потребность, единственное средство и необходимую опору существования, которая исключительно поддерживается произведениями скотоводства. Скотоводство не может приносить выгод или плодов, если оно не обеспечено достаточными землями. Другого рода промышленности киргизы не знают, и лишить их средств к продолжению этого единственного источника пропитания, равносильно обречению их на гибель» [2, С. 99].

М.С. Бабаджанов констатировал и то, что кочевники вследствие нехватки земли, вынуждены арендовать земли за пределами Орды, в том числе и у уральского казачества. Далее, М.С. Бабаджанов пишет: «Из всего этого не остается никакого сомнения, что киргизам нужна земля, нужна настолько, чтобы не погибло их скотоводство, служащее им единственным источником их материального благосостояния» [2, С. 100]. Историк писал, что придет время, когда скотоводство, «без посторонних принуждений и насилия» уступит место «другим промыслам». «Но до той поры, до приспособления киргизов к приобретению себе средств содержания другими родами промышленного производства,

стеснять орду внезапным прекращением ее скотоводства, значит привести к весьма неблагоприятным последствиям» [2, С. 100]. Таким образом, в этой статье М.С. Бабаджанов поднял вопрос о нерешенности земельного вопроса в Букеевской Орде и выступил в защиту интересов кочевого населения этого региона.

Таким образом, труды казахских исследователей 19 века были нацелены на изучение истории и этнографии кочевников, административно-территориальных преобразований в Степи, эти исследования также критиковали негативные последствия колониальной политики царизма.

Вопросы для самоконтроля:

1. «Устав о сибирских киргизах» 1822 г. как документ, характеризующий колониальную административную политику в Казахстане.
2. Охарактеризуйте Материалы экспедиции Ф.А. Щербины (1896-1900).
3. Положение об управлении степными областями 1891 г.: структура и нововведения.
4. Степная историология: семантика термина.

Темы рефератов:

1. Курбангали Халид: жизненный и творческий путь.
2. Шакарим Кудайбердыулы: жизненный и творческий путь.
3. М.Ж.Копеев: жизненный и творческий путь.
4. Политическая история Казахстана в трудах М.Ж.Копеева.
5. История и этнография Казахстана в трудах М.С. Бабаджанова, М. Тяукина, Б. Даулбаева.

Рекомендуемая литература:

1. М.Алпысбес. Казахские шежире — как исторический источник - Алматы, 2007.
2. Бабаджанов М.С. Сочинения. (Сборник статей 2861-1871 гг.). Алматы, «Санат», 1996.
3. Даулбаев С. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области. (с 1830 по 1880 г.). Оренбург, Типогр. Б. Бреслина, 1881. — 21 с.
4. Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // Собрание сочинений в пяти томах -Алма-Ата, 1961.

5. Валиханов Ч.Ч. Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды// Собрание сочинений в пяти томах .-Т.1- Алма-Ата, 1961.

6. Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Собрание сочинений в пяти томах. —Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1985.- Т.4. — С. 77-104.

7. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т.3. Алматы, Атамұра, 2000.- 765 с.

8. Казахско-русские отношения в 16- 18 вв.Алма-Ата, 1961.

9. Казахско-русские отношения в 18-19 вв. Алма-Ата, 1964.

10. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. А. 1993.

11. Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Пер. акад. В. В. Бартольда М.: Л. 1962.

12.Копеев М.Ж. Тандамалы. А. 1992.

13. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М., 1998.

14.Кудайбердыулы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. А. 1992.

15.Курбангали Халид. Тауарих хамса (бес тарих). А. 1992.

16.Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. Перевод с французского А.Серебряковой. Москва, 2004.- 305 с.

17.Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. А.-М., 1995.

18. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т.1. А. 1960.

19. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей.(МКЗ)- Т. 6. — Семипалатинская область. — Каркаралинский уезд. — СПб. — 1905. —815 с.

20. Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цэван - Рабдану капитана артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722- 1724 гг. Записки ИРГО по отдел. Этнографии.Спб., 1887. Т 10. Вып. 2.

21. Первые историко- этнографические описания казахских земель. 18 век. // История Казахстана в русских источниках. Т. 4. Алматы, «Дайк-Пресс», 2007.

22. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сборник 1. (5 в. до н.э., 18 в. н.э.). Под ред.С.Д. Асфендиярова и проф. П. Кунте. Алма-Ата, 1935. — 298 с.

23. Репина Л.П. История исторического знания. Пособие для вузов. М., 2004.
24. Сатпаев Ш. Кудайбердиев Ш. - Алматы, 1993.
25. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья. Алма-Ата, 1982.
26. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М. 1985. -176 с.
27. Такенов А.С., Байғалиев Б. Инженер и историк (История казахского народа) – Алматы: Наука, 1996. - Т.2. – 227 с.
28. Обзор Семипалатинской области за 1907 г. – Семипалатинск: Типогр. Семипалатинского областного правления. –1909. – 112 с.
29. Ежегодник Семипалатинской губернии за 1925-1926 г., Семипалатинск, 1928. – 256 с.

3. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

3.1. Аграрная история Казахстана в трудах советских исследователей.

На современном этапе развития отечественной исторической науки огромную значимость обретают вопросы методологии научных исследований. Общеизвестно, что методология — это принципы, логические формы, структура и техника исследований, способствующие познанию сути предмета и интерпретации фактических данных. В более широком смысле — это «теоретическое выражение практики конкретного точного исследования и средство поиска на частные исторические вопросы».

Труды историков, опубликованные в советское время, трактовали события и факты через призму формационной концепции и классовой борьбы. В рамках формационной парадигмы история человечества трактовалась как история пяти общественно-экономических формаций, история народа интерпретировалась как история классов и классовой борьбы. По мнению историков, формационный подход предполагал применение таких обобщающих понятий как «способ производства», «класс», понятия, которые выражали высокую степень абстрагирования от конкретной реальности.

В 1920-е гг. было образовано Общество изучения Казахстана, первым руководителем которого был А.П. Чулошников. А.П. Чулошников создал обобщающий труд, в котором освещались политическая и экономическая история Казахстана до 30-х гг. 18 в. А.П. Чулошников утверждал, что казахи занимались не только кочевым скотоводством, но и земледелием, вели оседлый образ жизни. Историк считал, что тип хозяйства народа формируется под влиянием природных и географических факторов.

Работа А.П. Чулошникова «Очерк по истории киргиз-казахов в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен» подвергалась научной критике. В 1925-1926 гг. вышла критическая рецензия Мухаметжана Тынышпаева на работу А.П. Чулошникова, в которой историк доказывал несостоятельность и ошибочность теоретических воззрений автора. [53, с. 47-66]. В частности, М.

Тынышпаев критиковал структуру работы, в которой лишней оказалась целая глава «О социальном и политическом устройстве калмыков», имеющих монгольское происхождение, а не тюркское. М. Тынышпаев также пишет о том, что в этой книге ничего не сказано о городской земледельческой культуре на берегу р. Сырдарья, не исследована Семиреченская область и четыре степных области.

Историк подверг критике многие тезисы А.П. Чулошникова. Например, тезисы о том, что Чингис-хан происходит из племени «керей», что Чингис-хан заключил союз с найманами. Мухаметжан Тынышпаев, опираясь на исторические источники, доказывал тезис, что найманы были непримиримыми врагами Чингис-хана. Критиковал также и тезис о том, что якобы казахи «влачили жалкое существование на службе у моголистанских правителей», что не подтверждается историческими источниками и является абсолютно ложным тезисом [53, с. 61].

М. Тынышпаев - инженер и государственный деятель, с 1925 года занимался краеведческими этнографическими исследованиями. В результате этих исследований были изданы такие работы как «Материалы к истории киргиз-казахского народа», «Коксуйский могильник и городище Кайлак», «Краснореченские развалины и город Баласагун» [53, с. 214-215]. В этих работах М. Тынышпаев описывал такие города как Кайлак, Баласагун, Жыланбалык, являвшиеся в средние века центрами культуры в Семиречье. К сожалению, эти города были разрушены в результате вторжения монголов и джунгар.

М. Тынышпаев долгие годы собирал материалы по истории казахского народа, которые затем использовал в качестве основы для написания шежере казахов. Его труд «История казахского народа» стал огромным вкладом в исследование истории Казахстана.

Необходимо констатировать, что М. Тынышпаев в своих трудах рассматривает самые различные периоды в истории казахов, в частности, такой важный период, как казахско-джунгарские войны. Исследователь изучает историю взаимоотношений казахов и калмыков в 16-17 вв., рассматривает тезис, что нападающей стороной являлись не только ойраты, но и казахи. Рассматривает деятельность казахских ханов: Есима, Джангира, Тауке, которые вели длительную войну с ойратами, констатирует, что казахско-

джунгарские войны происходили с переменным успехом для вражеских сторон. «Как только одна сторона успевала оправиться от нашествия другой, как сама, со своими полчищами уже вторгалась в область неприятеля, разоряя пограничные роды...» [53, с. 157]. Исследователь исследовал и казахско-джунгарские войны середины 17 в. В частности, военные действия между войсками казахского хана Джохангира и джунгарского хунтайджи Батура, знаменитую Орбулакскую битву, произошедшую в 1645 г. Необходимо отметить, что исследователь опирается при этом на сочинения академика Бартольда, А.И. Макшеева, В.В. Вельяминова-Зернова, А.А. Левшина.

В 1920-е гг. писал исторические труды С.Д. Асфендияров, организатор науки, возглавлявший ряд научных структур на этапе становления исторической науки в Казахстане. Первый казах - профессор истории, заместитель руководителя созданной в 1932 г. Казахской базы Академии наук, до этого возглавлял историко-археологический сектор Казахского НИИ национальной культуры, позже был ректором Казахского педагогического института имени Абая.

Вместе с профессором П.А. Кунте С.Д. Асфендияров подготовил и издал сборник материалов из античных, восточных, летописных источников, содержащих сведения по истории Казахстана. Сборник материалов послужил базой в деле реконструкции истории, культуры и быта казахов.

Аграрная история казахов, в частности, вопросы развития кочевого хозяйства, стали объектом исследования ученых-аграрников и экономистов в 20 - первой половине 30-х годов прошлого века. Немалый интерес представляет исследование К.А. Чувелева, который полагал, что кочевое хозяйство - это хозяйство, «использующее для утилизации сил природы только силу животных» [88, с.41]. По его мнению, точное и адекватное определение кочевого хозяйства очень затруднено, так как в различных регионах Казахстана присутствуют и неодинаковые условия для ведения скотоводства. В этой связи он выделял равнинно-кочевой, горно-кочевой, кочующий в песках и другие варианты скотоводческого хозяйства. Следует признать, что К.А. Чувелев был сторонником постепенного эволюционного развития казахского хозяйства - от кочевого к более интенсивным формам полукочевого и оседлого.

Аналогичных взглядов на хозяйство казахов и проблемы его развития придерживались исследователи М.Г. Сириус, А.И. Челинцев, С.П. Швецов, А. Дониц и др. Они руководствовались точкой зрения, что большая часть территории Казахстана пригодна лишь для ведения кочевого скотоводческого хозяйства, т.е. принимали в расчет природно-климатический фактор. Так, М.Г. Сириус в ряде своих статей проводил тезис, что скотоводство является главной отраслью не только сельского хозяйства, но и всего народного хозяйства Казахстана в целом. Он обоснованно доказывал, что районами рентабельного земледелия в Казахстане могут быть лишь те незначительные территории, где выпадает более 300 миллиметров осадков в год [69, с.17].

Учёный Г.Ф. Прокопович, которого позже причислили к стану "кондратьевцев" весьма резонно подчёркивал, что в реальных условиях Казахстана необходимо найти такой образ действия, который бы сохранил ценные скотоводческие навыки населения. Г.Ф. Прокопович считал, что эти навыки сами по себе составляют незаменимый капитал, владение которым особенно важно в условиях сокращения во всём мире количества скота [76].

С.П. Швецов, также как и они, был сторонником эволюционного развития казахского хозяйства. Таким образом, процесс оседания учёные-аграрники рассматривали не как одномоментный, а как длительный процесс смены хозяйственных форм и основным фактором они называли, прежде всего, естественноисторические условия.

Исследователь В. Благовещенский, как и вышеназванные ученые - аграрники, акцентировал внимание на тесной взаимосвязи между природно-климатическими условиями и хозяйством казахов. В частности, затрагивая проблему овцеводства, он отмечал особенности использования пастбищ в Казахстане. По мнению В. Благовещенского, влияние природно-климатических условий прослеживается хотя бы в том, что казахские овцы вполне адаптированы к окружающей природной среде, способны к дальним переходам по пустыням, легко переносят холод и т.д. [75].

Проблемы, связанные с кочевым хозяйством и его развитием интересовали также политических и государственных деятелей. Значительную лепту в исследование этой проблемы внес Тельжан Шонан - ұлы. В своей книге Тельжан Шонан - ұлы излагал историю крестьянской и казачьей колонизации Казахстана, рассматривал

составляющие каждого этапа колонизации, раскрывал причины переселенческой политики царизма, которые коренились, как он полагал, в нерешенности аграрного вопроса в самой России, и в желании центральной власти избавиться от склонных к бунту крестьян. По мнению автора, немалую роль в изъятии земель сыграли экспедиции Ф. Щербины и А. Кузнецова, «обосновавшие» наличие земельных излишков. Тельжан Шонан - ұлы утверждал, что переселение крестьян способствовало вытеснению населения в малоплодородные, или попросту непригодные не только для земледелия, но и для эффективного животноводства, земли, что не могло не сказаться и на развитии скотоводства, и на уровне качества жизни людей. Автор на конкретных примерах раскрывал политику обезземеливания казахских крестьян, вследствие которой они лишались зимних, весенних и летних пастбищ. Исследователь справедливо полагал, что тип хозяйства складывается под влиянием природно-климатических условий, именно поэтому казахи занимались кочевым скотоводством, а не земледелием. Например, он утверждал, что совершенно непригодны для земледельческого хозяйства земли южных баганалинских волостей Атбасарского уезда, большей части Каркаралинского уезда и т.д. [47].

А.А. Ермаков также считал, что пастбищно-скотоводческое хозяйство с кочевым бытом – единственно целесообразная форма хозяйствования в солончаковых, засушливых степях. А.А. Ермаков не являлся противником хозяйственных изменений, но придерживался мнения, что они должны развиваться постепенно [77].

Природные условия и хозяйственно-экономические перспективы Центрального Казахстана стали объектом изучения ученых Н. Тагильцева, Н.И. Мацкевича, П.Г. Амосова, Н.В. Павлова, Б. Николаева, Г. Николаева, С.М. Фрейденберга и др. Агроном П.Г. Амосов, анализируя особенности хозяйства Каркаралинского округа, акцентирует внимание на исключительной адаптированности казахского скотоводства к природным условиям региона, что проявлялось и в породах скота, и в приемах его разведения. По мнению П.Г. Амосова, в основе кочевничества заложено «здоровое жизненное начало, еще не исследованное и не изученное» [78, с.73]. П.Г.Амосов далек от трактовки традиционного хозяйства казахов как исторически запоздалого пережитка и не поддерживает упрощенную и наивную концепцию

прогресса, по которой номадизм неизбежно должен смениться земледелием. Он убежден в том, что природа диктует выбор системы хозяйства. [78, с.72].

Исследователь С.М. Фрейденберг изучал хозяйственно-географические условия районов Каркаралинского округа: радиусы кочевания, плотность населения, структуру хозяйствования. Автор классифицировал кочевые хозяйства Каркаралинского округа (в зависимости от радиуса кочевания) на семь типов: до 5 верст, от 5 до 10 верст и т.д. Он приходит к выводу, что самые протяженные маршруты кочевания характерны для Балхашского района, отличающегося и самой низкой плотностью населения – 0,7 человек на 1 квадратный километр. Исследование С.М. Фрейденберга отличается низким уровнем теоретизации, однако из него можно извлечь фактические данные. [82]

Статья Н.Н. Мацкевича направлена на изучение длины маршрутов кочевания, плотности населения и видов кочевания в Семипалатинской губернии (по данным 1927 года). Немалый интерес представляет описание Каркаралинского уезда, который, по мнению автора, имеет «наивысшую среднюю длину кочевания» по губернии – 776 верст [81, с.22]. Н.Н. Мацкевич признавал наличие корреляции между плотностью населения и радиусом кочевания: более высокий коэффициент плотности населения влияет, по его мнению, на уменьшение длины кочевания. Н.Н. Мацкевич утверждал, что кочевое скотоводство «ни в коем случае не исключает наличие культурности». Ведь никто не сомневается в достаточно высоком культурном развитии Швейцарии или Нормандии, где сельское население считает более выгодным заниматься не земледелием, а скотоводством.

Именно скотоводство являлось доминирующим видом хозяйствования баганалинцев, жителей Баганалинского района, экономическая история которого вызвала исследовательский интерес у М. Шарипова. М. Шарипов рассматривал структуру хозяйствования, уровень обеспеченности скотом, размах торговых операций баганалинцев начала XX века, констатировал процессы обнищания, вызванные политическими событиями – Октябрьской революцией и гражданской войной. Это исследование является, в большей степени, историко-этнографическим, а не статистическим [83].

В работе А. Смоленского и Г. Николаева, напротив, предпринимается попытка статистического изучения традиционного хозяйства (по данным бюджетного обследования Каркаралинского уезда в 1926 году). Их исследование претендует на комплексный охват этой проблемы: изучение структуры стада, сравнительный анализ с данными экспедиции Щербины, исследование валовой доходности хозяйства казахов, налогового обложения, степени вовлеченности в рыночный оборот. А. Смоленский и Г. Николаев отметили основные особенности кочевого и полукочевого хозяйства накануне радикальных аграрных преобразований. Однако значительные расхождения в уровнях доходности между различными группами населения были интерпретированы ими как показатель примитивности форм ведения животноводства [86].

Проблема традиционного хозяйства казахов и путей его развития поднималась на страницах периодической печати и Е. Тимофеевым. Е. Тимофеев, в противовес официальной идеологии, был противником стереотипа, гласившего, что дикость и кочевое хозяйство – синонимы. Е. Тимофеев предлагал переводить на полную оседлость только зимние пастбища, которые, по его мнению, должны были стать средоточием кормовых запасов и страховых фондов кочевников [85].

Таким образом, труды ученых-аграрников, опубликованные накануне радикальных преобразований конца 1920-х-начала 1930-х гг., внесли огромный вклад в исследование аграрной истории Казахстана. Взгляды ученых-аграрников, освещенные в ходе дискуссии, развернувшейся в печати накануне массовой коллективизации, являлись альтернативой официальной концепции оседания, получившей отражение в трудах некоторых партийных деятелей и исследователей.

В работах этих партийных деятелей прослеживается идея необходимости и актуальности радикальных преобразований в сельском хозяйстве. Кочевничество воспринималось ими как архаическое, отсталое, малопродуктивное хозяйство, требующее незамедлительных «революционных» мер. Идеологической «подпиткой» подобных воззрений являлся тезис о возможности перехода «отсталых народов» к социализму, минуя капитализм, являвшийся стержневой идеей сталинской модернизации в Казахстане. Так, И.А. Зверьяков, пытаясь доказать необходимость и

целесообразность оседания, выявляет различия между дореволюционной и советской политикой оседания. Автор критикует учёных – аграрников и партийных деятелей, взгляды которых расходились с официальными [10]. Б. Семевский также с негативной позиции оценивает их взгляды. Например, в одной из своих статей Б.Семевский упрекает А.Н. Донича в непонимании взаимоотношения и взаимодействия «базиса» и «надстройки», в том, что А.Н. Донич является сторонником планомерного и постепенного приспособления кочевое хозяйство к современной культуре [10]. Статья К. Сарымуддаева отражает примат идеологии над наукой, автор поддерживает идею ускоренного формационного развития и отрицает целесообразность постепенных преобразований [10]. Таким образом, эти труды пропагандировали приоритет классовых позиций.

Проблемой, привлекавшей стойкий интерес исследователей на следующем историческом этапе – 40-80-е годы XX века, являлось влияние переселенческой политики царизма на традиционное хозяйство казахов. В этой связи заслуживает внимания работа А.Б. Турсунбаева. Ученый А.Б. Турсунбаев, рассматривая историю крестьянского переселения в Казахстан, приходит к правомерным выводам о насильственном обезземеливании и разорении казахов, лишенных лучших пастбищ. Ученый раскрывает социально-экономические процессы, происходившие в тот период в казахском ауле, масштабы распространения промыслов в различных регионах Казахстана [49].

Совместную монографию казахстанских учёных «Хозяйство казахов на рубеже XIX и XX веков» по праву можно назвать квинтэссенцией предыдущих историко-этнографических исследований в этой области [10]. В работе развернуто и объемно характеризуются типы скотоводства, виды кочевания, организация процесса производства, детально анализируется структура традиционного хозяйства казахов, констатируются изменения, происходившие в тот период в хозяйстве казахского населения. Однако, следует подчеркнуть, что в этой работе не уделяется должного внимания земельной политике царизма, не прослеживается влияние интенсивных земельных изъятий на переход к сенокосению и земледелию. Причиной перехода к сенокосению объявляются участвовавшие джугуты, обходятся

молчанием причины столь катастрофичных последствий джутов конца XIX – начала XX века.

В данный период проблема трансформации казахского хозяйства в начале XX века привлекает внимание и зарубежных исследователей. В связи с этим необходимо упомянуть сборник статей, опубликованный в Восточной Германии, под названием: «Кочевники в прошлом и настоящем». В данной работе ученые из Германии, Кувейта, Чехословакии, Венгрии и других стран излагали свои воззрения на различные аспекты номадизма. В частности, Б. Кармызева придерживается точки зрения, что кочевое скотоводство в Средней Азии и Казахстане конца XIX – и начала XX века представляло собой пережиточное явление, так как оно могло существовать только в тех районах, где другие формы скотоводства было невозможно практиковать. В связи с этим она поддерживает точку зрения профессора Симакова о функционировании в Средней Азии и Казахстане конца XIX и начала XX века 5 основных форм скотоводства: пастбищного, отгонного, яйлажного, выгонного и стойлового. Исследователь допускает разнообразные вариации этих форм, образующиеся в результате их соединения. Критериями, разграничивающими формы скотоводства, являются наличие или отсутствие зависимости от земледелия (степень этой зависимости), наличие или отсутствие сенокосения (уровень развития сенокосения), наличие или отсутствие постоянных жилищ и т.д. Земледелие, согласно автору, практиковалось только в некоторых хозяйствах, имело непостоянный характер и не могло быть особой отраслью системы хозяйства [63].

Проблема влияния переселенческой политики царизма на традиционное хозяйство казахов привлекала также и западных исследователей. В частности, Дж. Демко в своей книге «Колонизация Казахстана Россией. 1896-1916» рассматривал историю переселенческого движения в Казахстане. В данном контексте он изучал причины и этапы миграции российского крестьянства на территорию Казахстана, социальную, национальную, половозрастную структуру переселенцев, результаты и итоги переселенческой политики царизма в Казахстане. Дж. Демко отмечал, что данная политика имела как позитивные, так и негативные результаты. С одной стороны, он придерживался мнения, что колонизация вызвала усиление

процесса оседания, который сам по себе оценивался автором положительно, и увеличение численности скота. С другой стороны, он высказывал мнение, что переселенческая политика стала причиной обезземеливания казахского крестьянства, лишённого своих лучших пастбищ [89].

Немалую лепту в исследование традиционного хозяйства казахов внесла книга Х.А. Аргынбаева, посвященная хозяйству казахов. Казахский этнограф раскрывает типы скотоводства, способы ухода за животными и т.д. Труд написан в виде этнографических очерков [74].

В работе В.Ф. Шахматова констатируется кризис кочевого скотоводства начала XX века. В.Ф. Шахматов доказывал влияние переселенческой политики царизма на сужение и нарушение маршрутов кочевания, сокращение пастбищ, уменьшение амплитуды годовых перекочевок. Одной из причин кризиса кочевого скотоводства он считал возникновение частного землепользования и частного владения пастбищами.

В своей работе В.Ф. Шахматов выделял пять основных типов хозяйств: первый — чисто кочевые хозяйства, не связанные с земледелием и сенокосением, второй — кочевые хозяйства, имевшие посевы и занимавшиеся сенокосением, третий — полuosедлые скотоводческие хозяйства, не имевшие посевов, но запасавшие сено на зиму, четвертый — оседлые земледельческо-скотоводческие хозяйства, содержавшие скот летом на выгоне или на ближайших пастбищах, пятый — оседло-земледельческие хозяйства, для которых земледелие было основным источником существования [58].

Монография С.Е. Толыбекова посвящена вопросам экономики и организации хозяйства казахов конца XIX — начала XX века. Автор разграничивает несколько типов хозяйств: кочевые — чисто скотоводческие, полукочевые — скотоводческие с зачатками земледелия и оседлые — скотоводческо-земледельческие типы хозяйства [46].

Е.Б. Бекмаханов в своей монографии отмечал, что переселенческая политика царизма, несмотря на реакционный характер, по своим социально-экономическим последствиям имела прогрессивное значение. В экономику Казахстана начали проникать элементы капитализма, казахи начали переходить к сенокосению, оседлости и земледелию. Историк рассматривал также и социально-

экономические отношения в Казахстане. Придерживался мнения, что процесс разложения феодальных отношений и развитие новых капиталистических отношений в сельском хозяйстве сопровождались дифференциацией казахского общества. Под влиянием развития денежных отношений одна часть казахских крестьян разорялась и превращалась в сельскохозяйственных пролетариев, другая часть — в баев. На исторической арене появилась пауперизированная часть казахских крестьян — джатаки и батраки, численность которых из года в год увеличивалась [12].

Б.С. Сулейменов в своей монографии освещал аграрную и переселенческую политику царизма в крае, социальную и экономическую структуру переселенцев, изучал историю земледелия, ирригации, скотоводства, сенокосения (у казахов). Автор исследовал зарождение и развитие капитализма в сельском хозяйстве Казахстана, подвергал научному обзору историю оседания и хозяйственного устройства казахского аула [42].

На данном этапе исследователей привлекали также социально-экономические преобразования 1920-начала 1930-х гг. и их влияние на хозяйство казахов. В частности, в исследованиях А.Б. Турсунбаева, Б.А. Тулепбаева, Г.Ф. Дахшлейгера рассматривается история аграрных преобразований в Казахстане. Несмотря на то, что эти работы не были свободны от идеологических установок своего времени, они не потеряли своей значимости и на сегодняшний день как изыскания, имеющие обширную источниковую базу.

Рассматривая работы этих исследователей, следует особо отметить труды Г.Ф. Дахшлейгера, который скрупулёзно и методично изучал историю социально-экономических реформ в ауле и деревне Казахстана в 1920-1930-е гг. [19]. Исследуя темпы колхозного движения, Г.Ф. Дахшлейгер отметил более низкую степень вовлечённости крестьян в кочевых и полукочевых хозяйствах. Причинами этого, по его мнению, являлись экстенсивность кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства, своеобразные условия расселения хозяйственных аулов, трудности обобществления скота в условиях кочевничества. Но более существенную роль, считает Г.Ф. Дахшлейгер, сыграло наличие «остаточных явлений патриархально-феодального прошлого». Г.Ф. Дахшлейгер отмечал, что оседло-земледельческие районы, в отличие от кочевых, были лучше подготовлены к

коллективизации, так как для них было характерно поливное земледелие, требовавшее объединения усилий крестьян, развитие сети мелиоративных товариществ и т.д. Таким образом, следует подчеркнуть, что Г.Ф. Дахшлейгер правильно отметил неподготовленность кочевых районов республики, к которым относится и Центральный Казахстан, к процессам радикальных аграрных преобразований.

В монографии Г.Ф. Дахшлейгера и К.Н. Нурпейсова «История крестьянства Советского Казахстана» прослеживается история аграрных и политических преобразований, в частности, исследуется переход к новой экономической политике, кампания по конфискации хозяйств баев – «полуфеодалов», изучается общественно – политическая жизнь аула и села накануне коллективизации, рассматривается политика оседания и коллективизации. Необходимо отметить, что в работе была использована обширная источниковая база: монографии, периодические издания, статистические сборники [32].

Немалый интерес у историков данного этапа вызывала такая реформа Советской власти, как конфискация скота и собственности у «баев – полуфеодалов», ставшая подготовительным этапом для более радикальных преобразований Советской власти. Исследователи данного периода единодушно отмечали, что конфискация скота и собственности была необходимой и своевременной реформой, подорвавшей экономическое и политическое влияние байства и способствовавшей «осередничиванию» аула. Таким образом, это преобразование Советской власти в отечественной науке того периода рассматривалось с классовых позиций.

Таким образом, труды советских историков по аграрной истории являлись крупным этапом в становлении историографического пространства Казахстана. Однако эти труды трактовали события и процессы через призму формационного подхода к истории и классовой борьбы. В этих работах умалчивались трагические последствия коллективизации и седентаризации в Казахстане. Однако несмотря на идеологическую ангажированность и существование закрытых тем, эти труды характеризуют репрезентативная источниковая база и использование архивных документов.

3.2 Современная историография аграрной истории Казахстана

В конце 1980-х – начале 1990-х годов, в связи изменением политической ситуации в стране, усиливается интерес к изучению «белых пятен», вследствие этого происходит концептуальное переосмысление многих проблем первой трети XX века. В частности, усиливается интерес казахстанских историков к изучению традиционной структуры Казахстана. В этой связи вызывают научный интерес труды отечественного учёного Ж.Б. Абылхожина [2-4]. В своих исследованиях он проводит идею о зависимости форм хозяйства от природно – климатических факторов и придерживается научно-обоснованной точки зрения об аридности большей части территории Казахстана, что предполагает развитие скотоводства, а не земледелия.

Ж.Б. Абылхожин, в отличие от казахстанских исследователей предыдущего периода, придерживается мнения, что одним из факторов, ускоривших политику оседания, стала зерновая проблема, актуализация которой была вызвана процессами ускоренной промышленной модернизации. Ведь для закупки технического оборудования требовалась валюта, которую в тех условиях можно было получить, главным образом, в обмен на хлеб. Поэтому приобщение жителей степи к Цивилизации, по мнению Ж.Б. Абылхожина, являлось лишь сопутствующим элементом. Ж.Б. Абылхожин также отмечает, что целью этих преобразований в экономической сфере являлось создание вместо прежних «традиционно-личностных структур с горизонтальными связями структуры с вертикальными связями, которое позволило бы Системе подчинить казахские аулы тоталитарному контролю» [2, с.229].

Большой вклад в исследование этой проблематики внесла работа, изданная в виде очерков, под общим названием «Традиционная культура жизнеобеспечения казахов». Авторы сборника раскрывают различные аспекты и механизмы реализации традиционной культуры жизнеобеспечения казахов (ТКЖК), такие, как кочевое скотоводство, кочевая община, переносное жилище, народные знания. Так, Н. Алимбай утверждает, что традиционная культура жизнеобеспечения казахов сложилась и функционировала как органическая часть хозяйственно-культурной деятельности. По

мнению Н. Алимбая, в кочевом обществе конечной целью производства являлось не столько производство материальных ценностей, сколько общинных отношений [7].

Особенности функционирования и жизнедеятельности кочевого общества казахов изучаются в трудах Н.Э. Масанова, который акцентировал своё внимание на проблеме взаимосвязи экологических и социально-экономических факторов [30]. Н.Э. Масанов рассматривает природно-климатические условия Казахстана, сферу материального производства, разнообразные формы собственности и т.д. Раскрывая закономерности организации процесса производства, автор рассматривает особый механизм природопользования — дисперсность (рассеивание собственности в пространстве).

Дисперсность, по мнению автора, была обусловлена целым рядом взаимосвязанных факторов: аридностью территории, недостаточностью кормовых и водных ресурсов, важностью сохранения плодородия почвы и экологического равновесия в природных и социально-экономических процессах. Автор акцентирует внимание на экологических последствиях несоблюдения дисперсности: пастбищная дигрессия, опустынивание местности и др. Именно дисперсность, как отмечает Н.Э. Масанов, обусловила общинную организацию и малую плотность населения.

В этот период усиливается интерес исследователей к трагическим последствиям политики земельных изъятий в Казахстане на этапе колонизации. В этой связи заслуживает внимания исследование Сапабека Әсіпа, написанное в виде толғау — дум и размышлений о судьбах казахского народа. В работе рассказывается о переселенческой политике царизма и вызванных ею процессах пауперизации и обнищания казахского крестьянства [1].

В статье Г. Кендирбаевой освещается суть дискуссии, развернувшейся в начале XX века в средствах массовой информации между лидерами двух групп казахских интеллектуалов, осознававших необходимость перемен в казахском обществе и понимавших, что кочевничество является тупиковым направлением в жизни казахов. Одна группа казахских интеллектуалов отстаивала западную модель национальной идентичности и объединилась вокруг газеты «Казах», другая группа

защищала исламские ценности и была репрезентирована в журнале «Айкап». Предметом дискуссии был широкий спектр вопросов: выбор между оседлым и кочевым образом жизни, пути и формы перехода к оседлости, роль ислама в казахском кочевом обществе, статус казахского языка, развитие казахской литературы и культуры. Анализ этой дискуссии позволяет реконструировать идейно-политическую и культурную атмосферу, существовавшую в казахском обществе на этом этапе истории. [64, p.5-36]

По утверждению Г. Кендирбаевой, западники — лидеры движения «Алаш» отстаивали постепенный и осторожный переход к оседлости и неприкосновенность традиционного права, что на первых порах, означало, по крайней мере, сохранение кочевого образа жизни и соответствующих социальных институтов. По мнению Г. Кендирбай, западники фактически отстаивали традиционные идеи казахской национальной идентичности и связывали эти идеи с номадизмом, казахской историей и понятием «этничность». Они связывали идеи казахской национальной идентичности с европейскими идеями нации и национального строительства. [64, p.7]

Исламисты также как и западники критиковали аграрную политику царизма и требовали возврата захваченных земель. Однако, в отличие от западников, они выступали за немедленную седентаризацию и введение оседлой земельной нормы, что по утверждению историка, привело бы на практике к разрушению традиционных жизненных устоев и кочевого образа жизни. Большинство казахов не было готово к реализации этих идей ни психологически, ни экономически. Поэтому идеи исламистов, пропагандировавшиеся в журнале «Айкап», были непопулярны среди казахского народа. [64, p.9]

Идеи западников, по утверждению Г. Кендирбаевой, относительно короткое время — с осени 1905 г. до лета 1917 г. — были популярны среди народа, эти идеи сформировали политическую платформу партии «Алаш».

Таким образом, в этой статье Г. Кендирбаева выявила суть дискуссии между «западниками» и «исламистами», предлагавших разные пути решения аграрного вопроса в Казахстане.

На этом этапе происходит и концептуальное переосмысление исторического опыта 1930-х годов. В этой связи вызывают интерес труды Л.А. Гордона, Э.В. Клопова и других, которые представляют

собой определённый прорыв в концептуальном историческом знании [18]. В своих исследованиях они аргументированно пришли к выводу, что в конце 1920-х гг. советское руководство сознательно сделало выбор в пользу сталинского варианта строительства социализма, предусматривавшего идею первостепенного решающего значения индустриализации в ущерб сельскому хозяйству. Иными словами, в конце 1920-х гг. в Советском Союзе, в том числе и в Казахстане, был задействован тоталитарный вариант модернизации. Следует отметить, что хотя их труды не касаются непосредственно казахстанской тематики, это ни в коей мере не умаляет их концептуальную значимость в контексте нашего исследования.

Работы казахстанских историков, опубликованные в 90-е гг. XX века также внесли большую лепту в исследование этой тематики [28].

Социально-экономические преобразования конца 1920-х-начала 1930-х гг. с новых концептуальных позиций изучаются в работах Т. Омарбекова [34-36]. В этих исследованиях подробно рассматривается история заготовительных кампаний 1929-1932 гг. в Казахстане, их масштабы и влияние на снижение жизненного уровня казахов, освещаются процессы оседания и их последствия. Следует отметить, что заготовительные кампании - это реквизиции сельскохозяйственной продукции из деревни и аула. Необходимо подчеркнуть, что автор в своих трудах вводит в научный оборот новые архивные документы, позволяющие осветить этапы откочёвок, показать бедственное положение казахов - откочевников и выявить причины и характер вооружённых выступлений крестьян.

Проблема трансформации казахского общества на этапе становления тоталитарной системы затрагивается и в монографиях Е.Б. Сыдыкова. Е.Б. Сыдыков предпринимает попытку выявить истинные цели и характер модернизации, рассматривает официальные и альтернативные концепции, имевшие место в тот период, также прослеживает этапы и сущностное содержание этого процесса. [43].

Социально-демографические последствия политики оседания и коллективизации стали предметом исследований М.Б. Татимова, М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева, А.Н. Алексеенко, В.В. Козиной и др. В трудах М.Б. Татимова была предпринята попытка осветить демографические катаклизмы 1930-х гг., вызванные голодом и

откочёвками. М.Б. Татимов, основываясь на различных источниках, выводит цифровые показатели миграционных процессов того периода [44].

А.Н. Алексеенко, основываясь на показателях переписей 1926 и 1939 гг., рассматривает динамику численности населения Казахстана в указанный период; автор исследует и региональный аспект этой проблемы (в национальном разрезе) [5]. В.В. Козина рассматривает народонаселение Центрального Казахстана в период с конца XIX - до начала 30-х годов XX века; изучает динамику численности населения, миграцию, национальную, половозрастную и социальную структуру населения [26].

В свете изучения данной проблематики весьма показательны исследования западных учёных. Следует отметить, что зарубежная историография коллективизации в СССР представлена исследованиями ряда ученых. Среди них самыми крупными являются исследования Андреа Грациози, Роберта Дэвиса, Стивена Уиткрофта, Шейлы Фицпатрик, Линн Виола. Несмотря на то, что эти ученые придерживаются различных, порой диаметрально противоположных концепций, их объединяет репрезентативная источниковая база, фундаментальность и основательность освещения этого вопроса.

Первые фундаментальные исследования голода на территории СССР появились в странах Западной Европы и Америки в 50-60-е гг. 20 века. Эти исследования опирались на воспоминания эмигрантов из СССР, мемуары западных журналистов, работавших в СССР в 1930-е гг., советские и зарубежные средства массовой информации, монографии западных историков по истории СССР. В этой связи необходимо отметить статью Dana Dalrymple «Великий голод на Украине. Голод 1932-1934 гг.», опубликованную в 1964 г. В этой статье автор раскрывает причины и масштабы голода на территории СССР.

Dana Dalrymple задается вопросом, почему советское правительство проводило политику заготовительных кампаний и отказалось от международной иностранной помощи даже в условиях массового голода?

Dalrymple придерживается версии, что сталинское руководство стремилось в короткое время построить в стране бастион социализма, создать промышленную базу. Стремясь достичь этой цели, советское правительство проводило политику

заготовительных кампаний в сельском хозяйстве, затем экспортировало хлеб и другую продукцию на внешний рынок. На деньги, вырученные от экспорта сельскохозяйственной продукции, в СССР закупали машины, станки и оборудование для промышленности. Dalrymple ссылается на официальную статистику СССР по производству, импорту и экспорту сельскохозяйственной продукции. Согласно этой статистике, производство сельскохозяйственной продукции в 1931 г. составляло 122.9 млн. тонн, в 1932 г. - 116.2 млн. тонн, в 1933 г. - 128.4 млн., экспорт продовольствия в СССР в 1932 и 1933 годах составлял 24,3 процента и 20 процентов стоимости всего советского экспорта, чистый экспорт хлеба в 1932 году составил 1,70 млн. тонн, а в 1933 году - 1,84 млн. тонн. Советское правительство экспортировало продовольствие даже в 1933 г., когда в стране был беспрецедентный по своим масштабам голод. [59].

Dalrymple не использует архивные материалы, так как в годы «холодной войны» западным историкам, историкам из противоположного капиталистического лагеря официально вход в советские архивы был закрыт.

Монография британского историка Мойше Левина посвящена истории заготовительных кампаний в СССР. Левин исследует этапы и методы проведения хлебозаготовительных кампаний, утверждает, что во времена эпохи пятилетних планов и даже во время всего правления Сталина, в советской системе решающую роль играло зерно. Это был стратегический сырьевой материал, необходимый для управления государством и его индустриализации. «Заготовки», пишет Левин, это термин, обозначавший реквизицию зерна из деревни, заготовительные кампании способствовали формированию советской экономики как «военной экономики». Эти кампании, по мнению Левина, фактически были войной против крестьянства. Так как у крестьян заготовки ассоциировались с произволом и несправедливостью, то они использовали все возможные средства для сопротивления государству, от мирных: саботажа до вооруженных. Государство же в ответ принимало репрессивные контрмеры против крестьянства [66].

Таким образом, можно констатировать, что Мойше Левин реконструировал механизм осуществления заготовительных кампаний, которые потом способствовали обнищанию крестьянства на территории СССР.

В монографии британского историка R. W. Davies рассматривается история коллективизации на территории СССР. Монография состоит из ряда разделов, в которых последовательно исследуются взаимоотношения между новой властью и крестьянами (1917-1929), история хлебозаготовительных кампаний в СССР, происходивших в 1927-1928 гг., в 1928-1929 гг., изучается развертывание массовой коллективизации в июне-сентябре 1929 г., освещаются новые страницы коллективизаций, проводившейся в октябре 1929 - январе 1930 г. К сожалению, R. W. Davies, как и другие иностранные ученые, не использовал в монографии архивные материалы, так как не получил разрешения работать с архивными документами. [60, с. 16]

Историк в своем труде прослеживает этапы коллективизации в СССР. Утверждает, что, начиная с 1927 г. рыночные взаимоотношения между деревней и городом, установившиеся в годы новой экономической политики, стали разрушаться. Начался хлебозаготовительный кризис, который приобрел драматический характер и стал реакцией на политику Советской власти. Затем, начиная с 1928 г. государство, ликвидировав рыночные отношения с крестьянством, стало проводить сверхфорсированную индустриализацию. Историк придерживается тезиса, что советские коммунисты рассматривали индустриализацию как меру для достижения основной цели - создание в огромной крестьянской стране, изолированной от враждебного капиталистического мира, социалистической экономики. Однако, высокие темпы индустриализации, проводившейся в 1929-1936 гг., были несовместимы с практикой рыночных отношений с крестьянством, поэтому государство перешло к созданию коллективных хозяйств [60, с. 17].

Весьма показательным является исследование Р. Конквеста. Роберт Конквест — англо-американский советолог и писатель, написавший ряд монографий: «Власть и политика в СССР», «Советские депортации народов», «Промышленные рабочие в СССР», «Правосудие и правовая система в СССР», «Большой террор», «Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом». Монография Р. Конквеста «Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом» была издана в 1986 г. и посвящена коллективизации на Украине. В отдельной главе этой

монографии Р. Конквест исследует историю коллективизации и оседания в Казахстане»[29]

Каков был характер коллективизации и оседания в Казахстане, каких методов придерживались в процессе проведения этой политики, по мнению Р. Конквеста? По утверждению Р. Конквеста, эту политику характеризовали административно-силовые методы реализации и скудная материальная база. Как писал Конквест: «Не хватало домов, амбаров, сельскохозяйственного инвентаря, и что еще хуже – мало было пригодных для земледелия земель: многие колхозы находились в пустынных и полупустынных районах, без достаточных источников воды»[29].

Конквест не игнорировал и такой фактор, характеризующий коллективизацию в Казахстане, как гигантомания: в колхозах-гигантах было проблематично осуществлять планирование и организацию труда [29]. В одном колхозе находилось до 10-20 аулов, отделенных расстоянием в несколько километров, а территория одного колхоза достигала порой 200 квадратных километров. [29]. Историк придерживался тезиса, что территория Казахстана не была подготовлена к процессам коллективизации и оседания, кочевые и полукочевые районы Казахстана не были готовы к таким формам коллективного хозяйствования как сельскохозяйственная артель и коммуна, которые были применимы на данном этапе только в условиях земледельческих районов СССР.

Исследуя вопрос о факторах казахстанской трагедии, Конквест акцентировал внимание на таком факторе как психологическая неподготовленность кочевников к процессам оседания. Конквест придерживался мнения, что стремление советского правительства за несколько лет превратить кочевников и полукочевников в оседлых земледельцев противоречило исконным устремлениям населения[29].

Следующим фактором казахстанской трагедии, по мнению Конквеста, стало то, что советскую модель оседания и коллективизации механически применили к территории Казахстана, при этом не учитывали ни экономической, ни культурной специфики региона. Как писал Р. Конквест: «Катастрофа разразилась из-за экономических и политических просчетов, но корни ее уходили в непонимание человеческих культур. В Казахстане с предельной наглядностью проявилась механистичность и поверхностность партийного мышления»[29].

Конквест справедливо полагал, что применение теоретических построений партии по отношению к казахскому народу привело к навязыванию казахскому народу новых, чуждых ему стереотипов и имело катастрофические последствия.

Характеризуя природу откочевков, автор не придерживался советской концепции, по которой откочевки провоцировались «феодально-байскими элементами». Конквест считал, что эта миграция была обусловлена полным разрушением общественных и экономических основ жизни[29].

Недостатком исследований Р. Конквеста является узость источниковой базы. В качестве источников Р. Конквест использовал изданный сборник документов «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана», газетные и журнальные статьи; историография представлена монографиями советских историков, опубликованных в 1960-е гг., исследованиями западных историков начала 1980-х гг. Однако, необходимо констатировать, что в своих исследованиях Конквест практически не применял архивные документы. Таким образом, можно констатировать, что Р. Конквест ограничивался в своих изысканиях только определенным кругом источников, что, в конечном счете, не позволяло ему воссоздать и реконструировать более полную и достоверную картину событий.

Вторым крупным недостатком монографии является неточность цифр, что является следствием того, что историк не применял архивные документы. Так, исследуя вопрос об откочевках, Конквест приводит тезис, что в 1930-1931 гг. территорию Казахстана покинули 15-20 процентов казахов: 300 000 переселилось в Узбекистан, остальные – в другие республики советской Средней Азии и в Китай[29]. Эти цифры не соответствуют историческим реалиям этого времени, что подтверждается архивными материалами и исследованиями современных историков.

Как утверждают исследователи, Р. Конквест не сумел избежать влияния тоталитарной школы советологии, на которую повлияли установки «холодной войны» и в которой приоритетными категориями были политика, экономика и вооруженные силы. В этой модели советологии социальные и этнические проблемы считались несущественными, игнорировались традиции и ценности, формирующие поведение советских людей. Странники тоталитарной модели рассматривали СССР как закрытую систему, как «империю зла», фундаментально отличающуюся от западной.

Эту модель советологии представляли Х. Арендт, Р.Такер, З. Бжезинский и другие.

Западный историк Ш. Фицпатрик — представитель другого направления — ревизионистской историографии, которая исследует, в первую очередь, не идеологию и политику, а социальную мобильность и социальные отношения. Ревизионисты считали возможным использовать в изучении СССР эмпирические методы и теории, применяемые к западным системам. Ш. Фицпатрик по праву называют классиком ревизионистского направления. В монографии «Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня» Ш. Фицпатрик на примере Советской России воссоздала опыт коллективизации, и как этот опыт отразился на образе жизни людей, на их ментальности. Объектом исследования в этой монографии являются российские крестьяне, так как, по мнению Фицпатрика, «коллективизация, навязанная государством без учета специфических местных условий, не только придала крестьянству одинаковую организационную структуру, но и породила сходные культурные модели сопротивления и адаптации» [54, с.14].

Фицпатрик прослеживает попытки реформ в сельском хозяйстве, которые предпринимались на протяжении 19-20 вв. Утверждает, что эти попытки предпринимались в 1861 г., когда произошла отмена крепостного права в России, в 1905-1907 гг., в ходе столыпинской аграрной реформы, навязанной крестьянству. Но ни одна из прежних государственных реформ, пишет Ш. Фицпатрик, не проводилась такими насильственными методами, не предполагала такого прямого и тотального наступления на крестьянские ценности, складывавшиеся веками, и «не забирала у крестьян так много, давая взамен так мало» [54, с. 15].

Главной целью коллективизации, пишет Фицпатрик, было стремление «увеличить размеры государственных хлебозаготовок». Историк придерживается тезиса, что кампания по проведению коллективизации зимой 1929 — 1930 гг. стала «кульминационным пунктом в ожесточенной борьбе, которая более двух лет велась между крестьянами и государством из-за заготовительных кампаний» [54, с. 14]. В монографии Фицпатрик рассматривает «различные стратегии, взятые на вооружение российскими крестьянами, чтобы справиться с последствиями удара, нанесенного им государством в ходе коллективизации, и те способы, с помощью

которых они пытались поставить колхозы на службу собственным интересам, а не только интересам государства» [54, с. 15]. Территория Казахстана в этой монографии не рассматривается, что, однако, не умаляет значимость этого исследования в контексте нашей темы.

Монография французского историка И. Огайон посвящена истории седентаризации на территории Казахстана. Монография И. Огайон, так же как и монография Ш. Фицпатрик, написана в рамках ревизионистского направления западной историографии.

Какова же структура монографии Огайон? В первом разделе работы рассматривается общественный строй казахского аула накануне седентаризации. Во втором разделе книги исследуется осуществление советского плана седентаризации, его реализация на практике в Казахстане, излагаются методы проведения седентаризации и методы сопротивления казахского общества, раскрывается начало конфронтации между государством и обществом. Третий раздел работы посвящен исследованию голода и массовой эмиграции казахов. В этом разделе Огайон приводит конкретные факты по отдельным регионам, свидетельствующие о масштабах откочевков. Завершающая часть книги посвящена размышлениям о новом казахском аграрном обществе как результате взаимодействия между господствовавшей социально-экономической моделью и казахским пастушеским обществом. [33].

Историю оседания в советский период Огайон подразделяет на несколько этапов: начальная стадия — 1928-1929 гг., первый этап седентаризации (1929-1931 гг.), второй этап (1932-1935 гг.) и третий этап (1936-1945 гг.). [33, с. 325].

На начальном этапе в казахском обществе произошли две кампании: дебаизация, т.е. конфискация имущества баев, за которой последовала их ссылка, и создание и укоренение государственного и локального репрессивного аппарата. Историк придерживается тезиса, что «экспроприация экономической элиты и распределение ее имущества между бедняками подготовили коллективизацию, в то время как конфискация семейных нематериальных достояний, т.е. родословных списков уважаемых вождей, подорвала основы их политической легитимности и наследственного права». [33, с. 325].

На первом этапе седентаризации (1929-1931) было осуществлено переселение «наиболее ослабленного пастушеского населения на земли засушливой зоны». Этот процесс

сопровождался насильственной коллективизацией, реквизициями и дестабилизацией политической ситуации, потому этот опыт оказался неудачным. Первый этап седентаризации, по мнению Огайон, завершился провалом политики организованных миграций. На второй этапе оседания (истерзанная седентаризация, или репатриация, и организованное расселение) произошли развал производства, политические беспорядки, голод, бегство казахского населения за пределы своих регионов и за пределы Казахстана, исчезновение 80 процентов поголовья. На третьем этапе (1936-1945) произошло укрепление колхозного аула, или «аккультурация в действии», возникла новая стабильная форма колхозов - колхозный аул. (33, С. 325-327).

По мнению историка, основным фактором, который привел казахскую степь к катастрофе, была политика мясозаготовительных кампаний или реквизиции скота у населения.

Автор исследовала и такой вопрос как формы борьбы и сопротивления, которые применялись казахами на рубеже 1920-1930-х гг., изучила динамику и локализацию крупных восстаний, происходивших на территории Казахстана, выявила их региональную специфику. Так, на территории Тургайской степи, где произошел ряд восстаний, на возникновение мятежа в 1929 г. повлияла политика заготовительных кампаний. Нельзя игнорировать и тот фактор, что Тургайский регион являлся одним из центров восстания 1916 г. Таким образом, историк придерживается тезиса, что восстание в Тургайской степи 1929 г. являлось политическим наследием восстания 1916 г.

Объектом внимания исследователя были также и репрессии, применявшиеся против восставших мятежников. Историк констатирует, что на рубеже 1920-х- 1930-х гг. произошло усиление репрессивного аппарата путем создания специальных военных подразделений, отрядов ОГПУ, что было продиктовано опасением дестабилизации ситуации в степи.

Новизна этого исследования заключается в том, что историк опиралась на репрезентативную источниковую базу: изданные сборники архивных документов по политике седентаризации, архивные документы ЦГА РК, АПРК, сборники партийных документов, материалы бесед с аксакалами, являвшихся очевидцами этих трагических событий. Историография исследования представлена трудами отечественных и западных

историков. Новизна этого исследования заключается также в применении новейшего методологического инструментария: микроистории, биографического метода, повседневной истории, статистического и историко-сопоставительного методов.

Монография современного западного историка Роберта Киндлера «Сталинские номады. Власть и голод в Казахстане» посвящена феномену насилия в реализации сталинской политики на территории Казахстана. В монографии прослеживается история оседания и коллективизации, исследуется специфика управленческих отношений между Центром и местными государственными структурами, освещается диктат административных органов как на правительственном, так и на местном уровнях. Основная идея монографии заключается в том, политика оседания, реализовывавшаяся в Казахстане, усугублялась отсутствием строительных материалов, сельскохозяйственных орудий, нехваткой профессиональных геодезистов, инженеров, агрономов, в точках оседания часто не было воды и пригодных земель. Несмотря на эти трудности, от местных чиновников требовали строжайшего выполнения плана по оседанию. [65, с. 81]. Коллективизация, по мнению Р. Киндлера, была частью сталинской культурной революции и была направлена на то, чтобы выкачать ресурсы из сельского хозяйства и сделать сельское население зависимым от государственного производства и распределения продукции. Историк отстаивает тезис, что коллективизация стала трагедией для крестьянства и катастрофой для кочевников, так как потеряв скот, кочевники не имели экономических и культурных средств к существованию, не могли вести кочевой образ жизни.

Голод на территории Казахстана R.Kindler изучает в контексте голода на территории СССР. По мнению историка, в 1932-1933 гг. голод произошел на большей части территории СССР, однако эпицентр голода находился на территории Украины, Поволжья, Северного Кавказа и в Казахстане. Историк приводит статистические цифры по демографическим последствиям голода: на территории СССР в эти годы погибли от 5,5 млн. до 6, 5 млн. людей, из них 3, 5 млн. погибли на территории Украины. Однако ни один регион, считает Kindler, не пострадал так сильно как Казахстан. Был практически полностью уничтожен экономический базис республики. От голода и связанных с ним болезней в Казахстане погибли более 1, 5 млн. человек, примерно одна треть

казахского народа или четверть от общей численности населения на территории Казахстана. [65]

Необходимо также отметить статью современного западного историка Niccolò Pianciola «Голод в Казахстане в годы коллективизации, 1931-1933». В этой статье автор, ссылаясь на архивные документы и исследования западных историков R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft, G. Kendirbai, D. G. Dalrymple, I. Ohayon, исследовал аграрную и политическую историю Казахстана 1920-х - 1930-х гг., в частности, хлебозаготовительную кампанию 1928 г., кампанию по конфискации скота и имущества у «баев-полуфеодалов», историю заготовительных кампаний 1930 и 1931 гг. Историк пишет, что для системного исследования продовольственного кризиса начала 1930-х гг., необходимо учитывать экономические и демографические последствия кризиса 1914-1922 гг. На этом историческом этапе сотни тысяч казахов погибли во время подавления мятежа 1916 г. и в результате голода 1917-1922 гг. Применяя опубликованные архивные документы, Niccolò Pianciola отстаивал тезис, что даже в 1923 и 1924 гг., в условиях новой экономической политики, большая часть территории СССР, включая Украину, Волгу, Сибирь и северо-западный Казахстан, была охвачена голодом. На территории Казахстана голод 1924 г. особенно свирепствовал в районах Актюбинской и Кустанайской губерний.

Применяя методы экономической истории, ученый изложил историю оседания и коллективизации в Казахстане, последствия этой политики, выразившиеся в откочевках и голоде. Ссылаясь на документы Государственного архива РФ и исследования И. Огайон, Pianciola приводит цифровые данные по откочевкам. Так, по утверждению Niccolò Pianciola 286 тыс. семей покинули территорию Казахстана в 1930-1931 гг., 78 тыс. семей откочевали в 1932 г, 31 тыс. семей - в 1933 г. Население откочевывало в пограничные регионы: Китай, Сибирь, Центральную Азию и Урал; 200 тыс. казахов откочевали на территорию Китая [66, р. 242].

В своих исследованиях Пианчола подчеркивает, что основным фактором казахстанской трагедии, стала политика хлебозаготовительных кампаний, проводившаяся даже в пастушеских районах. Ссылаясь на Стенограмму Совещания ЦК ВКП (б) по хлебозаготовкам, приведенную в сборнике документов В.П. Данилова «Трагедия советской деревни», историк утверждает,

что «нормы по хлебозаготовкам для казахских пастухов были так же высоки, как и для хлеборобов Поволжья». [38, С. 109.] Высокие нормы хлебозаготовок, по мнению Пианчола, объяснялись тем, что Казахстан рассматривался в качестве основного полюса производства хлеба, в отличие, например, от Киргизии - территории, где жили пастухи-кочевники, которых также переводили к оседлости. [38, С. 110.] Борьба за хлеб, за экспорт хлеба, по мнению Пианчола, была для Сталина и его сподвижников борьбой за само выживание режима.

С. Камерон так же как и Н. Пианчола, исследует факторы и масштабы голода на территории Казахстана в контексте истории коллективизации в СССР. Придерживается тезиса, что больше всех в СССР пострадали регионы, которые традиционно поставляли продовольственные товары, регионы, в которых проводились заготовительные кампании. Исследуя коллективизацию в Казахстане, историк утверждает, что в регионе в эти годы было уничтожено 90 % поголовья скота, что нанесло удар по кочевничеству. Поэтому основными жертвами голода в Казахстане стали кочевники. До трагедии 1932-1933 гг., пишет С. Камерон, понятия «казах» и «кочевник» были практически идентичны, но после этой трагедии эти понятия уже были различными [61]. С. Камерон приводит в исследованиях тезис, что казахский голод способствовал созданию советского Казахстана, стабильной территории с четко очерченными границами, ставшего частью советской экономической системы. Этот тезис не совсем понятен, так как оформление границ советского Казахстана произошло еще в ходе национально-территориального размежевания Средней Азии - в 1924-1925 гг.

Германский исследователь А. Каррелет в своей книге «Россия как многонациональная империя: происхождение, история, крушение» утверждает, что в конце 1920-х гг. в СССР происходит переход от прагматичной и гибкой к репрессивной национальной политике, которая стала ведущей и постоянной тенденцией в отношениях между Центром и периферией. Сталинская революция представляла собой, по его мнению, более фундаментальную трансформацию общества, нежели та трансформация, которая была результатом национальной политики царизма. Коллективизация, - пишет он, - имела более серьезные последствия у кочевых народов. У номадов коллективизация была сопряжена с насильственным

принуждением и разрушением традиционных структур, что привело к снижению численности скота и привело к голоду. Именно поэтому кочевники, сопротивляясь террору государства, в большом количестве переселялись на территорию Китая [62].

Р. Suny также руководствуется той теорией, что голод был вызван коллективизацией, насильственным оседанием кочевников и уничтожением 80 процентов скота. Suny затрагивает и антирелигиозную политику Советского государства и утверждает, что коллективизация и нападения на местное население усугублялись кампаниями против церкви и мечети [71].

Таким образом, для работ западных исследователей характерна концепция, согласно которой основной причиной трагических событий 1930-х гг. являлась политика Центра, направленная на насильственное оседание и коллективизацию.

Голод 1932-1933 гг. в СССР и в частности в Казахстане до сих пор продолжает вызывать дискуссии и споры как среди политиков, так и в научной среде. Трагедия затронула почти каждую семью, привела к разрушению человеческих судеб, вызвала тяжелые социально-демографические последствия, которые до сих пор не поддаются точному статистическому измерению.

Как утверждал бразильский ученый Жазуэ де Кастро, голод – самое унижающее из бедствий, которое свидетельствует о неспособности существующей культуры удовлетворить самые насущные потребности человека. Голод всегда указывает на наличие вины общества. Жазуэ де Кастро придерживается мнения, что ущерб, причиненный голодом, значительно больше по числу жертв и гораздо серьезнее по своим биологическим и социальным последствиям, чем ущерб, вызванный войнами и эпидемиями [23, с. 6.].

Актуальность данной темы продиктована и современными мировыми реалиями. По данным международной организации Юнисеф: более 1 млрд. людей на Земле постоянно голодают, от голода и недоедания ежегодно умирают от 13 до 18 млн. людей. каждые 24 часа – 35 тыс. человек умирают в результате прямого или косвенного влияния недоедания и голода; 24 человека – ежеминутно, причем 18 из них – дети до 5 лет [17, с. 21.].

Особенно актуальна эта проблема для бедных стран, освободившихся от колониальной зависимости в 1960-1980-е гг. Издержки реальной модернизации в этих странах проявили себя в

деклассировании и обнищании крестьянства, в падении уровня жизни. Периодически нехватка продовольствия приобретала драматический характер в Эфиопии, Сомали, Судане, Анголе, Руанде, Заире, Сьерра-Леоне [17].

Однако голод не обусловлен лишь природными катастрофами или кризисами. В 21 веке продовольственный кризис, по утверждениям экспертов, стал политической проблемой и впервые достиг глобального масштаба в 2008 г., когда голодом были охвачены страны Африки, отдельные регионы Азии и страны Карибского бассейна. В этих регионах возникли даже так называемые голодные бунты. Как утверждают эксперты боннского Центра исследований развивающихся стран, более чем в 50 случаях продовольственный кризис 2008 года спровоцировал массовые волнения и заставил людей выйти на демонстрации. Отчасти это привело к смене власти, что, по сути, стало новым явлением [17].

Вот уже несколько лет тема продовольствия обсуждается в ООН и странами «большой двадцатки», так как волнения из-за высоких цен на продукты продолжаются, хотя уже и не в таких масштабах, как это происходило в 2008 году. В 2009 г. на Всемирном саммите по продовольственной безопасности миллиард голодающих на планете были названы «нашим трагическим достижением в современном мире». На саммите лидеры стран пришли к выводу, что острота нынешнего продовольственного кризиса является результатом того, что на протяжении 20 лет сельское хозяйство не получало достаточных инвестиций и этому сектору не уделялось должного внимания. На этом саммите мировыми лидерами была принята декларация, в которой были прописаны новые обязательства стран для быстрого и окончательного решения проблемы голода в современном мире.

Все эти факторы обуславливают актуальность этой тематики на современном этапе.

Длительный период причины «продовольственных затруднений» пытались рассмотреть в контексте «перегибов», допущенных при проведении коллективизации и недостаточной компетентности местных органов. В связи с этим кажется уместным процитировать отрывок из письма одного из руководителей Казкрайкома ВКП (б) организациям Алма-Аты: «Тут мы имеем дело со своеобразным проявлением трудностей роста отставания казахского аула на путях его социалистической реконструкции. За

формой «стихийного бедствия» необходимо видеть коренную ломку старого казахского аула. Но этот процесс в отдельных кочевых и полукочевых районах принял болезненные формы из-за слабости низового партийно-советского аппарата, поскольку он, этот аппарат, не обеспечивал правильное проведение политики партии» [10].

Несколько иной трактовки массового голода придерживались западные ученые, изучавшие эту тематику уже в 30-40 годы XX века и пытавшиеся смоделировать свое собственное видение причин и последствий Казахской трагедии. Например, Р. Конквест, А. Каппелер, Р. Сани, М. Олкотт и другие выдвигают концепцию, согласно которой прямой причиной голода были не перегибы, допущенные местными органами, а политика Центра, направленная на насильственное оседание и коллективизацию.

Необходимо констатировать, что западные историки, исследующие голод на территории Казахстана, не применяют категорию «геноцид». Как пишет Николо Пианчола, в гуманитарных науках понятие «геноцид» определяют как политику, «направленную на полное уничтожение группы людей, по признакам, определяемым исполнителями». [38, С. 115.]. Историк отстаивает тезис, что намерением советского правительства не было убийство «наибольшего возможного числа украинцев или казахов, как относящихся к той или иной национальности». [38, С. 115.]. Н. Пианчола отстаивает тезис, что сталинский режим использовал голод не для уничтожения социальной или национальной группы населения, а с целью «политического подчинения сельского населения и получения полного контроля над его ресурсами» [38, С. 115.].

Примерно этой же теории придерживаются и другие историки. Например, Р. Конквест выдвигает гипотезу о искусственном характере голода в Казахстане, но не поддерживает версию о преднамеренном характере голода, о запланированном геноциде. В качестве убедительности необходимо привести выдержку из его монографии: «Голод, в Казахстане в эти годы носил искусственный характер, как и в 1921 году, то есть он возник в результате безрассудного проведения политики, продиктованной чисто идеологическими соображениями. Но, в отличие от голода на Украине, голод в Казахстане не был организован преднамеренно» [29, с. 194].

Необходимо отметить, что концепция об искусственном голоде появилась в западной литературе во второй половине 1930-х гг. на основании воспоминаний очевидцев событий, на основании свидетельств иностранных журналистов, работавших в СССР в начале 1930-х гг. Тогда же появилась версия, что сталинское руководство организовало искусственный голод с целью подавить украинский национализм. Фундаментом для этой концепции стали мнения работавших в СССР западных журналистов, наблюдавших голод и уехавших из страны убежденными в том, что голод был спланированным и умышленным [41].

Другую точку зрения отстаивает американский исследователь М. Таугер. По его мнению, голод 1932–1933 гг. не является результатом хлебозаготовок 1932 г. и сознательного акта геноцида, этот голод был, в основном, результатом «провала экономической политики «революции сверху» и менее всего результатом «успешной» национальной политики, направленной против народов СССР» [45]. Он высказывает точку зрения, что низкий урожай 1932 г., ставший результатом влияния погодных факторов, засухи, сделал голод неизбежным, «и даже полного прекращения продажи зерна за границу было бы недостаточно для того, чтобы предотвратить голод» [45].

Историк И. Огайон, также как и Р. Конквест, не разделяет версию о преднамеренном характере демографической катастрофы в Казахстане, не поддерживает версию о геноциде казахского народа. В качестве аргумента приводит юридическое определение термина «геноцид», которое ставит на первое место «намерение уничтожить этническую, расовую или религиозную группу». И. Огайон утверждает, что «если и существуют какие-то доводы, доказывающие желание уничтожить украинский национализм, имевшийся в природе до гражданской войны, то казахи никогда не представляли националистическую опасность для СССР». [33, с. 332]

В то же время И. Огайон справедливо придерживается тезиса, что человеческие потери, понесенные Казахстаном, ни с чем не сравнимы, так как они достигают 30 процентов населения, что «размах катастрофы казахов сравним только с опытом Украины» [33, с. 332]. В этой связи историк задается вопросом, «...почему только Украине дана монополия на освещение горя и страданий от голода в 1930-х гг., которым придается статус геноцида со стороны

мирового сообщества, тогда как в Казахстане они скромно называются одним из эпизодов в истории казахов?» [33, с. 332].

С. Уиткрофт, Р. Дэвис в своей монографии также опровергают теорию геноцида в отношении народов СССР в период коллективизации. В качестве доказательства историки привели государственные постановления о предоставлении продовольственной помощи пострадавшим районам. [21]. Однако нельзя отрицать тот факт, что продовольственную помощь стали поставлять районам СССР, когда ситуация была уже катастрофической.

Историк А. Грациози, исследовавший в одной из своих статей голод 1932-1933 гг. на Украине, придерживался тезиса, что трагедию в Казахстане, где человеческих потерь относительно общего количества населения было больше, чем на Украине, следует считать результатом неудачно проведенной политики оседания и «следствием полного равнодушия к судьбе коренного населения» [16, с. 14]. Голод в Казахстане 1931-1933 годов, считал А. Грациози, явление иной природы, нежели «Голодомор» на Украине и на Кубани, длившийся с конца 1932 до начала 1933 года.

По мнению Ш. Фицпатрик, голод на территории СССР можно объяснить тем, что государство установило слишком большие планы хлебозаготовок. [54, с. 84].

Немецкий историк Robert Kindler так же как и И. Огайон отрицает теорию геноцида и считает, что, несмотря на тяжелые социально-демографические последствия оседания и коллективизации на территории Казахстана, у советского правительства не было намерения уничтожить казахов как народ. [65]

Михаэль Эльман придерживается иной точки зрения. Историк придерживается тезиса, что крестьянскую политику сталинского режима в регионах СССР в начале 1930-х гг. следует характеризовать не иначе как «преступное убийство людей», так как советское правительство не удосужилось искать помощи за рубежом и не позволило крестьянам бежать в менее пострадавшие районы. Было ли это совершенно преднамеренно или непреднамеренно, зависит от того, как понимать правовой термин «намерение». Эльман пишет, что «командное поведение Сталина в 1930-1934 гг. ясно конституирует преступление против человечности, согласно данному ему определению в Римском

статуте Международного криминального суда 1998 г., ст. 7». В этой связи Эльман задается вопросом, можно ли это квалифицировать как геноцид? Так или иначе, политику Сталина несомненно следует характеризовать как «культурный геноцид», но ни то, ни другое не входит в Конвенцию ООН по геноциду. [24, с. 168].

Таким образом, при обсуждении теории геноцида историки освещают и правовые аспекты и этот вопрос до сих пор является дискуссионным как в отечественной, так и зарубежной историографии.

Этот вопрос стал предметом исследования и российских историков, изучавших голод на территории СССР. Исследователи Л.А. Гордон и Э.В. Клопов, раскрывают причины голода в Советском Союзе в годы первой пятилетки и акцентируют внимание на организационных, управленческих, политических и даже личностных факторах — общая неразбериха, плохая организация, чрезмерные государственные поставки, стремление устрашить, или наказать крестьянство. По их мнению, производственно — экономические обстоятельства не могли повлиять на возникновение голода, так как голод 1930-х гг. есть порождение не столько социально-экономического, сколько политического развития [18, с.167].

По мнению Кондрашина В.В., голод 1932-1933 гг. на территории СССР стал результатом антикрестьянской политики насильственной коллективизации и хлебозаготовок, проводившейся сталинским руководством ради решения задачи форсированной индустриализации страны. Кондрашин утверждает, что голод 1932-1933 гг. можно определить как «организованный голод». «Он был организован сталинским режимом в результате насильственной коллективизации, разрушившей сельскохозяйственное производство, а также с помощью принудительного вывоза хлеба из деревни в счет государственных заготовок и подавления крестьянского сопротивления. Все эти действия осознанно принимало сталинское руководство». [27, С. 251] Кондрашин В.В. также считает, что эта ситуация усугубилась политикой ограничения и ликвидации традиционных методов выживания крестьян во время голода, отказом от международной помощи. Прямой организацией голода, по мнению историка, стали драконовские директивы Сталина — Молотова о борьбе со

стихийной миграцией крестьян, запиравших их в деревнях и обрекавших на голодную смерть. [27, С.252].

Кондрашин В.В. также утверждает, что «голод 1932-1933 гг. — это не национальный, а интернациональный, советский голод, от которого пострадало все население Советского Союза, и степень этих страданий определялась не национальной принадлежностью, а местом проживания». Самыми пострадавшими районами стали земельные районы СССР, где в начале 1930-х гг. проводилась сплошная коллективизация и хлебозаготовительные кампании по принципу продразверстки [27, С. 252].

Историк считает, что теории геноцида нет оснований, так как не найдены документы, в которых бы говорилось о существовании у сталинского режима этих замыслов. Когда свершались факты геноцида (геноцид армян в 1915 г., холокост, этнические чистки в Руанде), «осуществлявшие его режимы действовали осознанно, т.е. ставили эту цель и реализовывали ее с помощью репрессивных структур государства, получавших соответствующие распоряжения на уровне высшего политического руководства, о чем сохранились соответствующие архивные документы и свидетельства очевидцев» [27, С. 253].

Однако необходимо констатировать, что наряду с формами прямого геноцида, в историко-правовом пространстве существует также понятие косвенного геноцида. Косвенный геноцид определяют как «направленное воздействие (умышленное бездействие) на какие-либо группы путем изменения природных условий, культурно-исторической среды, биологических и экономических факторов, приводящее к созданию для группы таких жизненных условий, которые могут привести к полному или частичному физическому ее уничтожению». Ученые выделяют следующие формы косвенного геноцида: направленное экономическое вмешательство, направленное изменение культурно-исторической среды, биологическое вмешательство, направленное изменение природных условий [57, С. 169].

Интерес к этой проблематике проявляли и отечественные исследователи, интенсифицировавшие исследовательский порыв в годы перестройки, распада Советского Союза и становления независимости в республиках постсоветского пространства. Согласно мнению Т. Омарбекова, причиной голода на территории Казахстана стало катастрофический упадок сельского хозяйства,

вызванный крупномасштабными мясозаготовительными кампаниями, которые были навязаны Центром [36, с.201]. Аналогичной точки зрения придерживается Ж.Б. Абылхожин, правомерно утверждающий, что одной из основных причин голода стало разрушение традиционной структуры Казахстана [2, с.174].

Таким образом, в современной историографии аграрной истории Казахстана существуют дискуссионные темы, по которым нет единой теории и методологии.

3.3 История крестьянских восстаний конца 1920—начала 1930-х гг. в Казахстане в отечественной и западной историографии.

Крестьянские восстания или бунты происходили на протяжении всей всемирной истории. Примером тому могут служить крестьянские войны в Китае, «рисовые» бунты в Японии, крестьянские восстания в Западной Европе. Крестьян на подобные действия протеста толкали самые различные факторы: нерешенность земельного вопроса, непосильные налоги, нищета, отсутствие будущего. Как писал Эрик Хобсбаум, крестьянское выступление — это протест, ...это выступление не против того, что крестьяне бедны и угнетены, а против того, что они слишком бедны и угнетены [56, с.192]

Как отмечал Джеймс Скотт - создатель моральной экономики крестьянства как этики выживания, притязания на крестьянские доходы со стороны помещиков или государства никогда не признавались законными, если они распространялись на то, что считалось минимальным зафиксированным уровнем существования. «Крестьян побуждала к бунту чаще недостаточность того, что им оставалось, чем величина того, что у них изымалось»- пишет Дж. Скотт [40, с. 209].

История крестьянских восстаний в СССР конца 1920-х-начала 1930-х гг. нашла отражение в ряде монографических исследований зарубежных историков, применявших методологический инструментальный концепции «новой социальной истории». В качестве примера можно привести произведение западного историка Линн Виолы «Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления» [13].

Л. Виола изучает формы и методы борьбы и сопротивления, применявшиеся крестьянами в СССР в годы коллективизации, исследует хронологию, динамику и локализацию бунтов и восстаний, придерживается тезиса, что крестьяне применяли как методы ненасильственного сопротивления, так и вооруженное сопротивление. По утверждению исследователя, пик восстаний пришелся на первую половину 1930 г. [13, с.25]. Историк придерживается тезиса, что целью восстаний против колхозов было не допустить организации колхоза, либо реорганизовать уже существующий и антиколхозные бунты всегда сочетались с протестами против раскулачивания и закрытия мечетей.

Исследователь Линн Виола утверждает, что протест населения, какую бы форму он ни принимал - завуалированную и непрямую либо явно оппозиционную и насильственную, - был вызван обоснованным беспокойством крестьян за судьбы их семей, веры и общины. По мнению Л. Виолы, показателями политической подоплеку волнений периода коллективизации являлись два аспекта. Во-первых - те требования, которые выдвигали участники бунтов: распустить колхоз или воспрепятствовать его организации, вернуть отобранное зерно и скот, освободить кулаков, защитить церкви. Во-вторых, - объекты нападения: партработники, деревенские активисты, правительственные здания и колхозные постройки. [13, с. 112]

По мнению Л. Виолы, восстания периода коллективизации имели политическую подоплеку. Однако, советское правительство, утверждает историк, характеризуя эти выступления, применяло термины «бандит» и «бандитизм». По мнению ученого, применяя эту терминологию, сталинский режим пытался деполитизировать это явление, придать криминальный характер существованию и деятельности этих групп. [13, с.94]. В этой связи историк приводит выражение Э. Хобсбаума, исследовавшего это явление: «Человека могли считать преступником, если он не делал ничего предосудительного по местным традиционным меркам, однако его действия представлялись таковыми в глазах государства или местных управленцев». Таким образом, ученый предполагает, что явление бандитизма нельзя рассматривать ни как порождение определенной политической конъюнктуры советской эпохи, ни как уголовную деятельность. Скорее его следует считать

альтернативной формой крестьянского сопротивления, которая происходила из традиционной культуры несогласия. [13, с.95].

Этой точки зрения придерживается И. Огайон, утверждая, что вооруженное сопротивление казахов рубежа 1920-х-1930-х гг. нельзя рассматривать как простой бандитизм и остаточные явления событий 1916 г. и гражданской войны; попытка свергнуть власть не является признаком бандитизма. И. Огайон приводит точку зрения советской администрации, подразделявшей бандитизм на следующие категории - уголовный, социальный, политический, обычный и считавшей, что деятельность вооруженных отрядов в Казахстане относилась к политическому бандитизму. В то же время И. Огайон утверждает, что формулировка «политический бандитизм» не является точной характеристикой этих событий, так как деятельность вооруженных отрядов могла превратиться в партизанскую войну [33, С. 177].

По мнению И. Огайон, деятельность вооруженных отрядов нельзя характеризовать и как деятельность банд «басмачей», которые квалифицировались сталинским режимом как контрреволюционные элементы, представлявшие большую угрозу для власти [33, С. 177]. Деятельность басмачей на территории Средней Азии имела и религиозную подоплеку, потому что басмачи выступали с исламскими лозунгами. То, что ОГПУ уподоблял казахские вооруженные отряды 1930-х гг. с басмачами, подчеркивает, по мнению Огайон, согласно официальной точке зрения, их реакционный и антисоветский характер.

В Казахстане в конце 1920-х-начале 1930-х годов, как утверждают отечественные исследователи, произошло более 376 крестьянских выступлений, подавленных отрядами ОГПУ.

Одним из факторов, подтолкнувших крестьян Казахстана к протестным выступлениям, являлась политика заготовительных кампаний, в процессе реализации которой были повсеместными нарушения законности. Вместе с тем, массовые жалобы на эти «искривления» и «перегибы» не рассматривались. Например, в 1929-1931 гг. в Абралинском районе крестьяне написали в районный комитет 400 письменных жалоб, которые не были даже формально рассмотрены. Не случайно, основным требованием выступавших крестьян был возврат незаконно изъятого скота, с которым зачастую связывалась единственная надежда на выживание.

Процессы седентаризации и коллективизации, обусловившие стремительное обнищание населения, не подкреплённые психологической подготовленностью кочевников, также не могли не вызвать чувство протеста со стороны крестьян.

Следующей причиной выступлений стала антирелигиозная политика Советского государства, в частности, закрытие религиозных школ и мечетей, репрессии государства по отношению к мусульманскому духовенству. В Казахстане было введено в действие постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 18 июня 1928 года, запрещающее преподавание мусульманского вероучения, а с 1 июля 1929 г. была прекращена выдача органами власти разрешений на открытие религиозных школ.

Таким образом, повстанческие выступления периода коллективизации в большинстве своем являлись реакцией протеста против государственного произвола со стороны обнищавших, доведенных до отчаяния людей. По этому поводу высказала свою точку зрения Л. Виола: «...открытый бунт совсем не присущ крестьянскому сопротивлению, однако если он все же происходит, то это говорит о необычайном накале накопившейся злобы. Чтобы крестьяне, как и любой подчиненный слой общества, решились прибегнуть к насилию, требовались либо крайняя жестокость, либо полное попустительство со стороны властей» [13, с. 115].

Необходимо также подчеркнуть, и эту точку зрения отстаивает И. Огайон, что деятельность вооруженных отрядов была направлена против представителей власти, независимо от их национальной принадлежности. Как утверждает И. Огайон, повстанцы выступали против районных администраций, партии и центральной власти, в рядах которых были не только русские, но и казахи. [33, С. 184].

Крестьянские выступления в Казахстане конца 1920-х-начала 1930-х годов, направленные против политики Советской власти, долгий период оставались закрытой темой. Учёные-исследователи, говоря об антисоветских выступлениях, могли лишь упомянуть о «байских мятежах», «вооружённых выступлениях баев». Основная причина такого одностороннего подхода к этой проблематике коренилась в политической ситуации, господствовавшей в тот период в нашей стране, в особенностях советского строя, подавлявшего проявления инакомыслия. В этих условиях

следование другой трактовке причин и характера выступлений даже в постановке дискуссионности было практически невозможным.

Ситуация изменилась в конце 1980-х-начале 1990-х годов. В газете «Казахстанская правда» от 14-17 января 1989 г. была опубликована статья В.П. Осипова и Б.А. Тулепбаева «С позиции правды», освещающая трагические страницы казахстанской коллективизации и, в частности, проблему крестьянских выступлений, в этой статье также приводятся статистические данные о количестве «бандформирований».

Большую лепту в изучение этой проблематики внесли работы Т. Омарбекова «Зобалан», «20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті», Т.К. Алланиязова «Шетская трагедия», «Коллективизация по-карсакапайски» [8,9]. В этих работах проблема крестьянских вооружённых выступлений получила новое концептуальное освещение, иначе интерпретируются причины и характер выступлений, исследуется роль и место ОГПУ (Объединённого Государственного Политического Управления) в подавлении этих так называемых «байских мятежей».

Каков же был социальный состав этих «бандформирований»? Документы ОГПУ подразделяют их на следующие группы: «крупные баи – индивидуальники», «националистическая интеллигенция аула», «бывшие волостные управители», «авторитетные родовики», «бедняцко-средняцкие слои населения», которые, по мнению представителей ОГПУ были вовлечены в выступления «главным образом благодаря байско-аксакальской агитации».

На территории Казахстана восстания происходили на рубеже 1920-х-1930-х гг. Участники этих выступлений были подвергнуты репрессиям органами ОГПУ. Так, в частности, в начале 1930-х гг. были репрессированы участники Абралинского и Чингистауского выступлений: 86 человек было приговорено к высшей мере наказания, 137 человек было заключено в исправительно-трудовые лагеря со сроком от 3 до 10 лет, еще десять человек стали отбывать срок заключения - от 3 до 5 лет - в Казахстане.

Попытка выступлений против Советской власти была предпринята и в Коунрадском районе. Представители силовых структур не замедлили адекватно, в духе того времени, отреагировать на это выступление. В результате, 5 участников выступления было приговорено к высшей мере наказания, 4 – к 10

годам лагерей, остальные 11 человек – к различным срокам лишения свободы – от 5 до 3 лет.

Как отмечают исследователи, локальный характер выступлений, отсутствие единого центра, руководящего движением, недостаточное военно - техническое обеспечение, организованное и жесткое противодействие со стороны силовых структур обусловили поражение выступавших крестьян. Усиление репрессивной мощи государства стало сдерживающим фактором в попытках оппозиционных выступлений против существующей власти. Эта одна из причин того, почему эти выступления не имели место в дальнейшем

Таким образом, крестьянские выступления конца 1920-х-начала 1930-х гг. являются одной из дискуссионных тем в отечественной историографии.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем заключаются особенности советской историографии коллективизации в Казахстане?
2. Каковы особенности современной отечественной историографии коллективизации в Казахстане?
3. Почему крестьянские выступления в Казахстане конца 1920-х-начала 1930-х годов, были закрытой темой в советской историографии?
4. Почему трагические итоги коллективизации в Казахстане были закрытой темой в советской историографии?

Темы рефератов:

1. Аграрная история Казахстана в трудах советских историков 1920-х-1950-х гг.
2. Аграрная история Казахстана в советской историографии 1960-х-первой половины 1980-х гг.
3. Западная историография коллективизации в Казахстане.
4. Концепция крестьянского сопротивления в трудах Л. Виола.
5. Крестьянские выступления конца 1920-начала 1930-х гг. в Казахстане: современная историографическая практика

Рекомендуемая литература:

1. Әсіп Сапабек, Қазақ қасіреті - Алматы: «Қазақстан», 1994. –304 б.

2. Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920-1930гг.) – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 240с.

3. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. – Алматы: Туран, 1997. – 360с.

4. Абылхожин Ж.Б. Сталинизм и номадизм: к вопросу о силовой политике седентаризации в Казахстане 1920-х начале 1930-х гг // Феномен Кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 112-132

5. Алексеенко А.Н. Население Казахстана 1920-1990гг. – Алматы: Ғылым, 1993. – 125с.

6. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997гг.). – Усть-Каменогорск: Полиграфия, 1999. – 157 с.

7. Алимбай Н., Муқанов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Ғылым, 1998. – 234с.

8. Алланиязов Т.К. Шетская трагедия. – Алматы: XXI век, 2000. – 164 с.

9. Алланиязов Т.К. Коллективизация по – карсақпайски. 1928-1933гг. Учебное пособие. – Алматы: Фонд «XXI веку», 2001. – 232 с.

10. Аргынбаев Х.А. Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. – Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1969. – 171 б.

11. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане. (1917-1980). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 188 с.

12. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М.: Изд. А.Н. СССР. – 1957. – 340 с.

13. Л. Виола. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. – М.: Росспэн, 2010. – 368 с.

14. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917 – 1933. Пер.с англ. Л.Ю.Пантиной. — РОССПЭН — М. : РОССПЭН, 2001. — 96 с. — (Советская история в зарубежной историографии)

15. Галиев А.Б. Голод в Казахстане 1932-1933гг. // Заря, 1989. – №11 – С. 11-

16. А. Грациози. Голод в Советском Союзе в 1931-1933 годах и украинский "голодомор" [электронный ресурс] [polit.ru/article/2007/05/09/graziozi/].

17. Голод: бедствие, вызванное деятельностью человека? – Доклад независимой гуманитарной комиссии. – М.: Международные отношения, 1990. – 159 с.

18. Гордон Л.А., Клопов Э. В. Что это было? – М.: Политиздат, 1989. – 319с.

19. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929гг.). – Алма-Ата: Наука. – 1965. – 536с.; Дахшлейгер Г.Ф. Маршрутом социального прогресса. – Алма-Ата: Казахстан, 1978. – 160с.

20. Данилов В.П., Ильин А., Тепцов Н. Коллективизация: как это было // Урок дает история. – М.: Политиздат, 1989. – С.128-141.

21. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931-1933. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 539 с. (История сталинизма).

22. Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. С.-Петербург, 1910. – 98 с.

23. Жазуэ де Кастро. География голода. – М.: Изд. Иностранной литературы, 1954. – 388 с.

24. Дж. Кип, А. Литвин. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., РОССПЭН, 2009 – 328 с.

25. Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. 1917-1953 гг. М., РОССПЭН, 2011 – 270 с.

26. Козина В. В. Население Центрального Казахстана. – Алматы: Өркениет, 2000. – 144 с.

27. Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Голод: 1932-1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара - Пенза, 2002. – 272 с.

28. Козыбаев М.К., Алдажуманов К.С., Абылхожин Ж.Б. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. – Алматы, 1992. – 36с.;

29. Конквест Р. Жартва скорби. Советская коллективизация и террор голодом //Новый мир, 1989.- № 10.- С. 179-200

30. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (Основы жизнедеятельности кочевничества). – Алматы «Социвест». – Москва «Горизонт», 1995. – 320с.

31. Меньковский В. И. История и историография: Советский союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов. — Минск.: БГУ, 2007. — 356 с.

32. Нурпейсов К. Н., Дахшлейгер Г.Ф. История крестьянства Советского Казахстана. – Алматы: Наука, 1985. – Т.1. – 247 с.

33. И. О. Огайон Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения. (1928-1945 г.г.) = La sedentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Stalin. Collectivisation et changement social (1928-1945)// пер. с фр. А. Т. Ракишева; сост. Б. М. Сужиков. – Алматы: Санат, 2009. – 365 с.

34. Омарбеков Т. Қазақ неге шыбындай қырылды? // Егеменді Қазақстан, 1992, I тамыз.

35. Омарбеков Т., Койгелдиев М. Тарих тағылымы не дейді? – Алматы: Ана тілі, 1993. – 208 б.

36. Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. – Алматы: Санат, 1997. – 320 б.

37. Мэтью Дж. Пайн. Сталинская железная дорога. Турксиб и строительство социализма. // История Казахстана в западных источниках. Т.10., Алматы, 2006.- Санат.- 350 с.

38. Н. Пианчола. Европейская и американская историография о великом голоде в Казахстане. // Отан тарихы, 2015, № 2.- С. 100-126.

39. Рогалина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. – М.: МГУ, 1989. – 224с

40. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Пер. с англ. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – С.202-210.

41. Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР. М., Росспэн, 2011.- 471 с.

42. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX- начале XX вв. (1867-1907). – Алма-Ата: Изд.А.Н. Каз.ССР, 1963. – 411с

43. Сыдыков Е.Б. Российско-Казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы (1917-1937гг.). – Алматы: Ғылым, 1998. – 272с.

44. Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 127

45. Таутер М.Б. Урожай 1932 г. и голод 1933 года. // Голод 1932-1933 гг. – М., 1995. – С. 13-42.

46. Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в 17-19 веках. – Алма-Ата: Каз. Гос.издат, 1959. – 448 с. Толыбеков

С.Е. Кочевое общество в XVII-XIX вв.: политико-экономический анализ. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 634 с.

47. Шонанұлы Телжан. Жер тағдыры – ел тағдыры. – Алматы: Санат, 1995. – 224 б.

48. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. Т.1-5. 1927-1939. // Под ред. Данилова В.П. М., Росспэн, 2001. – 1008 с.

49. Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. – Алма-Ата: АН КССР, 1950. – 102 с.

50. Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. – 326 с.

51. Турсунбаев А.Б. Дорогой борьбы и свершений. Из истории казахского аула. – Алма-Ата: Казахстан, 1971.

52. Тулепбаев Б.А. Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 270 с.

53. М. Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Санат, 2002- 220 с.

54. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. Пер.с англ. Л.Ю.Пантиной. М., РОССПЭН, 2001. – 422 с.

55. Французские исследователи в Казахстане. // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. Т.7. – Алматы, Санат, 2006 - 272 с.

56. Хобсбаум Э. Разбой как социальное явление // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире /пер. с англ. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – С. 289-291.

57. Черновицкая Ю.В. «Косвенный геноцид в современном обществе (социально-философские аспекты)» // Вопросы философии, 2008.-№ 10.-С. 166-171.

58. Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1969. – 207 с.

59. D. Dalrymple. The great famine in Ukraine 1932-1933. 1932-34 Great Famine: documented view. [электронный ресурс] [www.ukrweekly.com/old/archive].

60. R. W. Davies. The Socialist Offensive. The Collectivization of Soviet Agriculture, 1929 — 1930. Cambridge, Mass., 1980. [электронный ресурс]

61. S. Cameron. Голод в Казахстане в 1930-33-е гг.: современные исследования и новые направления в изучении вопроса [электронный ресурс]. [caa-network.org].

62. Kappeler A. Russland als vielvölkerreich. Entstehung. – Geschichte – Zerfall. – Munchen, Beck, 1992. – 395 s.

63. Belkis Karmyseva. Typologisierung der Viehwirtschaft Mittelasiens// Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. – Leipzig, 1986. – S.44-56

64. G. Kendirbaeva. «We are children of Alash». The Kazakh intelligentsia at the beginning of the 20th century in search of national identity and prospects of the cultural survival of the Kazakh people. // Central Asian Survey (1999), 18(1), P. 5-36

65. Kindler, Robert. Stalins Nomaden. Herrschaft und Hunger in Kasachstan. Hamburg, 2014 – 331 s.

66. M. Lewin. «Taking Grain». Soviet Policies of Agricultural Procurements before the War. London, 1974. [https://link.springer.com/chapter].

67. N. Pianciola. The Collectivization Famine in Kazakhstan, 1931–1933. // Harvard Ukrainian Studies, Vol. 25, No. 3/4 (Fall 2001), pp. 237-251. [http://www.jstor.org/stable/41036834].

68. Швецов С.П. Природа и быт Казахстана // Казахское хозяйство в его естественно – исторических условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской АССР. – Л.: Н.К.З. Каз.ССР, 1926. – С. 93-105.

69. Сириус М.Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. – 1928. – №6-7. – С.15-36.;

70. Донич А.Н. Проблемы нового казахского аула. – Кызыл-Орда: Изд., Госплана Каз. ССР, 1928. – 28с.;

71. Ларин И.В. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане // Народное хозяйство Казахстана – 1928. – №9-10. – С. 194-211.

72. Полочанский Е.А. За новый аул – кстау. – М.: Изд. Каз. Представительства, 1926. – 38с.

73. Челинцев А.Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана, 1928. – №4-5. – С. 1-39.

74. Аргынбаев Х.А. Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. – Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1969. – 171 б.

75. Благовещенский В. О проблеме овцеводства в Казахстане. Современное состояние. // Народное хозяйство Казахстана – 1928. – №4-5. – С.51-74.
76. Прокопович Г. Ф. Принципы планового хозяйства в условиях Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. – 1926. – №1-2. – С.6-25
77. Ермеков А.А. Организация школ среди казахского населения // Народное хозяйство Казахстана – 1926. – №1 – С. 113-124.
78. Амосов П.Г. Хозяйственно-экономические нужды и задачи Каркаралинского уезда // Народное хозяйство Казахстана – 1926. – №3. – С.64-75.
79. Николаев Г. Джут // Наше хозяйство, сб. №4, 1927. – С. 29-39.
80. Тагильцев Н. Озеро Балхаш и Прибалхашский край // Народное хозяйство Казахстана – 1928. – №11-12. – С.238-250.
81. Мацкевич Н.Н. Сравнительная длина кочевков казахского населения бывшей Семипалатинской губернии. – Семипалатинск: Семгубиздат, 1929. – 34с.
82. Фрейденберг С.М. Каркаралинский округ // Народное хозяйство Казахстана – 1929. – №4-5. – С.205-214.
83. Шарипов М. Баганалинцы // Советская Киргизия. – 1924. – №3-4. – С.150-154.
84. Павлов Н.В. Комплексные степи и пустыни Карсакпая. – М., 1931. – 160 с.
85. Тимофеев Е. Проблема пустыни // Народное хозяйство Казахстана, 1929. – №8-9. – С.65-73.
86. Смоленский А., Николаев Г. К характеристике казахского кочевого хозяйства Семипалатинской губернии. (По данным бюджетного обследования Каркаралинского уезда в 1926г.) // Наше хозяйство, 1927. – №5-6. – С.3-27.
87. Николаев Г. Куяндинская ярмарка // Народное хозяйство Казахстана, 1928. – №11-12. – С.222-228
88. Чувелев К. А. О реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства // Народное хозяйство Казахстана. – 1928. – №2-3. – С.40-48
89. Дж. Демко. Орыстардын Қазақстанды отарлауы. 1896-1916. – Алматы, 1997. – 496 б.
90. Куминов А.Д. Скотоводство и скотопромышленность в Семипалатинской губернии (Казахстан). – Семипалатинск: Семгубиздат, 1926. – 45 с.

СПИСОК ОСНОВНОЙ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Основная литература:

- 1.Абилев А.К. Русская историография истории Казахстана 17-начала 20 вв. – Караганда, 1988.
- 2.Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана.- Алма-Ата, 1982.
- 3.Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе.- Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993.
- 4.Игибаев С.К. Историография истории Казахстана. Учебник. Алматы, 2013.- 354 с.
5. Ковальская С.И. Историография истории Казахстана. Учебное пособие.-Алматы, «Эверо», 2014.- 206 с.
- 6.Козыбаев И. М. Историческая наука Казахстана. (40-80- е гг. 20 века).- Алматы: Қазақ университеті, 1992.
- 7.Современная история Казахстана. Алматы: Паритет, 2010.- 432 с.
- 8.История Казахстана в документах и материалах. Альманах. Вып. 1, 2.-Астана, 2011-2012.
- 9.Казахстан в начале 20 века: методология, историография, источниковедение. Сб.ст., Алма-Ата, 1993-1994.
10. Очерки по историографии и методологии истории Казахстана.- Алматы, 2007.- 328 с.

Дополнительная литература:

- Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920-1930гг.) – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 240с.
- Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. – Алматы: Туран, 1997. – 360с.
- Абылхожин Ж.Б. Сталинизм и номадизм: к вопросу о силовой политике седентаризации в Казахстане 1920-х начале 1930-х гг // Феномен Кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 112-132
- Алексеев А.Н. Население Казахстана 1920-1990гг. – Алматы: Ғылым, 1993. – 125с.
- Алексеев Н.В., Алексеев А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997гг.). – Усть-Каменогорск: Полиграфия, 1999. – 157 с.

Алымбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы: Ғылым, 1998. – 234с.

М.Алпысбес. Казахские шежире – как исторический источник - Алматы, 2007.

Аргынбаев Х.А. Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. – Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1969. – 171 б.

Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане. (1917-1980). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 188 с.

В.В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории тюркских народов. А.1992.

Букейханов А. Избранное. – Алматы, 1995. – 425 с.

Букейханов А. Н. Казахи: историко-этнографические труды. Астана, «Алтын кітап», 2007. - 303 с.

Бродель Фернан. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс. – 1986. – 610с.

Л. Виола. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. – М.: Росспэн, 2010. – 368 с.

Гордон Л.А., Клопов Э. В. Что это было? – М.: Политиздат, 1989. – 319с.

Двоскин Б.Я. Экономико-географическое районирование Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 248с.

Данилов В.П., Ильин А., Тепцов Н. Коллективизация: как это было // Урок дает история. – М.: Политиздат, 1989. – С.128-141.

Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931-1933. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. - 539 с. (История сталинизма).

История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. В 8 т. - Алматы, 2006.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (Основы жизнедеятельности кочевнического общества). – Алматы «Социнвест». – Москва «Горизонт», 1995. – 320с.

И. О. Огайон Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения. (1928-1945 г.г.) = La sedentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Stalin. Collectivisation et

changement social (1928-1945)// пер. с фр. А. Т. Ракишева; сост. Б. М. Сужиков. – Алматы: Санат, 2009. – 365 с.

Мэтью Дж. Пайн. Сталинская железная дорога. Турксиб и строительство социализма.// История Казахстана в западных источниках. Т.10., Алматы, 2006.- Санат.- 350 с.

Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР. М., Росспэн, 2011.- 471 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. Т.1-5. 1927-1939.// Под ред. Данилова В.П. М., Росспэн, 2001.- 1008 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. Пер.с англ. Л.Ю.Пантиной. М., РОССПЭН, 2001.- 422 с.

Французские исследователи в Казахстане. // История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. Т.7. - Алматы, Санат, 2006 - 272 с.

Тестовые вопросы по историографии и источниковедению истории Казахстана

1. Произведения, написанные крупным этнографом азиатских народов Г.Н. Потаниным:

- А. «Очерки Северо-Западной Монголии»
- В. «Описание средней Орды киргиз-казаков».
- С. «Киргизское родословие».
- Д. «Записки о киргизах»
- Е. «О кочевках киргиз».
- Ф. «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды»
- Г. «Казак-киргизские и алтайские предания и сказки»
- Н. «В юрте последнего киргизского царевича».

2. Произведения русского историка И.Г. Андреева.

- А. «Описание средней Орды киргиз-кайсаков».
- В. «Краткое описание о киргиз-кайсаках».
- С. «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды»
- Д. «Казак-киргизские и алтайские предания и сказки»
- Е. «В юрте последнего киргизского царевича».
- Ф. «Очерки Северо-Западной Монголии»
- Г. «О кочевках киргиз».
- Н. «Домовая летопись».

3. Произведения, написанные историком и этнографом Ч.Ч. Валихановым:

- А. «Киргизское родословие»
- В. «Записки о киргизах»
- С. «Материалы к истории киргиз-казахского народа».
- Д. «Очерки Северо-Западной Монголии»
- Е. «В юрте последнего киргизского царевича».
- Ф. «Домовая летопись».
- Г. «О кочевках киргиз»
- Н. «Казак-киргизские и алтайские предания и сказки»

4. Основные концептуальные составляющие научного труда Ч.Ч. Валиханова «Киргизское родословие».

А. Старшую Орду составляют 4 основных рода: дулаг, жалаир, албан, суан и они все в виде нарицательного имени называются уйсунь.

В. Высказывается идея о конгломератном составе казахского народа, рассматривая его как смесь самых разнообразных монгольских и тюркских племен. Понимал этот конгломерат как казачествующую вольницу, сложившуюся постепенно из отколовшихся недовольных элементов разных кочевых народов.

С. Проводится параллель казахов с русскими казаками.

Д. Разделение казахов на три жуза связано с географическим фактором

Е. Изучается родоплеменной состав населения Казахстана в 15-начале 18 века и казахско-узбекские этнические связи.

Ф. Рассматриваются легенды народа как важный источник и выявляются те возможности, которые они раскрывают в изучении истории происхождения казахов.

Г. В работе рассматриваются раннесредневековые этапы истории тюркских племен кипчаков, канглы, карлуков и других, перемещение этих племен на территорию Казахстана.

Н. Кочевой образ жизни определяется как главный этнообразующий фактор в процессе формирования казахов в этнокультурную общность.

5. Крупный этнограф азиатских народов. Написал труды «Казак-киргизские и алтайские предания и сказки», «В юрте последнего киргизского царевича».

А. Г.Н.Потанин

В. А. А. Диваев

С. Бартольд В.

Д. А. Харузин

Е. В.Г.Гавердовский

6. Произведения Ч.Ч. Валиханова, в которых рассматривается возникновение жузов, родоплеменная структура, расселение казахов.

А. «Очерки Северо-Западной Монголии»

В. «Материалы к истории киргиз-казахского народа».

С. «Киргизское родословие»

Д. «Записки о киргизах»

Е. «Казак-киргизские и алтайские предания и сказки»

Ф. «Домовая летопись».

Г. «В юрте последнего киргизского царевича».

Н. «О кочевках киргиз».

7. Западные историки, изучавшие политику коллективизации в Казахстане, социально-экономические последствия этой политики и культуру крестьянского сопротивления в СССР (конец 1920-х - начало 1930-х гг.)

А. Дж. Уайфальви

В. Дж. Демко

С. Р. Пирс

Д. А. Тойнби

Е. Ф. Летимор

Ф. Р. Конквест

Г. И. Огайон

Н. Л. Виола

8. Казахстанские историки, изучавшие вопросы экономики и организации скотоводческого хозяйства казахов конца XIX – начала XX века.

А. М. Татимов

В. М. П. Вяткин

С. А. Н. Алексеев

Д. С. Е. Тольбеков

Е. В. Ф. Шахматов

Ф. Б. С. Сулейменов

Г. Ж. Б. Абылхожин

Н. Т. Омарбеков

9. Казахстанские историки, исследовавшие социально-демографические последствия политики коллективизации :

А. Н. Э. Масанов

В. В. Ф. Шахматов

С. Н. Алимбай

Д. К. И. Нуров

Е. М. К. Козыбаев

Ф. А. Б. Галиев

Г. М. Б. Татимов

Н. А. Н. Алексеев

10. Советские историки, рассматривавшие историю социально-экономических преобразований в ауле и деревне Казахстана в 1920-1930-е гг.

А. Г. Ф. Дахшлейгер

В. А. Б. Турсунбаев

С. Б. А. Тулепбаев

Д. Н. Э. Масанов

Е. М. П. Вяткин

Ф. Е. Б. Бекмаханов

Г. Н. Г. Аполлова

Н. Б. С. Сулейменов

11. Деятели Алаш, изучавшие переселенческую политику царизма, социально-экономические последствия этой политики.

А. А. Букейханов

В. М. Дулатов

С. Ш. Кудайберды-улы

Д. М. Ж. Копеев

Е. Х. Досмухамедов

Г. А. Диваев

Г. С. Джантюрин

Н. А. Байтурсынов

12. Казахстанский ученый, определивший кочевой образ жизни как главный этнообразующий фактор в процессе формирования казахов в этнокультурную общность.

А. Масанов Н. Э.

В. Диваев А.

С. Султанов Т. И.

Д. Юдин В. П.

Е. Кочекаев Н. Г.

13. Советские казахстанские историки, изучавшие аграрный вопрос в Казахстане в последней трети 19 в. и переселенческую политику царизма

А. Сулейменов Б. С.

В. Бекмаханов Е. Б.

С. Турсунбаев А. Б.

Д. Дахшлейгер Г. Ф.

Е. Тулепбаев Б.А.
Ф. Толыбеков С.Е.
Г. К. Н.Нурпеисов
Н. Масанов Н.Э.

14. Основные концептуальные составляющие трудов Н.Э. Масанова:

А. Раскрывает закономерности организации процесса производства, рассматривает особый механизм природопользования – дисперсность (рассеивание собственности в пространстве).

В. Возникновение кочевого скотоводства объясняется вытеснением отдельных групп людей в аридные зоны, происходившее или вследствие давления более сильных соседей, или в результате перенаселения.

С. Утверждает, что в кочевом социуме конечной целью производства являлось не столько производство материальных ценностей, сколько общинных отношений.

Д. Излагает историю крестьянской и казачьей колонизации Казахстана, анализирует составляющие каждого этапа колонизации, раскрывает причины переселенческой политики царизма.

Е. В работе подразделяет пять основных типов хозяйств: первый – чисто кочевые хозяйства, не связанные с земледелием и сенокосением, второй – кочевые хозяйства, имевшие посевы и занимавшиеся сенокосением, третий – полуоседлые скотоводческие хозяйства, не имевшие посевов, но запасавшие сено на зиму, четвертый – оседлые земледельческо-скотоводческие хозяйства, содержавшие скот летом на выгоне или на ближайших пастбищах, пятый – оседло-земледельческие хозяйства, для которых земледелие было основным источником существования.

Ф. Для безболезненного перехода к оседлости, необходимо наличие многих условий, в частности, плодородные земли, благоприятный климат, наличие источников воды, умение людей обрабатывать почву. Хозяйственные изменения никогда не происходили скачкообразно, они развивались очень медленно, эволюционным путём, на протяжении столетий и тысячелетий.

Г. В.Кочевой образ жизни - основной определяющий фактор в процессе формирования казахской народности.

Н. Дисперсность была обусловлена целым рядом взаимосвязанных факторов: засушливостью территории,

недостаточностью кормовых и водных ресурсов, важностью сохранения плодородия почвы и экологического равновесия в природных и социально-экономических процессах.

15.Казахские исследователи конца 19-начала 20 в., рассматривавшие вопросы функционирования кочевого и полукочевого хозяйства:

А. С. Джантюрин
В. Муса Чорманов
С. А. Букейханов
Д. Ш. Кудайберды-улы.
Е. Н. Наушабеков
Ф. М.Ж.Копеев
Г.К. Халиди
Н. А. Диваев.

16. Западный историк, изучавший культуру крестьянского сопротивления в СССР конца 1920-х-начала 1930-х.

А. Линн Виола
В. Джеймс Скотт
С. Каратницкий
Д. Капеллер
Е. Р.Конквест

17.Французские историки 2-ой половины 19 в., написавшие труды по географии и истории казахов.

А. Ж.Ж.Элизе-Реклю.
В. Г. Сент-Ив.
С. Мальте-Брун.
Д. Г. Мозер.
Е. Р. Карутц.
Ф. С. Гедин
Г. Ф. Гелльвальд.
Н. О. Донер.

18.Западные историки, исследовавшие историю коллективизации и оседания в Казахстане

А. Р. Конквест
В. И. Огайон

- С.Р. Дэвис
Д.С. Уиткрофт
Е. А. Грациози
Ф.Л. Виолла
Г. Ш. Фицпатрик
19. Французский историк, написавший монографию «Сырдарья-Зеравшан. Страна семи рек и Западная Сибирь».(1876-1877)
А. Ш.Е. Ужфальви де Мезе Ковезд
В.Мари де Ужфальви-Бурдон
С. Г.Ю. Клапрот
Д. Жозеф. де Гинь
Е. А. Грацеози
20. В каких источниках присутствуют упоминания о родах казахских жузов?
А. В донесении русского посла Д. Губина
В. Дневник и путевой журнал И. Унковского
С. «Памятники Сибирской истории 18 в.»
Д. В «расспросочной речи» служилых людей Т. Петрова и И. Куница
Е. В сообщении Г. Волконского
Ф. В сообщении И. Кириллова
Г. «Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенный графом К.К. Палленом»
Н. Ремезовская летопись .
- 21.Документы, отражающие историю административно-территориальных преобразований России на территории Казахстана:
А. Дневник и путевой журнал И. Унковского
В. Донесение русского посла Д. Губина.
С. Ремезовская летопись
Д. Сибирская летопись
Е. «Устав о сибирских казахах» 1822 г.
Ф. «Положение об управлении оренбургскими казахами» 1844 г.
Г. Есиповская летопись.

22. Источники, отражающие историю казахско-джунгарских войн
А. Дневник и путевой журнал И. Унковского
В. Шежире М.Ж. Копеева и К. Халиди
С. «Родословная тюрков, казахов, киргизов» Шакарима Кудайберды-улы.
Д. «Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенный графом К.К. Палленом»
Е. Ремезовская летопись .
Ф. Сибирская летопись
Г. Есиповская летопись.
Н. Донесение русского посла Д. Губина.
23. В этих источниках сосредоточены сведения самого разнообразного характера: социально-экономические, историко-этнографические, демографические, хозяйственные и др. Проводится анализ природно-климатических условий, почвенного покрова, маршрутов кочевания, уровня обеспеченности скотом, степени развития земледелия, сенокосения и различных промыслов.(конец 19-начало 20 в.)
А. Материалы экспедиции В. Щербины
В. Материалы экспедиции В. Кузнецова
С. Статистические сборники. Обзоры Акмолинской и Семипалатинской областей.
Д. «Устав о сибирских казахах» 1822 г.
Е. «Положение об управлении оренбургскими казахами» 1844 г.
Ф. Перепись населения Российской империи 1897 г.
Г. «Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенный графом К.К. Палленом».
- 24.Казахстанские историки, внесшие большой вклад в изучение социальной структуры и хозяйственной деятельности казахского населения в 19 в.
А. Толыбеков С.Е.
В. С. Зиманов
С. Е.Б. Бекмаханов
Д. С. Сундетов
Е. В. Черников
Ф. А. Гинсбург

- Г. П.Г.Галузо
Н. М. Асылбеков.
25. Научные труды Ш. Кудайберды-улы:
А. «Три истины»
В. Тауарих хамса (бес тарих)
С. «Новые исторические записки».
D. «Тарих-и жариди-и жадида».
E. Кіші жүздің шежіресі.
F. Қазақ шежіресі хақында.
G. «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий».
H. «Долг мусульманина».
26. Научные труды К. Халиди:
А. Тауарих хамса (бес тарих)
В. «Новые исторические записки».
С. «Тарих-и жариди-и жадида».
D. «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий».
E. «Мусулмандық шарты».
F. «Три истины»
G. «Кіші жүздің шежіресі».
H. «Қазақ шежіресі хақында».
27. Современные зарубежные историки, освещавшие культуру крестьянского сопротивления.
А. А. Р. Конквест
В. Р. Дэвис
С. И. Огайон.
D. С. Уиткрофт.
E. А. Каппелер
F. Эрик Хобсбаум.
G. Джеймс Скотт.
H. Линн Виола.
28. Западные путешественники второй половины 19-начала 20 в. Описали географию и образ жизни населения присырдарьинского региона.

- А. Г. Мозер
В. С. Гедин
С. Р. Карутц
D. Р. Дэвис
E. Р. Пирс
F. Отто Гетч.
G. Ф. Гелльвальд
H. О. Донер
29. Русские историки второй половины 18 в., писавшие труды по истории и этнографии казахов.
А. И.Э.Фишер.
В. Татищев В.Н.
С. Миллер Г.Ф.
D. М. Красовский.
E. В.В. Бартольд.
F. М. Вяткин.
G. Бернштам Н.М.
H. В. Григорьев
30. Этим исследователем казахи были впервые изучены в антропологическом отношении. На базе данных изучения живых казахов им был опубликован монографический труд под названием «Киргизы Букеевской Орды».
А. Харузин А.А
В. Ч. Ч. Валиханов
С. Ханьков В.С.
D. Гавердовский В.В.
E. Потанин Г.Н.
31. Крупнейший этнограф азиатских народов. Автор трудов «Казак-киргизские и алтайские предания и сказки», «В юрте последнего киргизского царевича».
А. Г.Н.Потанин
В. А. А. Диваев
С. Бартольд В.
D. А.А. Харузин
E. В.Г.Гавердовский

32. Востоковед, изучавший проблемы этнической истории тюрко-монгольских племен. В его трудах есть данные о племенах, вошедших в состав казахского народа. Последний нередко фигурирует у него под этническими терминами «узбеки», «узбекский народ», «узбек-казахи». Разделение казахов на три жуза он связывал с географическим фактором

А. В. Бартольд
В. А. А. Диваев
С. Г.Н.Потанин
Д. А.А. Харузин
Е. В.Гавердовский

33. Самой крупной работой этого исследователя является его этнографический труд о казахском народе «Описание средней Орды киргиз-касаков». Наибольшее внимание в работе автора уделено населению казахского народа на территории региона.

А. И.Г. Андреев
В. А. А. Диваев
С. Бартольд В
Д. Г.Н.Потанин
Е. Е. В.Гавердовский

34. Изучал вопросы истории Казахстана, Средней Азии, Восточного Туркестана, историю киргизов, ногайцев, узбеков, уйгурского народа. Возникновение жузов, родоплеменная структура, расселение казахов изучены во многих его работах, например, таких как «киргизское родословие», «Записки о киргизах», «О кочевках киргиз». Высказал мнение об этнической близости казахов и ногайцев.

А. Ч.Ч.Валиханов
В. В. Бартольд
С. Г.Н.Потанин
Д. И.Г. Андреев
Е. В.Гавердовский

35. В своей работе «Киргизское родословие» сообщает, что Старшую Орду составляют 4 основных рода : дулат, жалаир, албан, суан и что они все в виде нарицательного имени называются уйсунь.

А. Ч.Ч.Валиханов
В. В. Бартольд

С. Г.Н.Потанин
Д. И.Г. Андреев
Е. Е. В.Гавердовский

36. Рассматривал легенды своего народа как важный источник, изучал ряд преданий в статье «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды» и выявлял те возможности, которые они раскрывают в изучении истории происхождения казахов.

А. Ч.Ч.Валиханов
В. В. Бартольд
С. Г.Н.Потанин
Д. И.Г. Андреев
Е. В.Гавердовский

37. Представители казахской интеллигенции, работавшие в журнале «Айкап» (1911-1915 гг.)

А. Мухаметжан Сералин
В. С. Торайгыров
С. С. Кубеев
Д. А. Букейханов
Е. А. Байтурсынов
Ф. Х. Досмухамедов
Г. С. Жантюрин
Н. Ш. Кудайбердиев

38. Представители казахской интеллигенции, работавшие в газете «Казах»

(1913-1918 гг.)
А. Мухаметжан Сералин
В. С. Торайгыров
С. С. Кубеев
Д. Б. Каратаев
Е. А. Букейханов
Ф. А. Байтурсынов
Г. М. Дулатов
Н. С. Джантюрин

39. Европейские ученые конца 19-начала 20 в., изучавшие орхон-енисейские рунические письма.

А. В. Томсен
В. О. Доннер
С. Г. Гейкель
Д. Д. Уильямс
Е. С. Бенсидун
Ф. Дж. Демко.
Г. С. Зенковски
Н. Р. Пирс

40. Советские ученые, отстаивавшие гипотезу о монгольском происхождении найманов:

А. Н. А. Аристов
В. Ш. Ховорс
С. Грум-Гржимайло
Д. В. В. Бартольд
Е. Б. Я. Владимирцов
Ф. И. П. Петрушевский
Г. С. Мурояма
Н. Потапов Л. П.

41. Ученые, отстаивавшие гипотезу о тюркском происхождении найманов:

А. Г. Н. А. Аристов
В. Ш. Ховорс
С. С. Мурояма
Д. В. В. Бартольд
Е. Б. Я. Владимирцов
Ф. И. П. Петрушевский
Г. П. И. Рычков
Н. К. Риттер.

42. Участники Второй академической экспедиции 1763-1774 гг., организованной с целью географо-этнографического исследования Российского государства

А. И. К. Кириллов.
В. В. Н. Татищев
С. П. И. Рычков.
Д. М. Красовский.
Е. М. Вяткин.

Ф. П. С. Паллас
Г. З. Ф. Зуев
Н. И. Г. Георги

43. Участники Оренбургской экспедиции 30-40-х гг. 18 в.

А. С. Паллас
В. З. Ф. Зуев
С. И. Г. Георги
Д. М. Красовский.
Е. И. К. Кириллов.
Ф. В. Н. Татищев
Г. П. И. Рычков.
Н. М. Вяткин.

44. Благодаря деятельности каких ученых происходит переход казахских шежире в их письменную форму?

А. М. Ж. Копеев
В. Ш. Кудайберды-улы
С. К. Халиди
Д. М. Чорманов
Е. С. Жантюрин
Ф. А. Букейханов
Г. Е. Бекмухамедов
Н. М. Дулатов

45. Этнографы, изучали особенности ведения пастбищного хозяйства, в частности, табунного коневодства и затрагивали широкий спектр природно-климатических и хозяйственных проблем, с которыми неизбежно сталкивается кочевник. Доказывали насущную необходимость всех типов пастбищ для нормального функционирования хозяйства казахов.

А. М. Чорманов
В. С. Джантюрин
С. А. Букейханов
Д. Ж. Копеев
Е. Ш. Кудайберды-улы
Ф. К. Халиди
Г. Диканбай-батыр
Н. Нуржан Наушабеков.

Словарь терминов

Вещественные источники - сохранившиеся материальные реликты прошлого, в том числе добытые археологией: постройки, орудия труда, оружие и т.д.

«Военный коммунизм» - черты, особенности экономической политики Советской власти в годы гражданской войны и интервенции, которые были навязаны условиями войны. Для политики «военного коммунизма» были характерны национализация не только крупной, но и средней и части мелкой промышленности, организация распределения без учета законов товарного хозяйства, ликвидация товарно-денежных отношений, применение чрезвычайных мобилизационных методов в решении хозяйственных задач.

Восстание - открытая акция сопротивления группы людей против государственной власти. Наиболее важным видом восстания является вооруженное восстание.

Демократия (греч. demos - народ и cratos - власть, народовластие) - одна из основных форм политической и социальной организации общества, власти и государства; развивающийся прогрессирующий политический режим, обычно связанный с республиканской формой государства; своего рода народовластие в государстве, признаками которого являются: признание народа высшим источником власти, выборность органов государства, равноправие граждан и равенство избирательных прав, уважение прав человека и меньшинства

Дисперсность - пространственное рассеивание хозяйств с целью рационального использования среды обитания.

Джут - падеж скота, вызываемый природными катаклизмами - гололедом и резким потеплением климата в зимний период

Идеология - система взглядов, идей и ценностей, выражающих отношение социальных групп, движений и партий к действительности; существует обычно в форме концепций, доктрин, учений, служащих основой политических действий.

Индустриализация - создание промышленной базы страны, процесс, ведущий к созданию, в первую очередь, тяжелой промышленности.

Историография - историческая дисциплина, изучающая историю исторической науки.

Понятие «историография» происходит от древнегреческого — «история» — исследование прошлого и «графо» — пишу. В узком смысле слова, историографией называют историческую литературу по какому-либо вопросу, проблеме, периоду (например, историография Великой отечественной войны), имея в виду критическое изучение литературы. Понятие «историография» рассматривается и как синоним исторической литературы. Исходя из подобного понимания авторов исторических работ в прошлом называли историографами.

Понятие «история исторической науки» утверждается только в начале XX века. С момента зарождения исторической науки слово «историография» служило её синонимом.

Исторические факты - понятие «факт» (лат. factum — сделанное) имеет, по меньшей мере, два значения: одно указывает на что-либо совершившееся; другое — на достоверность, подлинность свидетельства о произошедшем. В XIX—XX вв. в интеллектуальной культуре Запада укоренилось представление, что профессиональная история отличается от других форм рассказа о прошлом тем, что основана на фактах, и этот базис отделяет историю от мифа, легенд, вымысла.

Исторические источники - документы и предметы материальной культуры, непосредственно отразившие исторический процесс и запечатлевшие отдельные факты и свершившиеся события. Благодаря историческим источникам формируется представление о той или иной исторической эпохе, выдвигаются версии о причинах и последствиях тех или иных событий.

Источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма и др.) - это свидетельства участников или очевидцев события, составляемые на основе личных впечатлений. Воспроизводя наиболее важные с его точки зрения стороны действительности, мемуарист стремится определить свое место в происшедшем, дать ему оценку. Это делает мемуары исключительно ценным источником для исследования психологических и бытовых аспектов развития общества, определения связи между событиями прошлого.

Классы - социальные группы, различающиеся по их закреплению в законах отношении к средствам, производства, роли в общественной организации труда, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают, престижем и по доступу к власти.

Конституция - основной закон государства, закрепляющий организацию государственной власти, общества и индивидов.

Кочевое скотоводство - скотоводство, имеющее экстенсивный характер и связанное с круглогодичным внестойловым содержанием. Для кочевого скотоводства характерны периодическая подвижность в пределах определенных пастбищных территорий или между ними, вызванная хозяйственными потребностями, участие в перекочевках всего или большей части населения, натуральный характер экономики. Именно эти хозяйственные потребности кочевого скотоводства представляются основными и определяющими его специфику.

Культ личности (от лат. cultus - почитание, поклонение) - возвеличение роли одного человека, наделение его сверхъестественными качествами, приписывание ему определяющего влияния на ход исторического процесса. Наиболее часто встречается в тоталитарных и авторитарных государствах. Его развитию в обществе способствуют патриархальная и подданническая политические культуры.

Курултай - орган народного представительства, всенародный съезд знати для решения важнейших государственных вопросов.

Легитимность (от лат. legitimus - законный) - оправдание власти, признание ее права управлять и согласие подчиняться ей. Легитимность обусловлена способностью власти формировать и поддерживать убеждения в оптимальности и справедливости существующих политических институтов данного общества. Легитимность представляет ценностный, культурный аспект власти: она не может быть навязана правящим режимом, а возникает из органичности политических установок и доверия к власти.

Милитаризация (лат. militaris - военный) экономики - военизация экономики. Применение форм и методов военной организации в экономике; экономика ориентируется на производство военной продукции.

Новая экономическая политика - комплекс экономических мер Советской власти, принятый в начале 1920-х гг, после окончания гражданской войны. В контексте новой экономической политики произошла отмена трудовой повинности, разрешались свобода торговли, аренда земли, применение наемного труда, поощрялось развитие кооперации. Допускалось также создание концессий с привлечением иностранного капитала, смешанных акционерных обществ и совместных предприятий. Было проведено реформирование системы заработной платы, т.е. была введена тарифная система оплаты труда.

Нумизматические источники - монеты, найденные на месте городищ и поселений. Позволяют проследить историю развития торговли и экономики.

Обычное право - система норм, правил поведения, основанная не на официально принятых юридических законах, а на обычаях, выработанных в течение длительного периода времени. Один из видов исторических источников.

Революция - глубокое качественное преобразование социально-экономических основ общества, политической системы и сознания людей. Полное изменение конституционных основ политической жизни. Типы революций выделяются в зависимости от их движущих сил, методов борьбы, типа устанавливаемых общественных отношений или характера преобразований.

Реформа - преобразование, изменение, переустройство. В частности, процесс преобразования государства, начинаемый властью по необходимости

Седентаризация кочевников - оседание кочевников, процесс перехода кочевников на оседлый образ жизни, сопровождаемый ломкой прежнего хозяйственно-культурного типа, образа жизни, мировоззренческих и культурных стереотипов.

Социальная стратификация - разделение общества на социальные страты. Естественный, постоянный и неизменный признак любого организованного общества; могут меняться формы стратификации, но суть ее остается неизменной и проявляет себя в наличии социальных слоев.

Социальная дифференциация - как наличие в обществе социальной структуры, так и процесс, ведущий к возникновению новых видов деятельности, ролей и групп, для выполнения новых функций.

Тоталитаризм-политический режим, который стремится установить полный (тотальный) контроль государства над всеми сферами общественной жизни.

Топонимы - имя собственное, обозначающее название географического объекта.

Традиционное общество - общество, в котором основным каналом передачи социальных ценностей являются традиции, т.е. нормы, апробированные поколениями людей, входившими в данное общество. Функционирование такого рода общественного организма возможно только в условиях, когда люди жили в замкнутых статичных человеческих сообществах.

Трайбализм(лат. tribus - племя) - поддержание культурно-бытовой, культовой, общественно-политической обособленности, присущей клановым, родоплеменным структурам. Современный трайбализм связан со способами рекрутирования элиты на основе земляческих отношений, с политической активизацией значения родовых связей.

Эпиграфические источники - надписи на камнях - документальные- декреты, законы, распоряжения консулов, должностных лиц, часто нанесенные на почетные доски. Посвятительные, почетные, поставленные в честь какого-либо знаменательного события, исторического лица.

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА (XVIII-XV ВЕКА)

Учебное пособие

Издательство «Арыстан»
Астана, ул. Байсейітова, 22
Тел: 2731 0800, 2731 0801

Готовлено в издательстве «Арыстан»
Издательство «Арыстан», ул. Байсейітова, 22
Тел: 2731 0800, 2731 0801

Альжанпарова Б.К.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА (XVIII-XX ВЕКА.)

Учебное пособие

Бумага офсетная Формат 60x100 1/16
Плотность 80гр/м². Белизна 95%. Печать РИЗО.
Усл.печ.стр. 27.37. Объем 156 стр.

Подготовлено к изданию и
отпечатано в издательстве «Эверо»
РК, Алматы, ул. Байтурсынова, 22
тел.: 8 (727) 233 83 89, 233 83 43,
233 80 45, 233 80 42
e-mail: evero08@mail.ru